Проф. Н. П. Огановский.

ОЧЕРКИ

ПО

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ

(В СВЯЗИ С МИРОВЫМ ХОЗЯЙСТВОМ, ПО НОВЕЙШИМ СТАТИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ).

Часть I. Сельское хозяйство.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМЗЕМА
„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ".
МОСКВА. 1922.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Издательство Н. К. З. „НОВАЯ ДЕРЕВНЯ" выпускает книгу проф. Огановского по экономической географии России, курс лекций, прочитанных автором в I-м Московском Государственном Университете, как необходимое пособие для изучения производительных сил Республики. К сожалению автор не мог удержаться на об'ективной позиции и допустил ряд совершенно неправильных выводов. Так, на стр. 81—83, в отделе „Распределение земли после революции" он утверждает, что „формальный переход принес лишь незначительную прирезку", между тем, как сам же автор, пользуясь данными Б. Н. Книповича, несколькими строками выше приводит цифры, указывающие на многомиллионное увеличение площади крестьянского землепользования.

Он считает, что переход всей земли от помещиков к трудовому крестьянству, есть не „главный эффект" и говорит лишь об уничтожении экономической зависимости крестьян от помещиков. Но на стр. 82 он рисует картину падения нашего рубля и разрушение революцией городской промышленности и указывает на разрушительное влияние продразверстки, не давая ясного и точного об'яснения почему эта продразверстка была введена.

Здесь нет грубых искажений, но нет и того, что должно быть в книге, предназначенной для учащихся,—подробного выяснения причин, вызвавших то или иное мероприятие и в особенности такое, как продразверстка.

Таким образом, выпуская в свет настоящую книгу, Издательство Н. К. З. „НОВАЯ ДЕРЕВНЯ" считает необходимым указать читателям на безусловную необходимость относиться к выводам автора самым критическим образом.

А если читатель примет во внимание, что автор книги не марксист—он будет относиться к выводам автора с необходимой осторожностью, используя чрезвычайно ценный фактический материал, содержащий обработку новейших данных по состоянию производительных сил РСФСР.

Очерки по экономической географии России.

(Сравнительно с иностранными государствами).

Введение. Предмет и задачи настоящих очерков.

Экономическая география—дисциплина совсем молодая, начинающая формироваться только в XX веке. Поэтому ни об'екты исследования этой дисциплины, ни самые методы их изучения не установлены с достаточной отчетливостью. В большинстве случаев, курсы экономической географии дают лишь простое описание современных фактов хозяйственной жизни, не задаваясь целью выяснить их закономерную причинно-зависимость. Нужно признать, что авторы этих курсов поступают вполне благоразумно и осторожно, ибо, во-1-х, об'екты изучения экономической географии слишком громадны и многосложны, во-2-х, методы хозяйственно-географического анализа настолько еще не установлены, что уловить основные законы развития изучаемых процессов в нашей науке представляется задачей, разрешение которой доступно лишь гениальному уму или большому многолетнему коллективному труду ряда научных работников.

Об'ектами изучения экономической географии являются:

1. *Мировое хозяйство*, как результат экономических взаимоотношений отдельных национальных хозяйств.

2. *Народное хозяйство*, как совокупность отдельных областных или районных хозяйств данной страны.

И мировое, и народное хозяйство, как целостные хозяйственные организмы, начинают складываться лишь с конца XIX столетия, с момента гигантского развития мирового транспорта, создавшего современную связанность стран и рынков между собою, и в результате этой связанности—известное разделение труда между ними. Поэтому формы строения этих организмов, находящихся еще в зачаточном состоянии, рыхлы, неустойчивы, постоянно модифицируются. Пережитая только что война, которая произвела грандиозные перемещения в структуре мирового хозяйства, достаточно ясно показала, насколько трудно уловить закономерный ход его эволюции. В России к войне прибавилась революция, разрушившая не только старый политический строй, но в значительной степени и тот экономический базис, на котором этот строй держался—базис *экономической*

власти. Переход от централизма к федерализму, намеченный в государственном строении Российской Республики, не может не отразиться и на хозяйственной структуре нашей страны в ближайшем будущем.

С другой стороны и самые методы изучения мирового и народного хозяйства еще далеко не оформились. В основу экономической географии обычно кладется индуктивно-статистический метод, для которого в XX веке уже находится достаточное количество материалов в хозяйственной статистике стран, втянутых в мировой товарооборот. Но статистика все же не в состоянии уловить и оформить в количественных выражениях ряд элементов, необходимых для нашей дисциплины. К таким элементам принадлежат физико-географические и естественно-исторические условия, в которых происходит и от которых в весьма сильной степени зависит структура мирового и народного хозяйства; национально-бытовой уклад рас и племен, населяющих разные страны и области; наконец политическая среда, в рамках которой происходит хозяйственная деятельность в различных государствах.

Между тем, чтобы понять и определить структуру мирового и народно-хозяйственного организма, экономист-географ обязан ввести в систему своего анализа и эти элементы. Таким образом, если основным методом хозяйственно-географического анализа должна явиться чистая индукция, то во всяком случае индуктивный метод приходится применять далеко не в одной статистической форме.

Таковы, в двух словах, те основания, которые заставляют нас принять как руководящее указание для настоящих очерков скромное определение предмета экономической географии, данное в своем труде проф. В. Э. Деном. „Экономическая география“,—говорит он, „ставит себе целью *изучение современного состояния отдельных отраслей хозяйственной жизни в их географическом распространении*, а также тех физических и культурных условий, которые так или иначе влияют на каждую из этих отраслей. Хозяйственная география является как бы дополнением к хозяйственной истории: последняя изучает хозяйственную жизнь в прошлом—первая—в настоящем[1]). Однако, следует отметить, что и сам проф. Ден, почти единственный из русских авторов курсов экономической географии, пытавшийся дать определение своему предмету, находит нужным сделать к нему два добавления: во-первых, он заявляет, что „экономическая география должна сосредоточить свое внимание не только на фактах, встречающихся в действительной жизни, но и на тех формах, в которые эти факты выливаются[2]): она должна выяснить, какие формы существуют в различных отраслях хозяйственной жизни, и нет ли в этом существовании известной закономерности“. Во-вторых, в виду того, что хозяйственная жизнь находится в процессе постоянного изменения—„часто нельзя обойтись без того,

---

[1]) Проф. В. Э. Ден. „Очерки по экономической географии“. Часть I. «Мировое хозяйство», СПБ 1908 г., стр. 4.

[2]) Напр., в области аграрных отношений, по его мнению, важно установить формы и размеры землевладения и хозяйства (трудовое, капиталистическое и т. д.) и господствующие в данной стране.

чтобы дать экономической географии историческую постановку. Если мы оторвем то, что есть, от того, *что было*, то нередко отрежем себе путь к пониманию".

Таким образом, сам проф. Ден не находит возможным ограничиться в экономической географии простым бессвязным, не систематизированным и не освещаемым историческим анализом изложением фактов современной хозяйственной жизни человечества. Он требует логически связанного изложения этих фактов в *пространстве* и во *времени*. Для настоящего момента это требование должно быть признано тем более обязательным, что анализ современного положения мирового и народного хозяйства представляет далеко не один теоретически-научный интерес: такой анализ является самой жгучей потребностью и для современных государственных и общественных деятелей не только на верхах, но и в низах, ибо каждый работник на ниве народной должен сейчас создавать те или иные хозяйственные планы, которые самым тесным образом переплетаются с экономической кон'юнктурой страны, а эта кон'юнктура, в свою очередь, неразрывными нитями связана с хозяйственными отношениями всего мира. Отсюда так широко распространившиеся, вошедшие, так сказать, в моду у нас за последнее время, попытки самого разнообразного районирования России, которые практикуются не только и не столько в кабинетах ученых, сколько в канцеляриях экономических ведомств и в бюро новых общественных и кооперативных организаций. Проблема районирования России стала самой необходимой рабочей проблемой для всех государственных и общественных органов, имеющих какую-либо связь с хозяйственными отношениями *внутри* России. В то же время для органов, прикосновенных к *внешним* экономическим отношениям нашей родины, стало настолько же обязательным тщательное изучение мирового хозяйства, переживающего сейчас период грандиозной перестройки. Научная и жизненная практическая работа над проблемами экономической географии самым тесным образом переплелась между собою и поэтому доступная для нас, при настоящем состоянии этой дисциплины пространственная и временная систематизация фактов современной экономической действительности является обязательной.

Исходя из этих предпосылок, мы намечаем себе следующие основные задачи настоящих очерков. Как видно из заглавия, очерки посвящаются географическому анализу хозяйственной жизни России по отдельным отраслям сравнительно с положением мирового хозяйства. При этом анализе автор ставит своей задачей не только дать известную систематизацию фактов современной действительности, но и раскрыть некоторые исторические перпективы их, для каковой цели он намерен дать изложение фактического материала, относящегося к хозяйственной эволюции, происходящей на протяжении XX века. Таким образом, автор предполагает применить в настоящих очерках метод индуктивного историко-географического анализа. Первая часть посвящается сельскому хозяйству, и в ней характеристика других отраслей промышленности, торговли и транспорта будет затрагиваться лишь постольку, поскольку без них невозможно дать отчетливое представление о тех или иных явлениях в сельском хозяйстве. В основу из-

ложения кладется *предметное* деление: каждый очерк посвящается особому вопросу или особой проблеме сельского хозяйства. В настоящем введении автор намерен выяснить сущность проблем мирового и народного хозяйства в их современной постановке; далее мы намерены дать самое краткое изложение физико-географической среды, в которой протекает хозяйственная жизнь в России; следующие очерки будут посвящены проблемам населения и колонизации; затем уже пойдут главы, относящиеся исключительно к земельным и сельско-хозяйственным вопросам: о землевладении и землепользовании, землеустроительном и мелеоративном деле, земледелии, скотоводстве, торговле и транспорте сельско-хозяйственных продуктов [1]). Насколько позволят материалы, автор намерен довести изложение фактов со временности до 1921 г.

ГЛАВА I.

Краткая характеристика мирового хозяйства.

Как вытекает из вышеизложенного, разрешение проблемы мирового хозяйства еще впереди. Здесь мы можем дать лишь самое краткое изложение ее сущности, поскольку это необходимо для дальнейших очерков.

Мировое хозяйство возникает на основе обмена между различными странами, связанными нитями преимущественно торгового транспорта. Правда, и до появления парового транспорта, со времени глубокой древности происходил мировой товарообмен, но он, в большинстве случаев, не доходил до таких размеров, чтобы мог создавать ныне существующее *разделение труда*, когда каждая страна, связанная более или менее тесно с мировым хозяйством, стремится производить те продукты, которые ей наиболее выгодно поставлять на международный рынок. Поэтому началом организации мирового хозяйства можно считать момент развития парового транспорта.

Проф. Исаев отмечает три основные вида мирового обмена: 1) передвижение людей, 2) продуктов и товаров, 3) капиталов [2]). Хронологически эти три вида обмена возникают в том же последовательном порядке. Раньше всего начинается передвижение людей из густо населенных стран Европы в редко населенные, лежащие за океаном. Эмиграция из Европы служит необходимой предпосылкой втягивания в мировое хозяйство и таких густонаселенных стран, как Индия и Китай, ибо европейские эмигранты являются тем организационным ферментом, без которого не может произойти перестроение народного хозяйства этих стран сообразно с требованиями

---

[1]) Против предметного деления можно было бы выставить серьевные возражения: во многих отношениях было бы целесообразнее, быть может, порайонное деление (для эконом. географии России), но необходимость быстрого и сжатого изложения заставляет автора остановиться на предметном, тем более, что оно требуется сравнительным методом изложения.

[2]) См. А. А. Исаев «Мировое хозяйство», СПБ 1910 г. Гл. II «Развитие мирового хозяйства».

мирового рынка. На протяжении XIX столетия с 1815 до 1907 года из Великобритании и Ирландии выселилось 17.600.000 эмигрантов. Большая часть их переселилась в Соединенные Штаты. С 1821 по 1900 г. из 17,5 миллионов европейских эмигрантов в Соединенные Штаты, 7,1 милл. явились из Великобритании. На втором месте стоит Германия, давшая за этот период 5,1 миллионов колонистов. Дальше волны эмиграции прокатываются на юг, захватывая Италию, и на восток—в славянские области Австро-Венгрии, а с конца XIX века в Россию, откуда, согласно переписи 1910 г., оказалось 1,6 миллионов эмигрантов, родившихся вне Соединенных Штатов.

Когда европейская колонизация заокеанских стран достигает известного уровня, между ними и Европой развивается обмен товарами и продуктами; одновременно усиливается и товарообмен и между европейскими странами. Этот товарообмен, как мы сейчас сказали, находится в непосредственной связи с развитием парового транспорта. Длина железнодорожной сети во всем мире составила

в 1850 г.	38.600	километров
« 1880 г.	372.000	„
« конце 1890-х г-ов	617.285	„
« « 1911 года	1.057.809	километров [1]).

Чем ближе к нашему времени, тем длина железных дорог в абсолютных числах возрастает все быстрее. В больших размерах увеличивается мировой торговый флот, провозоспособность которого за одно десятилетие 1899—1909 г.г. увеличилась на 55,6%. В результате развития транспорта внешняя торговля главных стран, составлявшая в 1850 г. сумму около 8 миллиардов рублей, а в 1880 г.—29 миллиардов, в 1903 г. дошла до 47 миллиардов и наконец в 1911 г.—до 71 миллиарда. За указанные 8 лет XX века она сразу увеличилась на 50% слишком.

Развитие мирового товарообмена углубляет и дифференцирует народное хозяйство отдельных стран. Происходит международное разделение труда, причем все страны, входящие в мировое хозяйство, делятся, прежде всего, на страны *промышленные*, страны-города, и *сельско-хозяйственные* страны-деревни. В западной Европе типичный образец промышленной страны представляет Англия, поставляющая в свои огромные колонии фабричные товары и сократившая до минимума во второй половине XIX века свое сельско-хозяйственное производство. Вслед за ней идет Бельгия, затем Германия, далее Франция. Во всех этих странах развитие индустрии оставляет за собой сельско-хозяйственную эволюцию. Страны преимущественно земледельческие лежат либо на континенте Европы и Азии, где население их довольно густо, либо за океаном, где земельный простор дает возможность быстрого развития сельского хозяйства.

Но в общем мировом масштабе эволюция индустрии происходит *быстрее*, чем сельско-хозяйственная. Так, например, мировое производство

---

[1]) Эти и некоторые последующие цифры заимствованы из книги Н. Бухарина „Мировое хозяйство и империализм“ СПБ, 1918 г.

основных элементов тяжелой индустрии—топлива, чугуна и меди росло следующим образом.

	Производство каменного угля.	Производство чугуна.	Производство меди.
	В миллион. тонн.		В тысяч. тонн.
В 1850 г. . . .	83	5	52
„ 1875—80 г.г..	344	14	156
„ 1911—12 г.г..	1165	65	1019

В то же время мировое производство зерновых продуктов с 1895 года до 1912 увеличилось всего лишь с 15 миллиардов пудов до 22 миллиардов[1]). Сельское хозяйство *отстает* от индустрии в силу того факта, что, кроме человеческого труда земледельческая продукция зависит пока от роли природных факторов, воздействие человека на которые ограничено. Ограничен, например, запас удобных земель, доступных земледелию без предварительных мелиораций; поэтому посевные площади пшеницы выросли во всем мире за 1901—12 г.г. только с 47 милл. десятин до 60 миллионов. Ограничено и естественное плодородие почвы. А современное промышленное производство зависит почти целиком от человека—его труда, разума и воли: во всяком случае, запасы природных благ, необходимых индустрии, неисчерпаемы еще в течение веков.

Более быстрый рост хозяйственной эволюции в промышленных странах повышает народный доход их населения. На одну душу обоего пола народного дохода приходилось (в 1913 г.):

В Англии . . . . . 463 рубля,
во Франции . . . . . 355 „
в Германии . . . . . 292 „
в России . . . . . 101 „

Еще меньше, чем в России, народный доход в Индии и Китае. Накопляя, благодаря высокому доходу большие капиталы, которые уже не могут поместиться в предприятиях на их родине, промышленные страны начинают их экспортировать за-границу. Англия вывезла за границу до 1915 года капитал около 40 миллиардов рублей, Германия 16 миллиардов, Франция—15. Убыстренный рост доходов и накопление капиталов, часть которых переливает через край, дает возможность промышленным странам эксплуатировать земледельческие, в особенности те, которые являются колониями индустриальных держав. Этой эксплуатации избегают лишь молодые заокеанские страны, в которых происходит одновременное поступательное развитие сельского хозяйства и индустрии. Типичный образец таких стран с *двусторонней* хозяйственной эволюцией представляют Соединенные Штаты, в которых народный доход является максимальным (в 1913 г.—500 руб. на душу).

Соединенные Штаты не только избегли европейской эксплуатации, но и заняли после войны доминирующее положение в мировом хозяйстве.

---

[1]) См. изд. м-ва земледелия „Сельско-хоз. промысел в России".

Это—очевидное доказательство того факта, что двустороннее хозяйственное развитие дает все преимущества тем странам, в которых оно возможно. А оно безусловно возможно, если не во всей России, то в целом ряде ее районов, в особенности на южных и восточных окраинах.

Таким образом, мы видим, что все страны, по своему хозяйственному типу, делятся на три группы: страны промышленные, сельско-хозяйственные и смешанные—промышленно-земледельческие. Сельско-хозяйственные страны по видам производимых и преимущественно эксплуатируемых продуктов могут быть, в свою очередь, разделены на группы: из этих групп наиболее важны группы земледельческие, на которые делятся ст, аны умеренного климата, и на тропические и субтропические, поставляющие для мирового хозяйства чай, кофе, рис, тростниковый сахар, пряности и техническое сырье—хлопок, каучук, ценные породы дерева и т. п. Все эти деления, однако, носят временный характер, ибо хозяйственный тип каждой страны меняется в зависимости от изменения основных факторов, влияющих на хозяйственную жизнь. Такими факторами для стран сельско-хозяйственного типа являются, прежде всего, рост и густота населения, заставляющие переходить от экстенсивного скотоводства к земледелию, а для всех вообще стран, втянутых в мировое хозяйство,—усиление в них индустриализма, под влиянием возрастания капиталов в промышленных странах и перетекания этих капиталов в страны сельско-хозяйственные. До войны в XX веке мы наблюдаем во всех главных странах убыстренный рост промышленности, перебрасывающийся на континенте Европы и Азии с запада на восток, где он захватил Россию, Японию, а в последнее время Индию и Китай. На американском континенте происходил экспорт промышленного капитала с севера на юг, из Соединенных Штатов в Южную Америку; Англия, Франция, Бельгия и Голландия экспортировали финансовый и промышленный капитал в свои колонии и на восток и т. д. „Экспорт капитала“,—говорит Гильфердинг,—„в особенности с той поры, когда он стал вывозиться в форме промышленного и финансового капитала, колоссально ускоряет переворот во всех старых общественных отношениях и столь же ускоряет вовлечение всего земного шара в сферу капитализма“ [1]). При этом, возникающие на экспортированный капитал предприятия отличаются своей величиной и технически совершенной конструкцией, благодаря чему, как бы ни была отсталой индустрия данной страны,—она сразу переносится в фазис современного крупно-капиталистического производства. Так было, например, в России и Японии.

Быстрый рост финансового и промышленного капитала в связи с ограниченностью рынка мирового потребления создает между главными индустриальными странами ожесточенную борьбу за рынок. На почве мировой конкуренции капиталисты промышленных стран об'единяются в союзы—синдикаты и тресты, стремящиеся захватить в свои руки возможно большую часть товара, обращающегося на мировом рынке или в данной стране. Для того, чтобы устранить конкуренцию и повысить свою прибыль, об'единен-

[1]) Гильфердинг. „Финансовый капитал“. 1918 г.

ные капиталистические организации добиваются ограждения рынков своей страны или ее колоний *таможенными* стенами. Первая страна, вступившая на путь агрессивной таможенной политики—Германия—с 1870-х годов—после Франко-Прусской войны, так повлиявшей на развитие германской индустрии; одновременно с ней создает оградительную систему таможенных пошлин Австро-Венгрия, а затем по необходимости вступает на тот же путь Франция (1881), Соединенные Штаты (1883), Россия и др. страны. С тех пор во всем мире, кроме Англии, по нескольку раз перестраиваются таможенные тарифы, и с каждым разом размеры пошлин повышаются все более и более. Развивается, все усиливаясь, таможенная война—предтеча мировой войны.

Последняя война произвела очень крупные, далеко еще невыясненные перестроения в системе мирового хозяйства. В дальнейших очерках мы будем излагать фактический материал, касающийся пертурбационных процессов, происшедших в мировом хозяйстве и в хозяйстве отдельных стран за период 1913—1921 г.г. Но этот материал не даст нам возможности построить прогноз *будущей* эволюции международных хозяйственных отношений, ибо вслед за военным кризисом последовал в промышленных странах кризис индустриальный, а в России, благодаря гражданской войне и засухе—и сельско-хозяйственный. К кризису производства прибавляется *финансовый*—хаотическое состояние денежного обращения во многих странах. Если, наконец, мы примем в соображение все завязавшиеся политические гордиевы узлы—то невозможность какого-либо прогноза будущего развития мирового хозяйства станет очевидной. Тем не менее можно с известной осторожностью сделать одно указание на происходящие сейчас в мировом хозяйстве перемены: именно на перемещение центра тяжести этого хозяйства из западной Европы за океан, преимущественно в Соединенные Штаты, выигравшие благодаря войне во всех отношениях.

Переместилась не только промышленность, но и сельское хозяйство так за 1913 –1920 г. г. посевные площади в воевавших странах Европы (кроме России) сократились на 14,3 миллионов гектаров, а в заокеанских выросли на 13,9 мил. гектаров. Однако, некоторые промышленные страны, в особенности Англия, благодаря блокаде, сделали попытку восстановления своего сельского хозяйства, принесшую некоторый количественный результат. С другой стороны, выпадение России из мирового хозяйства нанесло продовольственному потреблению центральной Европы большой ущерб, который не возмещен заокеанскими странами. Поэтому в ближайшем будущем надо ожидать, что либо Россия, восстановив свое сельское хозяйство, займет прежнее положение на мировом рынке, либо европейские страны будут вынуждены усилить свою земледельческую продукцию, тем более, что после войны Соединенные Штаты выказывают некоторую тенденцию к сокращению своего сельско-хозяйственного производства.

На этом моменте мы закончим свою краткую характеристику мирового хозяйства. Для большей ясности излагаем ее в сжатых тезисах.

1) Мировое хозяйство представляет из себя совокупность народных

хозяйств стран, связанных между собою обменом, как людей, так равно и продуктов своего производства и финансовых капиталов.

2) Мировой обмен создает разделение труда между странами, стремящимися производить те продукты или товары, которые находят себе наиболее выгодный сбыт на международном рынке. Одне страны специализируются, в зависимости от естественных и экономических условий, на промышленном производстве, другие—на сельско-хозяйственном, третьи представляют картину двусторонней поступательной эволюции, как промышленности, так и сельского хозяйства. Сельско-хозяйственные страны, в свою очередь, могут быть разделены на преимущественно земледельческие, скотоводческие и тропические, производящие продукты специальных культур, недоступных странам с умеренным климатом.

3) Но такая система специализации не носит устойчивого характера; так как эволюция индустрии происходит быстрее сельско-хозяйственной, и промышленные страны накопляют большие капиталы, перетекающие в более бедные сельско-хозяйственные страны и в колонии—то в XX веке, накануне войны наблюдается во всем мире убыстренное развитие индустрии.

4) Это развитие порождает мировую конкуренцию между промышленными странами, приводит к об'единению капиталистов этих стран в синдикаты и тресты и создает сначала таможенную борьбу, а затем и мировую войну за господство на всемирном рынке.

5) Мировая война способствует перемещению центра тяжести мирового хозяйства из дифференцированных в хозяйственном отношении государств Европы в страну двусторонней системы экономической эволюции—в Соединенные Штаты Америки.

6) Двусторонний тип хозяйственной эволюции, поскольку он возможен по природным и экономическим условиям, является наиболее выгодным для сельско-хозяйственных стран, в частности для России: иначе эти страны подвергаются усиленной эксплуатации со стороны государств с сильно развитой капиталистической индустрией.

7) Если бы Россия могла в ближайшие годы развить одновременно свою сельско-хозяйственную продукцию и развернуть широко промышленную эволюцию в районах, пригодных для этого,—она бы с одной стороны могла легко занять, по крайней мере, прежнее место в мировом хозяйстве, как поставщица сельско-хозяйственного сырья, с другой—избежала бы экономического закабаления ее капиталистами промышленных стран.

Поэтому ближайшее будущее России в сильнейшей степени зависит от правильного разрешения проблемы организации ее народного хозяйства, находящегося после пережитых событий в процессе радикального переустройства. К рассмотрению этой проблемы мы переходим сейчас.

ГЛАВА II.

Народное и сельское хозяйство России и проблема районирования.

В противоположность американскому, народное хозяйство России страдает излишней односторонностью—так же, как и хозяйство некоторых стран Западной Европы. Но если западно-европейские страны отличались до войны гипертрофией своей промышленной эволюции, то у нас, наоборот, по крайней мере во вторую половину XIX века, при слабом развитии промышленности и городской жизни, центр тяжести хозяйственных отношений продолжает лежать в деревне. За период с 1860 до 1897 г. г. сельское население увеличилось абсолютно вчетверо больше городского (первое на 34,6 мил. душ, второе—на 8,2 мил.). По расчетам С. Н. Прокоповича [1]) доход от сельского хозяйства (включая лесоводство и рыболовство) в 1900 г. равнялся 3611,2 миллиона руб., а от добывающей и обрабатывающей промышленности—всего 1402,2 мил. руб. Отсюда видно, что наша страна, по своему типу, принадлежит к категории сельско-хозяйственных.

Однако, нельзя сказать, чтобы во 2-ю половину XIX века этот основной промысел населения России развивался очень быстро. В то время, как в указанные 40 лет число сельских жителей увеличилось на 52%, площадь пашни возросла только на 38%, а рост скотоводства, относительно которого мало-мальски достоверных сведений не имеется, повидимому заметно отставал от земледелия. По расчету того же Прокоповича, народный доход от скотоводства в 1900 г. равнялся всего лишь 831,5 мил. руб., в то время как от земледелия (включая садоводство и огородничество)—2103,7 мил. руб. т.-е. в $2^1/_2$ раза более. Отсюда следует, что Россия является не только сельско-хозяйственной страной, но и сельское хозяйство в ней шло по пути одностороннего развития экстенсивного, преимущественно зернового земледелия, которое, вдобавок, отставало от роста сельского населения, что и породило у нас исключительное по своей силе и остроте аграрное перенаселение и оскудение деревни к началу XX века.

Таким образом, наша страна по типу своего хозяйственного развития относится к группе сельско-хозяйственных, а в этой группе к категории—земледельческих. Но этот хозяйственный тип нельзя считать одинаково распространенным на всем обширном пространстве российского государства. С того исторического момента, когда началось «сползание» населения из старинных центральных областей Московской Руси на юг и восток—происходит процесс деления Европейской России на нечерноземную полосу—с более развитой промышленностью и черноземную с исключительным преобладанием чисто земледельческих промыслов. По переписи 1897 г. в Московской губ., напр., лиц, живших сельским хозяйством, оказалось всего 28%, в Петроградской—25%, Владимирской—58%. Наоборот, в черноозем-

[1]) См. „Опыт исчисления на одного дохода по 50 губ. Европ. России".

ной полосе мы имеем в Курской губ. 83% земледельцев, в Полтавской—87%, Самарской—86%. Сверх того в нечерноземной полосе большинство сельских жителей занимается, кроме земледелия, кустарными и отхожими промыслами, и в их хозяйственном бюджете доходы от сельского хозяйства играют зачастую второстепенную роль. Различие хозяйственных типов нечерноземной и черноземной полос видны из сопоставления следующих цифровых данных:

	Нечерноземная полоса.	Черноземная полоса.
Процент пашни и усадьбы ко всей площади .	12	48
процент леса	54	16
Десятин посева в 1913 г. (в мил.)	20,4	57,8
Избытки и недостатки (+или—) главных хлебов в 1909—13 г.г.	—130	+ 767
Сумма фабрично-заводского производства в 1908 г. (в мил. руб.)	2297.	1357

Следует еще отметить, что с конца XIX столетия в черноземной области—Донской и Екатеринославской губ.—образуется район горно-заводской промышленности (в Донецком бас), представляющий остров развитой индустрии в безбрежном море сельско-хозяйственных промыслов степных областей юга. Если исключить 400 мил. руб. горно-заводского производства этого района, на всю остальную промышленность черноземной полосы придется только 950 мил.—в $2^1/_2$ раза меньше, чем в нечерноземной.

Таким образом, различие хозяйственных типов обеих полос обрисовывается указанными цифрами с достаточной резкостью: нечерноземная полоса—преимущественно городская, промышленная, торговая, с мало развитым земледелием, которое не покрывает всей продовольственной потребности местного населения (недостаток—130 мил. пуд.), черноземная—за исключением горнозаводского района—главным образом, деревенская, земледельческая, с избытком хлеба (767 мил. пуд.), который она сбывает не только в нечерноземные области, но и за границу. Отсюда ясно, что в результате различия хозяйственных типов обоих полос, между ними возникает товарообмен: промышленный север обменивает свои фабрикаты на недостающий ему хлеб, привозимый из земледельческого юга.

Это—широтное деление, зависящее в значительной степени от природных особенностей обеих полос, усложняется долготным, проявляющимся с особой силой в сельско-хозяйственных отношениях.

Сельско-хозяйственная эволюция зависит от двух основных факторов; от неподвижных или мало-изменчивых во времени физико-географических и естественно-исторических условий и от постоянно меняющегося воздействия на природу деятельности человека. Воздействие человека на природу

меняется вследствие изменения числа людей и их потребностей, по отношению к одной и той же площади. Увеличивается на одной и той же площади количество людей, растет спрос на продукты почвы данной площади—должна возрасти и ее производительность. Короче говоря, производительность сельского хозяйства в данном районе зависит, кроме природных, от двух основных факторов—плотности сельского населения и размеров рынка сбыта этих продуктов.

Оба эти фактора в России, в общем, растут по направлению с востока на запад и от южных и северных окраин к центральным областям. Отсюда происходит в этом направлении смена систем сельского хозяйства.

В 1901—10 гг. пропорция полевых культур и урожай в Европейской России представляли такую картину:

	На 100 дес. посева приходится.		Урожай хлебов с 1 десятины.	На 100 дес. посева сельского населения.
	Зерновых хлебов.	Корнеплод., кормов. трав, масличн., бобовых.		
Западно-русские области . .	84,4	15,7	52,8	176
Центральные.	89,1	10,9	45,5	156
Восточные, южные и северные окраины.	96,5	3,5	42,1	98

Мы видим из этих цифр, что по направлению с востока на запад и от юга и севера к центру растет плотность сельского населения по отношению к земледельческой площади, увеличивается урожайность и усиливается пропорция интенсивных культур в посевной площади, т.-е., системы полеводства интенсифицируются. Однако, эта интенсификация проявляется в сравнительно слабой степени, особенно в центральных областях; в этих областях плотность населения сравнительно с окраинами, вырастает на 59%, тогда как урожайность всего на 8%. В 1890 году центрально-земледельческие области переживали наиболее жестокий сельско-хозяйственный кризис, в них сильнее всего сказывалось последствие крестьянского малоземелья, т.-е., аграрного перенаселения; поэтому, при сохранении, в большинстве губерний, старого зернового трехполья, при слишком большой перепаханности полей, мы видим там сравнительно с более редко населенными окраинами лишь очень слабый под'ем земледельческой продукции.

Не велик он и в западных областях: при повышении плотности населения сравнительно с центром на 13%, урожай поднимается здесь на 16%, т.-е., немногим сильнее, чем уплотнение населения. Но колебания урожаев здесь значительно слабее, системы полеводства все же интенсивнее (15,7% интенсивных культур против 10,9% в центре) и можно смело сказать, что наш запад уже вышел из состояния аграрного кризиса, который не изжит

вполне в центральных областях, и который накануне войны еще не надвигался на юго-восток. В юго-восточных областях, с их относительным земельным простором, тогда приобрело широкий размах производство зерновых культур для сбыта на рынок, русский и мировой. Здесь на душу сельского населения приходилось 42 пуда сбора хлебов, тогда как в центральных областях только 26 пудов—цифра еле достаточная для покрытия нормальных потребностей в продовольствии и корме скоту. Отсюда мы видим, что эти области больше всех остальных направляют на рынок свои избытки зерна (в 1909—13 гг. 501 мил. пуд.).

Итак, хотя, в общем, к началу XX века Россия оставалась страной преимущественно натурально-потребительного земледельческого хозяйства, в ней уже тогда можно было заметить довольно отчетливую хозяйственную дифференциацию между различными областями и районами. Эта дифференциация зависит, как от постоянных природных факторов, так и от переменчивой хозяйственной деятельности человека.

Приспособляясь к природным факторам, русское население в нечерноземной полосе переходит в значительной степени к промышленности, черноземной—специализируется на земледелии. В зависимости от переменчивого фактора—роста и уплотнения населения, а также влияния рынка происходит эволюция систем сельского хозяйства по направлению с востока на запад. Эта эволюция станет еще заметнее, если мы примем в расчет не только Европейскую Россию, а и Азиатскую—в частности—Сибирь, где мы имеем до сих пор обширные области, находящиеся еще на уровне до земледельческого, звероловного и пастушеского хозяйства. В России, в ее довоенных границах, мы можем проследить живую историю почти всех этих типов аграрной эволюции, начиная с указанного сейчас до-земледельческого фазиса на крайнем севере и юго-востоке и кончая интенсивным плодосменным севооборотом в отделенных сейчас от нас польских и прибалтийских провинциях. Это разнообразие хозяйственных типов углублялось и усиливалось с конца XIX века развитием сети железных дорог и возрастанием торговых связей с Западной Европой.

В XX веке Россия вступает в эпоху индустриализации и роста рыночных отношений. Население городов на территории РСФСР увеличивается с 11,3 милл. душ в 1897 г. до 21,6 милл. в 1917 г., т.-е. за 20 лет возрастает на 91%—по $4^1/_2$% в год при общем среднем годичном приросте населения в $1^1/_2$%. Следовательно, города растут втрое быстрее деревни. Народный доход от промышленности, торговли и транспорта за 1900—13 гг. поднимается с 3 миллиардов до $5^1/_2$ миллиардов. В силу этого относительное значение сельского хозяйства в народно-хозяйственном бюджете падает, хотя сельско-хозяйственный доход населения возрастает с 3,6 миллиардов до 6,3 миллиардов. В процентном отношении доли этих двух основных отраслей народного хозяйства меняются следующим образом:

	% народного дохода.	
	в 1900 г.	в 1913 г.
От сельского х-ва, лесов и рыболовства . . .	54,9	49,7
От промышленности, торговли и транспорта .	45,1	50 3

Произошла, следовательно, перегруппировка народного дохода в сторону промышленности, относительное значение которой увеличилось на 12%.

Еще быстрее возрастали торговые отношения и обмен как внутри России, так и за границей.

За пятилетие 1909—13 гг. весь грузооборот главных хлебов по железным дорогам и водным путям составил 1.376 милл. пуд. ежегодно.

За границу вывозилось в этот период в среднем 592 милл. пуд. Перед войной внутренний хлебный рынок обгонял внешний. Но зато очень заметно сравнительно с внутренним грузооборотом вырос экспорт за границу продуктов интенсивного земледелия; семян масличных на 119%, льна на 95%, продуктов скотоводства—масла на 140%, яиц на 80%. Следовательно заграничный экспорт стимулировал интенсификацию нашего сельского хозяйства внутри России, а внутренний рынок способствовал развитию экстенсивного земледелия на окраинах—в Новороссии, на юго-востоке и в Сибири. Таким образом, влияние быстро развивавшихся рыночных отношений на сельское хозяйство России сказалось различным образом на центральных и окраинных областях, что не могло не отразиться в виде дальнейшей дифференциации и специализации отдельных областей и районов.

Области и районы России, также как и отдельные страны в системе мирового хозяйства, начинают специализироваться на производстве тех продуктов, культивирование которых наиболее выгодно им по природным условиям и экономической обстановке. Эта специализация идет различными путями в районах нечерноземной и черноземной полосы. В нечерноземной полосе—в Приозерном крае закрепляется, пошатнувшаяся было в начале XX века, старинная культура льна, благодаря усиленному развитию клеверосеяния; в центрально-промышленной области усиленно эволюционирует скотоводство в связи с травосеянием, и в пригородных районах увеличивается продажа молока, на полях увеличивается посев картофеля; северо-восток еще не выработал к этому времени своего типа сельского хозяйства, но все предпосылки говорят за то, что и здесь, как во всей нечерноземной полосе, большую роль в будущем станет играть молочное скотоводство в связи с развитием маслоделия и сыроварения. На западе черноземной полосы—на Украине начинает утверждаться плодосменный севооборот со свекловицей и др. корнеплодами и масличными, а в скотоводстве особенно заметно разведение свиней лучших пород. Земледельческий центр, который, как мы уже говорили, еще не изжил сельскохозяйственного кризиса 90-х г.г., эволюционирует, хотя слабо, в сторону развития некоторых технических растений, в частности, конопли и подсолнухов. На юго-востоке и в Сибири поднимаются целинные степи и идет безудержная распашка—расцвет экстенсивного зернового земледелия, нанесшего тяжелые удары господствовавшему там раньше мясошерстному скотоводству. Так, каждый район начинает приобретать свою хозяйственную физиономию. Этого не могли не отметить исследователи-специалисты, и с конца 1900-х г. начинает в их среде приобретать все более важное значение проблема районирования России.

Конечно, эта проблема возникала не раз и раньше. Как справедливо замечает Б. Н. Книпович, у нас, в силу огромного разнообразия естественных и экономических условий на обширном пространстве России, вопрос о районировании встал уже давно с гораздо большей остротой, чем в Западной Европе, почему и разработан раньше и гораздо обстоятельнее. „Начиная с XIX столетия не прекращаются попытки разделения России на более или менее однородные в хозяйственном отношении части [1]). Первая серьезная попытка районирования принадлежит акад. И. Арсеньеву, который в 1838 г. в „Начертании статистики Российского государства" разделил Европейскую Россию на 10 пространств по физико-географическим признакам—климату, почве, высоте над уровнем моря и речным системам. Следующая попытка Сабурова, сделанная в 1858 г.; принимает в соображение, кроме естественно-исторических признаков и хозяйственные: здесь впервые отчетливо намечается экономическая граница черноземной и нечерноземной полос. Сабуров устанавливает 8 областей. В 1871 г. Семенов в очерке „Населенность Европейской России в зависимости от причин, обусловливающих распределение населения Империи" делит Европейскую Россию, Финляндию, Польшу и Кавказ на 14 районов, кладя в основу своего деления естественно-исторические и экономические признаки. Это деление, с некоторыми изменениями, держалось в правительственной статистике до самого последнего времени.

В дальнейшем, попытки районирования учащаются и, вместе с тем теряют, по большей части, свой универсальный характер: вместо установления районов по совокупности естественно-исторических и экономических признаков, делаются попытки дать *специальные*: а)—*естественно-исторические* районы—у Винера 1908 г., Скворцова 1910 г., Крубера 1908 г. и современные—проф. А. Г Дояренко в 1920 г., Броунова (климатологические), проф. Прасолова (почвенные); б) *сельско-хозяйственные районы*—А. И. Васильчикова (1876 г.), А. С. Ермолова (1878 г.), А. Ф. Фортунатова (1896 г.) и, наконец, проф. А. Н. Челинцева, который, начиная с 1910 г., повторяет, постепенно совершенствуя свой метод, попытки построения сельско-хозяйственных районов на основе избранных, точно учитываемых статистикой количественных признаков, характеризующих уровень организации сельского хозяйства в каждом районе; в) *торгово-промышленные районы*—Д. И. Менделеева (1893 г.), м-ва Торговли и Промышленности (под редакцией Семенова-Тяньшаньского, 1911 г.) и хлебо-торговые районы П. М. Лященко (1912 г.). Дробные хлебо-торговые районы были установлены по всей России в 1916—17 г.г. работами статистических органов на основании переписи 1916 г., но результаты их до сих пор не опубликованы.

Кроме перечисленных попыток районирования по трем группам признаков; естественно-исторических, сельско-хозяйственных и торгово-промышленных, в русской литературе имеется множество опытов районирования по одному какому-либо признаку, большей частью для специальных прак-

[1]) См Б. Н. Книпович. „К методологии районирования". 1922 г.

тических заданий: напр., по одной какой-либо культуре (ржаные районы, пшеничные, свекловичные и т. д.), по признаку национальности (этнографические), по какой-либо отрасли промышленности и т. д.

Устанавливая классификацию способов районирования, Б. Н. Книпович делит ее прежде всего на две группы: первая—попытки установления *общих* народно-хозяйственных районов, в которых охватывается все народное хозяйство в целом, и *специальных*. Специальное районирование, в свою очередь, делится прежде всего, на основные группы, перечисленные выше (естествен.-историч., сел.-хоз. и т. д.), каждая из этих групп может быть подразделена на подгруппы. Например, сельско-хозяйственное районирование может раздробиться на установление земледельческих и скотоводческих районов; в подгруппе земледельческих районов некоторые авторы намечают специальные районы зерновых культур, технических растений. Наконец, последняя ступень районирования по одной какой-либо культуре—ржаные, льняные и т. д. районы. Таким образом, мы имеем в специальном районировании лестницу из 4 ступеней, каждая из которых с'ужает количество и об'ем признаков, кладущихся в основу деления России на районы Но во всех этих разнообразных попытках лежит один общий метод, устанавливаемый самим понятием района. „Районом, по определению проф. Фортунатова, следует называть точно обозначенную на карте часть земной поверхности, отличающуюся от других частей какими-либо признаками".

Многие, однако, и весьма основательно возражают против возможности установить точные границы районов, ибо ни экономические, ни, тем более, природные признаки не имеют точных границ. Так, и почва и климат меняются постепенно: то же можно сказать, в сущности, и относительно экономических признаков. Вообще, признаки, характеризующие данный район, наиболее отчетливо сказываются в его центре; по мере перехода от центра к периферии, они становятся все расплывчатее и незаметно переходят в другие. Но для практических целей приходится, однако, устанавливать точные, преимущественно, административные границы районов.

Безусловно верно, однако, второе определение проф. А. Ф. Фортунатова относительно методов установления районов: районы устанавливаются по сходству одного или нескольких признаков внутри его территории и по отличию этих признаков в соседних территориях. Напр., по признаку почвы—районы черноземные, суглинистые, песчаные и т. д. по преобладанию той или одной отрасли сельского хозяйства—земледельческие, скотоводческие, охотничьи, рыболовные и т. д.

Как видно из вышеизложенного, районы могут быть установлены по одному признаку, либо нескольким—монистические и плюралистические. Монистическое районирование по одному признаку имеет узко-практическое значение. Но для нас важно второе—плюралистическое районирование по совокупности признаков. В этом последнем Б. Н. Книпович устанавливает три основные ступени.

1) Первая ступень—метод первичных измерителей по единым признакам предпосылки.

2) Когда намечен ряд отдельных признаков, выносят их на таблицы или карты и путем сопоставления устанавливают районы с большей или меньшей точностью. Этот метод случаен, ибо 1) всех признаков обнять невозможно, 2) одни признаки совпадают, другие нет. Тогда, по мере усовершенствования метода районирования, исследователи начинают нащупывать такие признаки, которые являются показательными для целой *группы* явлений: напр., в естественно-исторической сфере мы имеем такой признак—показатель в растительной ассоциации данного района, которая является неизменной совокупностью почвенных, климатических и биологических условий данного района. В сельско-хозяйственной области это будут признаки, характеризующие степень интенсивности земледелия и скотоводства в данном районе и т. д. Таким образом, вторая ступень—метод групповых измерителей—признаков *индексов*.

3) Наконец, третья ступень—отыскивание так называемых *фокусных* признаков, в которых, как в фокусе отражается вся совокупность явлений хозяйственной жизни в ее целом. Напр., по данным о перевозках по железным дорогам и гужевым путям можно было бы судить о состоянии народного хозяйства в данном районе во всем его об'еме; или таким же фокусным признаком может явиться учет народного дохода.

К этим трем ступеням следовало бы прибавить четвертую, которая является отдаленным идеалом: именно отыскивание таких фокусных признаков, которые бы давали одновременно характеристику не только хозяйственных явлений, но и естественно-исторических условий, топографического момента и т. д. Попытку такого, так сказать, четвертого измерения районов в самое последнее время дал председатель районной секции Госплана проф. И. Г. Александров, который ввел в свою систему районирования, кроме комплекса вышеуказанных естественно-исторических, сельско-хозяйственных и торгово-промышленных признаков, еще две новых: формы поселений и бассейны рек, а также пути сообщения. Подходит он и к третьему признаку, имеющему, по его мнению, весьма важное значение для построения автономных областей Российской федерации, именно к национальному признаку. Не следует забывать, что в данный момент происходит перестроение России на федеративных началах, и этот признак играет важное значение при установлении тех или иных границ автономных областей. Вот почему, по его мнению, экономический признак должен быть выявлен в такой форме, чтобы он не шел в разрез с развитием того или иного района в хозяйственном отношении, с одной стороны, и не мешал проявлению и развитию национально-бытовых особенностей с другой" [1]).

Таковы вкратце главнейшие попытки районирования России. Несмотря на столетнюю давность, до сих пор, как видно из изложенного, научные и практические исследования проблемы районирования находятся еще в процессе исканий и далеко не закончены. Современная действительность заострила и осложнила эти искания рядом практических задач построения, на основе районирования, административно-хозяйственных областей России. Эти

[1]) См. „Экономическое районирование России" изд. Госплана 1922 г.

задачи необходимо разрешить теперь же, ибо вслед за периодом разрушения старых форм наша революция вступает в фазис *созидания* новых форм как политической, так, особенно—народно-хозяйственной жизни.

Старые формы народно-хозяйственной эволюции, как мы говорили, страдали односторонностью: в XIX веке, до вовлечения России в орбиту мирового хозяйства, у нас промышленность была развита очень слабо, сельское хозяйство шло по пути расширения экстенсивного зернового земледелия в ущерб скотоводству. В XX веке, когда связи России с мировым хозяйством расширились, мы наблюдали до войны убыстренное развитие индустрии и начало сельско-хозяйственной специализации районов, как в земледелии, так и в животноводстве. Но индустриализация России страдала одним недостатком—излишним централизмом. Старая самодержавная власть из своих политических видов искусственно притягивала индустрию к северным столицам, тогда как население, в значительной степени, сползало к югу и выселялось на восток, где естественные условия давали полную возможность развития не только сельского хозяйства, но и индустрии в самых различных формах, как „тяжелой" (металлургической), так и „легкой" (текстильной) и всякой другой. Источники технического топлива и сырья—каменный уголь, нефть, железо, хлопок и т. д. лежали на южных и восточных окраинах, а обрабатывающая это сырье промышленность—за тысячи верст от нее, в старых центрах. Теперь с падением самодержавия и отрезанностью нас от Балтийского моря должно произойти грандиозное перемещение индустрии из центра к окраинам на юг и восток, и это рассеяние промышленности должно будет углубить и сельско-хозяйственную специализацию районов России, ибо индустриализация разовьет рыночность сельского хозяйства, а рыночность приведет к усиленному производству в каждом районе тех продуктов, культивирование которых наиболее выгодно по природным и экономическим условиям. Эта же специализация должна будет усилить и товарообмен между районами, которые превратятся в строго дифференцированные части единого народно-хвзяйственного организма. Как формулировал сущность эволюции еще Спенсер в „Основных началах"—мы должны добиваться при построении народного хозяйства в России перехода от „бессвязной неопределенной разнородности к связной, определенной разнородности" углубляя и развивая все выгодные экономически-природные особенности районов и национально-бытовой уклад их населения.

Это—задача центральной власти и научных учреждений и работников группирующихся в столицах. Но и на местах уже началась и идет, развиваясь, большая и сложная работа местного, внутреннего районирования по более дробным территориальным единицам. Особенно развивается здесь сельско-хозяйственное районирование, один из лучших образцов которого дает в только что вышедшей работе проф. Н. П. Никитин „Разделение Московской губернии на сельско-хозяйственные районы" (Госиздат, Московское отделение, 1921 г.). Он увязывает в одно целое признаки-предпосылки, каковыми он считает: 1) расстояние от Москвы, 2) плотность населения, 3) почва, 4) лесистость и признаки „формации"—организационного характера, к которым относит: сложение труда в полеводстве, направление жи-

вотноводства, состояние огородничества и % промыслового населения. Комбинацией этих признаков он устанавливает 12 „интегральных" районов. В других губерниях и областях делают менее совершенные попытки, но можно сказать, что повсюду мысль научно-практических работников бьется над разрешением проблемы районирования, понимаемой в конце-концов, как проблема наилучшей, наиболее приспособленной к местным условиям организации форм народного хозяйства. И мы не сомневаемся, что в ближайшем будущем, эта проблема, худо ли, хорошо ли, но будет разрешена.

Однако, пока мы находимся еще в стадии искания способов ее разрешения—нет возможности воспользоваться какими-либо уже предложенными в литературе системами районирования для наших очерков. Так как первая часть этих очерков касается сельского хозяйства, то для нас могла бы возникнуть идея использовать, как более совершенный, метод сельскохозяйственного районирования, предложенный проф. А. Н. Челинцевым в одной из последних своих работ „Состояние и развитие русского сельского хозяйства по данным переписи 1916 г". А. Н. Челинцев устанавливает точную систему сельско-хозяйственного районирования по 5-ти признакам-индексам, характеризующим степень интенсивности сельского хозяйства. Эти пять признаков следующие: 1) % крупного рогатого молодняка к коровам, 2) % свиней к крупно-рогатому скоту, 3) % овец к крупно-рогатому скоту, 4) % трав и 5) корне-клубнеплодов. В результате этого районирования у него получилась чрезвычайно характерная картина поступательной эволюции этих признаков, различных в черноземной и нечерноземной полосе по направлению с востока на запад. Всего он установил 13 крупных организационно-производственных районов.

Однако, и этой, наиболее совершенной попыткой районирования, мы не можем воспользоваться для своей работы, ибо она произведена в поуездном масштабе. Так как мы даем в своих очерках картину эволюции сельского хозяйства по районам и областям на протяжении XX века, то пересчет поуездных данных по способу А. Н. Челенцева представил бы слишком грандиозную работу, недоступную не только для одного, но и для нескольких десятков работников.

Поэтому, так как мы базируемся большею частью на оффициальных статистических материалах, нам придется в дальнейшем придерживаться старых казенных „семеновских" районов, которые, впрочем почти совсем не отличаются от районов Челинцева по числу (в прежнем об'еме Европейской России и Челинцев, и оффициозы насчитывали 13 районов, теперь их осталось 10) и очень мало по территории. Притом, в виду огромных перемен в административных границах, происшедших за последнее время, нам придется соединять иногда по 2 района в один для сопоставлений динамического характера.

Заканчивая на этом вводные главы к нашим очеркам, мы считаем небесполезным привести краткий список новейшей русской литературы по мировому хозяйству и проблеме районирования России.

А. По мировому хозяйству.

1. *Н. Бухарин.* „Мировое хоз-во и империализм". Петр. 1918 г.

2. *Финн-Енотаевский.* „Современное положение мирового хоз-ва" Госизд. Петроград. 1920 г.

3. *Гельферих.* „Развитие народного хоз-ва Германии с 1882 по 1913 г. Изд. ВСНХ. 1920 г.

4. *Боголепов.* „Европа после войны". СПБ. 1921 г.

5. „Сборник статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностран. государств". Труды ЦСУ, т. IX, вып. 1.

6. *Мировое хозяйство.* „Сборник статистических сведений по сельскому хоз-ву стран. иногосударств в 1913—20 гг. Изд. НКЗ.

7. *Фалькнер.* „Строение и конъюнктура мирового хоз-ва" М. 1920 г.

8. *Н. Любимов.* „Мировая война и ее влияние на госуд. хоз-во Запада. Критическое изложение работы Кейнса „Экономические последствия мира". Госизд. 1921 г.

9. *С. А. Фалькнер.* „Перелом в развитии мирового промышленного кризиса. М. 1922 г.

10. Norman Angell „Версальский мир и экономический хаос в Европе" 1922 г. изд. „Право".

11. *М. Смит.* „Очерки переходного периода". М. 1920 г.

12. Международные проблемы. Статьи о политике и экономии современ. Европы. М. 1922 г.

13. *Деманжон.* „Экономический упадок Европы". 1922 г.

14. *В. Дитякин.* „Мировая торговля в эпоху великого экономического кризиса 1917—21 гг." Казань. 1921 г.

Б. По народному хоз-ву России и районированию.

15. „Опыт исчисления народного дохода по 50 губ. Европейской России в 1906—13 гг." под редакцией С. Н. Прокоповича. М. 1918 г.

16. Сборник „Экономическая жизнь". Народное хоз-во в 1920 г. и в первую половину 1921 г.

17. То же—в 3-ю четверть 1921 г.

18. „Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы". Отчет к IX-му С'езду Советов. Изд. ВСНХ 1921 г.

19. *Першин П. Н.* „Об экономическом положении России". Воронеж. 1921 года.

20. Сборник „О земле" вып. 1. Изд. НКЗ. М. 1921 г.

21. *Челинцев А. Н.* „Сельск. хоз-во России и его эволюция" 1919 г.

22. „Четыре года продовольственной работы". Госизд. 1922 г.

23. Труды Высшего Семинария с.-х. экономии и политики при Петровской Академии С.-Х. Госизд. 1921 г.

24. *Б. Н. Книпович.* „К методологии районирования" Труды Отд. С.-Х. Экономии и Статистики НКЗ. т. 1. С.-х. районы Европ. Рос. Госизд. 1921 года.

25. „Экономическое районирование России". Госплан. М. 1921 г.

26. „Статистический ежегодник“ 1918—20 гг. вып. 1, труды ЦСУ. М. 1921 года.

27. „Статистический Сборник“ 1913—17 гг., вып. 1. Труды ЦСУ. М. 1921 года

28. „Сельское хоз-во в России в XX веке“. Статист. сборник Изд. НКЗ. (готов к печати).

29. *Г. М. Кржижановский.* „Хозяйственные проблемы РСФСР и работы государств. общеплановой комиссии“ (Госплан). Вып. 1. М. 1921 г.

30. Электрификация России, в. II. Электрификация районов (труды VIII всерос. электротехнического с'езда). Изд. Госплана 1922 г.

31. Журнал „Вестник Статистики“ 1919—21 гг.

32. *Ден, В. Я.* „Положение России в мировом хоз-ве“. Петрогр. 1922 г.

ГЛАВА III.

Физико-географические области России.

Значение природных факторов.

Как видно из предыдущей главы, первичной причиной, порождающей деление России на хозяйственные области и районы, приобретающие каждый, свой особый экономический облик, являются природные факторы, главнейшие из которых—климат, почва, рельеф, водные источники, растительный и животный мир. Природа вообще оказывает огромное влияние на хозяйственную деятельность человека. Это влияние сказывается, прежде всего, в виде резкого ограничения сферы приложения человеческого труда к земле там, где необходимые для сельского хозяйства факторы находятся в минимуме. Так, например, на крайнем севере России, в тундровой зоне и на крайнем юге Сибири—в пустынных киргизских степях земледелие абсолютно невозможно: в первом случае, за отсутствием необходимого количества тепла, во втором—влаги и питательных веществ почв. Вообще можно установить определенное положение: *хозяйственная* (в особенности) сельско-хозяйственная *деятельность человека в каждой данной области ограничивается находящимися в минимуме природными факторами.*

Это—*пассивное* влияние природных факторов. Однако, они оказывают и активное влияние на хозяйственную деятельность человека, заставляя ее развиваться в определенном направлении. Так, например, наличность в недрах данного района залежей полезных ископаемых: каменного угля, металлов, минералов, обусловливает собой развитие различных отраслей горно-заводской промышленности, если другие факторы физико-географического и экономического порядка (степень густоты населения, состояние естественных и искусственных путей сообщения и т. д.) этому не препятствуют. Мы видели в предыдущей главе, что в нечерноземной и черноземной полосах Европейской России под влиянием различных природных факторов сложились совершенно особые типы хозяйственной эволюции. И как бы ни изме-

нились количество и степень культурности населения в этих полосах, природные факторы неизменно будут направлять экономическую деятельность в нечерноземной полосе в одну сторону, в черноземной — в другую. Но не только на этих обширных полосах сказывается влияние природных факторов: в уже цитированной в предыдущей главе работы Б. Н. Книповича (К методологии районирования) мы находим попытку сопоставлений естественно исторического и экономического районирования, иллюстрированных картами, из которых можно видеть, как близко авторы этих попыток — натуралисты, агрономы и экономисты (проф. Броунов, Дояренко, Винер, Прасолов, Челинцев) подходят друг к другу. Сравнительный анализ всех этих попыток приводит Б. Н. Книповича к тому выводу, что *природные* факторы районирования главным образом — климат и почва являются *первичными*, экономические же — вторичными, до известной степени, производными от первых.

Но природные факторы — *постоянны*, экономические же — *изменчивы* во времени. Природные факторы—это фундамент того здания народного хозяйства, которое воздвигает человек своей неустанной энергией в течение веков и тысячелетий; впрочем, пожалуй, это сравнение будет правильным лишь до того момента, пока человек не овладевает таинственной лабораторией природы. По мере развития человеческой техники и культуры, сами природные факторы начинают поддаваться воздействию человека в последовательном порядке: сначала фауна и флора — факторы производные от почвы и климата, затем почва, естественные пути сообщения, водные источники, и наконец, хотя пока в весьма ограниченных пределах, самый основной и труднее всего поддающийся человеку фактор — *климат*. Поэтому если природа *направляет* хозяйственную деятельность человека, который в начальных фазисах экономической истории должен *приспособляться* к ней, то по мере хозяйственной эволюции настает такой момент, когда человек сам начинает *изменять* приспособляя для своей цели, те или иные природные факторы.

В Западной Европе человечество уже овладело целиком флорой и фауной и, в значительной степени, естественным плодородием почвы: поэтому и колебания климата, так убийственно отражающиеся на сельском хозяйстве России, там сейчас играют уже сравнительно незначительную роль. В начале XX века в Германии большие засухи, как и в России, были в 1891, 1901 и 1911 гг., но урожаи в эти годы понижались против средних не более, чем на 10%, тогда как в черноземной России, в иных губерниях они падали в 2,5 и более 10 раз. Интенсификация земледелия Германии вполне застраховала ее население от вредного влияния климатического фактора. Но в России сельское хозяйство, в подавляющем большинстве районов, находится еще в *экстенсивном* фазисе эволюции, и потому роль природных факторов у нас до сих пор является во многих случаях первенствующей—именно тем фундаментом, на основе которого формируются хозяйственные типы тех или иных районов Поэтому мы должны, прежде чем перейти к характеристике хозяйственной деятельности населения России, дать краткий очерк физико географических условий этой деятельности.

Происхождение почвенно-ботанических зон России.

Из физико-географических факторов первенствующее значение у нас имеют почва, климат и, как результат взаимодействия обоих факторов—флора. Рельеф, в виду преимущественно равнинного характера нашей территории, особой роли не играет. Значение рек, после появления железных дорог, отходит на второй план. Поэтому в основу районирования по физико-географическим признакам чаще всего кладется почва, как первичный фактор.

Почвенные области России представляют из себя зоны, изменяющиеся в *широтном* направлении—с севера на юг. Как уже указывалось, в почвенном отношении Европейская Россия а также и Сибирь, прежде всего, делятся на две главных полосы: северную—нечерноземную и южную—черноземную. Эти полосы образовались в результате длинной геологической истории великой российской равнины. Основной причиной их появления послужил колоссальный ледник, который в послетретичную эпоху охватывал большую часть восточно-европейской равнины, простираясь на юг до северных пределов нынешней черноземной полосы и даже местами вклиниваясь в нее (на западе по среднему течению Днепра до Кременчуга, на востоке — по Дону до устья Медведицы). Этот ледник, толщина которого, как предполагают, достигала двух тысяч футов, постепенно подтаивая, подвигался на юг и в своем движении оказывал огромное влияние на рельеф страны и строение горных пород, образующих ее поверхность. Он сглаживал все горы и холмы, стирал, измельчал их каменистый остов и, увлекая обломки, постепенно оставлял их на своем пути в виде бугристых гряд, носящих название морен. Образование моренных гряд альпинисты—географы наблюдают и теперь в горных ледниках. Моренные наносы, которыми великий российский ледник покрывал поверхность северной России, представляют смесь глины и песку с валунами и каменистым хрящем и галькой, одевающую более древние породы.

Ледник не стоял на одном месте: он то надвигался на юг, захватывая все большие пространства, то наступал на север, пока окончательное смягчение европейского климата не растопило его совсем. Постоянное таяние ледника в последний период создавало огромные массы воды, которые, протекая по моренным отложениям, постепенно размывали и стирали их в порошок, образуя *песчано-глинистые* наносы, перемешанные зачастую с хрящем и галькой и прикрытые кое-где валунами и грядами мелких холмов—остатками прежних морен (так называемый моренный ландшафт).

С ледниковых полей, благодаря разнице в температуре, дули постоянные ветры по направлению на юг. Эти ветры, по словам проф. Сибирцева, „были опускающиеся, нисходящие и потому динамически-нагревающиеся и вместе с тем—сухие". Представим себе теперь, что великий ледник отступает и постепенно, начиная с юга, освобождает от ледяного покрова пустынные моренные пространства. Над влажными толщами валунных глин, щебней, песков и проч. пробегают в одном и том же направлении токи сухого и относительно теплого воздуха (фены): они быстро осушают поверхность и

выдувают из моренных масс ледниковую *пыль*, отлагая ее дальше к югу[1]). Сдуваемая ветрами ледниковая пыль оседала в южной половине Европейской России и здесь, смешиваясь с тонкими частицами песку и глины, образовала мелко-зернистые *лессовые* почвы, характерные не только для юга Европейской России, но и для туркестанских степей.

Когда ледник растаял, оставив после себя в северной половине России моренные песчано-глинистые, грубо-зернистые почвенные отложения, в южной—тонкие—лессовидные и, сверх того, ряд больших рек, текущих в меридиональном направлении с севера на юг—на освобожденной от льда и воды земле стала появляться растительность. Вначале, пока климат был суров, эта растительность на севере носила тундровый характер; по мере того, как атмосфера становилась теплее—на большей части северной половины не только России, а и всего Европейско-Азиатского материка—так называемой *Евр.-Азии*, появились дремучие *леса*. Эти леса тянулись с севера Франции, через Германию, Европейскую Россию и Сибирь вплоть до Охотско-Камчатского побережья. Одновременно на юге в степях стала развиваться *травяная* растительность. Развитие этих двух растительных формаций—лесной и травяной стояло в тесной связи с вышеуказанными почвенными образованиями. Лесная растительность не выносит почв, богатых минеральными солями. Почвы северной половины России были подготовлены в этом отношении, благодаря ледниковым и атмосферным водам, которые размыли их и выщелочили соли, как здесь, так и в долинах южных рек; поэтому и в настоящее время на юге леса ютятся преимущественно на размытых (выщелоченных) почвах речных долин, балок, оврагов. Почвы же южных степей, благодаря сухости и сравнительной теплоте степного климата сохранили большее количество минеральных солей, не препятствовавших развитию травяной растительности, покрывавшей степи роскошным ковром на протяжении десятков тысячелетий.

Остатки древесной и травяной растительности, сгнивая и перемешиваясь с неорганическими веществами материнских пород, создавали разнохарактерные почвенные образования. Древесные остатки разлагаются очень быстро, при полном окислении, что создает легко растворимые подвижные соединения с минеральными частями. Выщелачиваясь и растворяясь в воде, эти соединения составляют после себя почти лишенный минеральных солей белесоватый порошок так называемый *подзол*, прикрытый сверху тонким слоем дернины. Отсюда название светлых северных почв—*дерново-подзолистыми*.

Южные почвы гораздо темнее. Органические остатки травы разлагаются значительно медленнее, вымывания их не происходит и продуктом этого неполного окисления является „*гумус*“—питательное вещество, окрашивающее почву в более или менее темный цвет. В зависимости от наличности большого или меньшего процента этого *гумуса* в почве мы имеем различ-

---

[1]) Сибирцев. „Почвоведение“ вып. I, стр. 20. Цитировано по Анисимову. „Экономическая география России“. Эта глава представляет преимущественно переизложение физико-географ. очерка Анисимова.

ные оттенки южных степных *черноземов*—чистый чернозем (черный), шоколадный, каштановый; смешиваясь с песком и глиной, черноземные почвы образуют суглинки и супеси.

Таково в общих чертах происхождение основных почвенно-ботанических зон как Европейской, так равно и Азиатской России. В настоящее время мы имеем довольно заметно разграниченные следующие зоны:

1) Тундровая.
2) Болотисто-таежная (северных лесов).
3) Южное полесье (полоса суходолов и смешанных лесов).
4) Лесо-степная (переход от лесов к степи).
5) Северо-(черноземно) степная.
6) Южно-степная (пустыни).
7) Горные области.

Кроме этого *широтного* деления по почвенно-ботаническим признакам, следует указать еще на долготное *климатологическое* деление. Благодаря большей близости к западным частям почвенных зон теплого течения Гольфштрема, климат на западе более теплый и влажный, разница между температурой зимы и лета меньше.

Чем ближе к востоку, тем климат континентальнее, т.-е. холоднее и суше, разница температуры, по временам года, становится более резкой. В общем, климатические факторы совпадают с почвенно-ботаническими также, как эти последние довольно близки к экономическим: и в результате Б. Н. Книпович имел право констатировать, что метеорологические районы проф. Броунова, установленные им в 1920 году, в значительной мере совпадают с сельско-хозяйственными районами проф. Челинцева и с естественно-историческими районами проф. Прасолова и Дояренко.

Поэтому, принимая вышеизложенное почвенно-ботаническое деление России на зоны, как основное, даем краткую характеристику каждой из зон в естественно-историческом отношении.

Тундровая зона. Тундровая зона характеризуется, в сущности, отсутствием настоящих почв. Почвы, как видно из вышеизложенного, создаются путем механического и химического соединения минеральных веществ с органическими остатками растительности. Но суровый климат тундровой зоны препятствовал образованию мало-мальски крупной растительности, кроме мхов, лишаев, низкорослой травы и двух-вершковых полярных кустарников: ивы, березы, кедра и других. Средняя годовая температура тундровой зоны, почти повсеместно—ниже нуля. Вегетационный период (весны и лета) продолжается 6—8-мь недель. Поэтому грубый, мало питательный для растений гумус окрашивает глинистые и суглинистые почвы лишь на глубину 3—5 сантиметров. В общем тундра представляет на огромных пространствах зыбкое болото, оттаивающее летом на глубину нескольких вершков и поросшее преимущественно мхами, среди которых растет масса морошки, клюквы и брусники. Из разновидностей мхов наиболее распространен белый мох—ягель, составляющий главную пищу северных оленей, являющихся, в свою очередь, основой бытия большинства

северных инородцев. Но если растительный мир тундры чрезвычайно невзрачен, зато животный—в короткий летний период становится весьма богатым. Зимой в тундре остается немного зверей: песцы, пеструшки, белые медведи, и северные олени, да еще полярные куропатки—вот и все постоянное животное население тундры. Зато с весной сюда стремятся с юга несметные стаи птиц: гуси, утки, лебеди, гагары, крупные гаги с ценным пухом: хищные соколы, ястреба и другие. Из тайги прибегает множество зверей, лисиц, волков, горностаев, зайцев, ласок. На море появляются стада тюленей, моржей, котиков и китов; в реки для нереста (икрометания) устремляются несметные полчища рыб—ценных лососевых, красных пород, селедки, трески и других.

В Европейской России тундровая зона тонкой полосой обрамляет наш север, доходя, по большей части, лишь до полярного круга. В Сибири пояс тундр, под влиянием холодного ветра Ледовитого океана, расширяется и спускается в районах Обской и Тазовской губы до 64° северной широты; еще южнее он проходит на дальне-восточном побережьи, где его пределы достигают 60°. Впрочем, южные пределы тундровой зоны, как и всех остальных, не имеют ясно очерченных границ: понемногу, на болотистой равнине появляются сначала тощие кустарники и мелколесье, затем—рощи высокоствольных деревьев, переходящие еще далее в сплошную тайгу, составляющую второй, гораздо более мощный пояс, в особенности, в пределах Сибири.

Таежно-болотистая зона. В почвенном отношении таежно-болотистая зона характеризуется преобладанием дерново-подзолистых формаций—светло окрашенных суглинков и супесков. Моренные наносы придают тайге довольно пересеченный характер: хребтовидные гряды, бугры и увалы перемежаются с котловинами и речными долинами. Число рек, болот, озер очень велико. Некогда великая тайга покрывала собой всю северную половину материка Евр.-Азии. Это был тот знаменитый Герцинский лес, о котором писал Юлий Цезарь и который, начинаясь от Франции, покрывал большую часть Германии и, огибая Венгрию, шел через всю нынешнюю Европейскую Россию и Сибирь вплоть до Камчатки. На западе Европы сплошные леса уничтожены человеком; в России, особенно в Сибири, они сохранились, хотя и здесь производимые населением лесные пожары сильно видоизменили состав древесной растительности. Наиболее распространенным видом является ель, обитающая повсюду, от Охотского моря до Восточной Пруссии. В Сибири, в северной части тайги, довольно часто встречаются кедровые и пихтовые рощи; в Европейской России их нет, также, как и лиственницы, растущей южнее. Зато здесь вслед за елью выступает сосна, любящая песчаные почвы. После пожаров на лесных гарях образуются бельники из белоствольных берез и осины.

Климат таежного пояса также суровый: средняя годовая температура колеблется между 0 + 3-х и только в южной части дает +4. Вегетационный период у северных пределов болот и тайги длится около 125 дней, в южной части—доходит до 150—160 дней. Земледелие здесь в общем возможно даже до 60°, но представляется неблагодарным и рискованным делом,

благодаря плохим почвам, требующим сильного удобрения и весенним заморозкам, которые в северной части бывают иногда даже в первых числах июня (старого стиля). В западной части Европейской России таежно-болотистая зона спускается несколько южнее Петербурга; затем, проходя вблизи Новгорода и Вологды, к востоку она доходит до параллели Нижнего-Новгорода; далее, захватывая северную часть Уфимской, проходит по южной границе Пермской губернии; в Сибири она расширяется на восток, охватывая большую часть Тобольской и Томской губ., почти всю восточную Сибирь и большую часть Приамурья. В общем, таежная зона Сибири—длиной до 7.000 верст и шириной от 1.000 до 3.000 тыс. верст.

Травы в тайге нет, за исключением отдельных полян. Поэтому скотоводство здесь затруднено, так же, как и земледелие. Убийственно для скота обилие „гнуса"—комаров, мошек, слепней, оводов и других кровососущих насекомых, не дающих покоя ни зверю ни человеку днем и ночью. Множество зверей ценных пород населяют тайгу: медведи, волки, лисицы, белки, рыси, россомахи, хорьки, куницы, соболя, лоси, косули, маралы, изюбры, а в Приамурьи—тигры, барсы и прочие. Птиц—более двухсот видов.

Зона смешанных лесов.

В западной половине Европейской России к таежной зоне примыкают довольно значительные области, покрытые смешанными лесами, в которых преобладают лиственные породы: Это — районы Белоруссии, части Литвы и Польши, Севера Украины; средняя годовая температура здесь от $+4^0$ до $+7^0$; разница между температуратурой января и июля всего $25—30^0$, нередко менее—до 22^0. Теплое лето (средняя тем-ра июля+18—19 градусов) и длинный вегетационный период представляют весьма благоприятные условия для развития сельского хозяйства, которому способствуют также нормальное количество осадков—от 500 до 600 мил. Почвы разнообразны, представляя переход от дерново-подзолистых к черноземам. Болот довольно много—но это не моховые болота тайги, а преимущественно торфяники. Примесь лиственных пород к хвойным растет к югу: дуб, береза, липа, граб — главные их представители. К югу смешанные леса запада и хвойные востока продвигаются в переходную *лесостепную* зону, наиболее благоприятную, по своим физико-географическим свойствам, для сельского хозяйства.

Лесостепная зона

Как установлено ботаниками, лесостепная зона создалась в результате стремления лесной растительности, по мере выщелачивания солей из почвы, продвинуться на территории степей. Между лесом и степью уже много тысячелетий ведется борьба, которая, в результате постепенного опреснения почвы, скончилась бы победой леса, если бы человек не истреблял лесного покрова там, где населечие наиболее сгущено, т. е. как раз на границе лесных зон. Здесь мы встречаем наиболее тучный чернозем. В лесостепной зоне переплетаются верховья крупных рек с многочисленными притоками, прорыв-

ших себе долины и овраги. Обилие оврагов, в значительной степени, осушает почву. По долинам, оврагам, и балкам, как выражается проф. Краснов „формирует свою армию лес, затем уже отсюда выползает на ровную и целинную степь, в буквальном смысле надвигаясь на нее и пуская на нее свои отпрыски".

На открытых равнинах, в перемежку с дубовыми, ясеневыми, кленовыми рощами на западе России, сосновыми и березовыми „колками" в центральной и западной Сибирской лесостепи, тянутся широкие луговины, поскольку они не распаханы человеком. Травяная растительность в лесостепи несколько отличается от чисто степной, как своей густотой, так и видами трав, принадлежащих не только к степным злакам, но и характерным для лесных полян, двудольным растениям. Почвенный покров весьма разнообразен: по большей части он представляет смесь чистого чернозема с суглинками, супесками, дерново-подзолистыми почвами. Годовая температура на западе не выше +8—9 градусов, в центре +5—8 градусов, на востоке +4—5 градусов. Меняется и количество осадков: на западе — 500 мил., в центре — 400, на востоке — 300—400. Лесостепная зона представляет из себя, на всем своем тысячеверстном протяжении с запада на восток, тонкий пояс шириной в 150—200 вер. в Европейской России и 100—150 вер. в западной Сибири, где она расширяется лишь в восточном углу по долинам верхнего течения Оби, доходя в нынешней Ново-Николаевской губернии до 400 и более верст.

Зона северных черноземных степей.

Лесостепь незаметно переходит в черноземную степь, которая, начинаясь у нашей юго-западной границы неширокой полосой в 150—200 вер., постепенно расширяясь, доходит до Волги у Царицына, где она достигает максимальной ширины—свыше 500 верст. Перейдя на левый берег Волги, она опять суживается до 200 верст и кольцом такой ширины охватывает южные отроги Уральского хребта; и далее, опять расширяясь, простирается на восток вплоть до предгорий Алтая. Климат степей—теплый: в западной части +7—10 градусов, в восточной +4—7: однако, годовая температура холоднее, хотя лето здесь почти такое же жаркое. Чем далее к востоку, тем разница между тем-рой лета и зимы резче, количество осадков меньше, вообще здесь по всюду годовое количество осадков меньше 400 миллиметров, летнее—почти нигде не превышает 150 м., а во многих местах даже менее 100. При том осадки распределяются по временам года далеко не равномерно: „нередко по целым месяцам не бывает дождей и в большинстве случаев, они выпадают в форме кратковременных, но сильных ливней. Дождевые воды при этом образуют мощные потоки размывающие поля и заносящие их илом, но слабо увлажняющие почвы. Влажность почвы поэтому здесь сильно колеблется и нередко падает до того минимума, при котором наступает уже засуха". (Анисимов ст. 56). Особенность степного климата—постоянное господство восточных и юго-восточных ветров, летом приносящих жары и засуху, зимой сдувающих снег с полей в овраги.

Некогда здесь господствовали безбрежные ковыльные степи, теперь распаханные в западной части сплошь. Почвенный покров — черноземный. В северной части преобладает чистый чернозем, с более высоким содержанием гумуса, к югу он превращается в более светлый шоколадный с 4^0 гумуса, еще южнее тянутся так назыв. каштановые суглинки. Лесов здесь почти нет, за исключением немногих речных долин. Вегетационный период длится от 180 до 250 дней: но слишком жаркие дни летом и заморозки ранней весной укорачивают время использования этого периода для сельского хозяйства. Однако, тепла для растений здесь вполне достаточно, так же как и естественного плодородия почвы; главный недостаток—отсутствие необходимой влаги в летние месяцы. Количество летней влаги заметно падает с севера на юг; на юге, благодаря этому недостатку, очень слабо развивается и травяная растительность, и здесь мы вступаем незаметно в зону пустынь.

Южно-степная зона (пустыни).

Пустынная зона захватывает так называемую Урало-Каспийскую низменность, начинающуюся в низовьях Волги и простирающуюся далее на восток и на юг в центральных областях Азии—на юге киргизских степей и в Туркестане. Эта великая пустыня площадью свыше 250 миллионов десятин останавливается лишь перед предгорьями южного Алтая и Тянь-Шаня. Вся эта область отличается крайней сухостью воздуха, малым количеством осадков и высокой температурой летних месяцев, при значительных морозах зимой. Годовая температура $+7 - 10^0$ градусов, января—6—18 градусов, июля $+24$ град. Количество осадков в год 200—300 мил., летом всего лишь 50—100 м., а нередко и менее 50. Еще недавно (в геологическом смысле) пустынные области представляли из себя дно великого Арало-Каспийского морского бассейна. Поэтому и сейчас здесь господствуют песчаные, пропитанные солью почвы, скудная растительность которых не могла доставить достаточного количества гумуса. Из трав преоблают полынные, типчаковые, . из редких древесных насаждений — саксаул, почти безлистное корявое дерево. Земледелие очень затруднительно, отчасти скотоводство в летнюю пору: весной степи покрываются травой, выгорающей начисто к июню месяцу; даже кочевники—киргизы перебираются отсюда на лето со своими стадами на север. Но во многих районах пустыни—на равнинах Туркестана встречается лесовая почва, которой не хватает только влаги, чтобы обнаружить изумительное плодородие. Там где существует искуственное орошение—там масса тепла и богатые почвы дают возможность культивировать самые ценные растения, как хлопок, рис, табак, фруктовые сады, бахчи, с роскошными дынями и т. п. Вообще эта область—область „оазисного" сельского хозяйства.

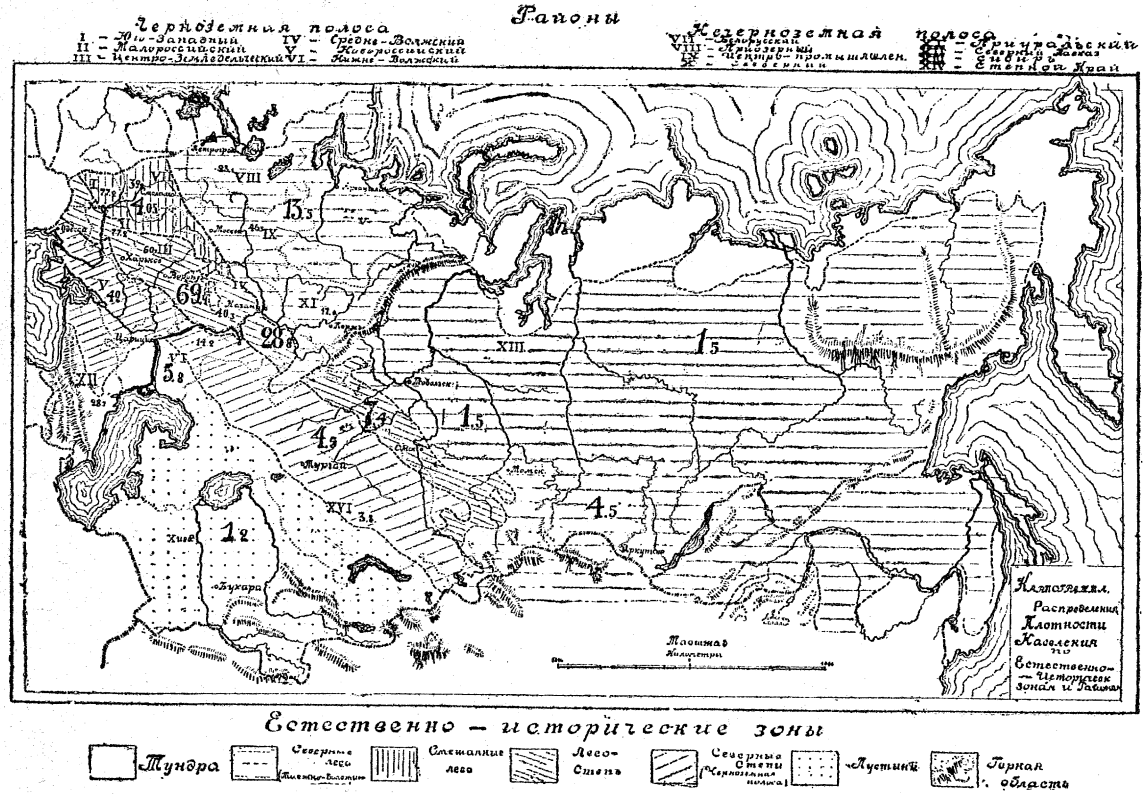
Горно-лесные области.

Средняя и южная часть Кавказа: Крым, Алтай, Саяны и ряд других горных областей, расположившихся преимущественно на окраинах России, в физико-географическом отношении, значительно отличаются от всех

остальных. Несмотря на большие климатические различия, происходящие от того, что горные области разбросаны в разных широтах, несмотря на разницу почв, они имеют нечто общее в своих ботанических формациях: во всякой почти горной местности России мы можем найти пояс степной растительности у подножья хребтов, более или менее густые леса, перемежающиеся иногда лугами по ущельям, покрывающие склоны гор и субальпийские и атьпийские луга и пастбища на вершинах, варьирующие в зависимости от известной высоты. В южных областях, на Кавказе и Крыму самый обширный пояс лесов состоит из буковых, тисовых, дубовых, папортниковых и др. ценных пород с подлесками из лавровишни, родендрона и пр. на Урале, Алтае и в других сибирских горных областях преобладают хвойные деревья—лиственницы, ели, кедры, пихты—но везде главный растительный покров гор—лугово—лесной и везде климат, в общем, влажный, в нижних частях более теплый, в верхних—холодный. На самой южной окраине в Закавказьи и на Дальнем Востоке мы встречаем остатки лесов субтропической формации — высокоствольные, густолиственные, с непроницаемыми, для света кронами, перепутанные лианами и колючими кустарниками с сильно развитыми подлесками, где вечно влажная почва покрыта только гниющими листьями. Эти леса—источники малярии: за то, когда они истреблены—на юге открываются безграничные возможности развития культурной—огородной и садовой флоры, соединяющей в себе представителей 4-х стран света, но особенно—японско-китайской в виде бамбуков, мандарина и чая. Это наши субтропики.

Такова краткая характеристика физико-географических зон России. Она показывает, насколько, несмотря, на преобладающее однообразие равнинного рельефа, различны естественно-исторические *постоянные* факторы хозяйственной деятельности человека у нас. Что это различие чрезвычайно сильно отражается не только на всей хозяйственной деятельности человека, но прежде всего, не позволяет людям равномерно разселяться по великим равнинам, а заставляет их скучиваться в наиболее благоприятных для жизни естественных зонах—видно из нижеследующих данных о *плотности* населения. На одну квадратную версту приходилось душ обоего пола:

Название зоны.	В Евр. Росс. (данные 1897 г.).	В Западной Сибири (1917 г.).
Тундры	0,3	0,02
Северн. тайга	13,5	1,5
Смешанные леса	40,8	—
Лесостепи Запад.	59,4	7,4
„ Вост.	28,8	
Сев. степи	24,9	4,5
Горный Алтай	—	4,5
Южн. степи (пустыни) . . .	5,8	1,2
Всего в среднем	22,2	1,8



В районах цифры плотности населения на 1 кв. версту душ обоего пола.

Эта чрезвычайно интересная таблица показывает, что в Европейской России и в Сибири население наиболее сгущается в средней лесостепной зоне, где, естественно, исторические условия наиболее хороши, и все более и более разрежается по направлению от средины на север и на юг. Разница между минимальной густотой населения (на севере 0,3 человека в Европейской России и 0,02 человека в Сибири) и максимальной в лесостепи (59,4 человек в Европейской России и 7,4 в Сибири) достигает почти 200—370 раз. Это—наилучшее доказательство могущественной роли природных факторов в хозяйственной жизни России.

ГЛАВА IV.

Население.

Влияние плотности населения и рынка на сел. хозяйство.

Составляющие основную базу сельско-хозяйственного и отчасти промышленного производства природные факторы — климат, почва, рельеф — более или менее *постоянны*. Они изменяются заметно лишь на протяжении многих веков и тысячелетий. Наоборот, воздействие человека на природу— представляет чрезвычайно *изменчивый* фактор, в зависимости от: а) *роста* населения и изменения его *плотности* по отношению к данной, остающейся неизменной, территории, б) от соотношения между сельским и городским, или точнее, между сельско-хозяйственным и промышленным населением, которое также постоянно меняется.

От влияния этих двух факторов зависит, как хозяйственный *тип* каждой данной страны, так и характер и темп ее экономической эволюции.

Первый фактор—общая плотность населения, однако, не всегда оказывает решающее влияние на хозяйственный тип данной страны. Существуют страны с весьма высокой плотностью, как напр. Китай или Индия, в которых промышленность развита весьма слабо, и наоборот, — в сравнительно редко населенных молодых заокеанских странах — как Соединенные Штаты Америки и Австралии, мы видим чрезвычайно быстрое развитие индустриализма. Но уровень *сельско-хозяйственной* эволюции безусловно подвергается прямому воздействию обоих факторов. Проф. Маслов в своем труде „Теория развития народного хозяйства" делает такой общий вывод: „сопоставляя плотность населения на всей поверхности земного шара с системой хозяйства в соответствующих пунктах, мы найдем, что независимо от культурного уровня населяющих землю народов, независимо от степени их экономического развития, данной плотности населения соответствует определенная система хозяйства" (стр. 31). В густо населенных—Китае или Индии, несмотря на культурную отсталость населения, система сельского хозяйства гораздо интенсивнее, чем в редко населенных Америке и Австралии, хотя культурное превосходство англо-саксонской расы, населяющей эти страны несомненно. Германский ученый Шмоллер дает такую схематическую таблицу нормальной плотности населения при различных системах хозяйства (приводим ее в сокращенном виде):

Плотность населения на 1 кв. километр.

	От	До
1. Охотничьи и рыбачьи народы в северных областях	0,02	0,05
2. Тоже с прибавкой земледелия, как подсобного промысла	0,2	0,7
3. Кочевое пастушеское хозяйство	0,7	1,8
4. Переходное хозяйство (от кочевого к оседлому земледельческому)	3,4	8,9
5. Области экстенсивного переложного земледелия .	—	8,9
6. Земледельческие области с трехпольным севооборотом	17,7	35
7. Земледельческие области с интенсивным земледелием и развитой промышленностью в средней Европе . .	70	106
8. Наилучшие земледельческие области Индии, Явы, Китая	—	177

Для дальнейшего изложения положения сельского хозяйства в России важно отметить, что предельной плотностью населения при паровой зерновой системе полеводства с трехпольным севооборотом, наиболее распространеннной у нас, по этой таблице будет 35 чел. на кв. километр., или как считает проф. Милюков (см. очерки по Истории русской культуры)—40 чел. на кв версту. Отсюда мы сделаем далее весьма существенные выводы.

Итак, плотность населения (в данном случае сельского) является одним из основных факторов, влияющих на развитие той или иной системы сельского хозяйства в данной стране или районе. Причина этого глубокого влияния очевидна: чем плотнее сельское население, тем больше ему необходимо получить средств существования с одной и той же площади земли, а увеличить количество средств существования, добываемых с единицы площади, можно только при помощи увеличения *производительности земли*, достигаемой *интенсификацией* систем сельского хозяйства. Но роль плотности местного сельского населения является превалирующей до тех пор, пока в данной стране или районе господствует натуральное хозяйство, т. е. хозяйство, удовлетворяющее одни лишь насущные потребности самого производящего населения. Когда же наряду с земледелием, в данной стране или районе начинает развиваться промышленность, и нарастает городское население, пред'являющее также большой спрос на сельско-хозяйственные продукты—этот спрос, иначе говоря, — *рынок*, становится новым фактором, также сильно влияющим на систему хозяйства. Переход от паровой зерновой системы полеводства с трехпольным севооборотом к более интенсивным в странах с умеренным климатом, господствующим в областях европейской культуры и в России невозможен без образования рынка: ибо продукты интенсивного земледелия: корнеплоды (свекла, картофель), масличные (лен, конопля, подсолнух) и прочие, так называемые промышленные растения; равно как и продукты интенсивного скотоводства — специально откормленный скот, масло, птица яйца, а также огородничества, садоводства и т. д. производятся главным образом не для собственного потребления, а на *про-*

дажу. С другой стороны, средства производства интенсивного земледелия—усовершенствованные орудия, искусственное удобрение, улучшенные семена - земледелец также приобретает на рынке Иначе говоря, *интенсификация сельского хозяйства обусловливается развитием рыночных отношений*. Интенсивное земледелие без развитого рынка мы встречаем только в жарких субтропических и тропических странах—напр., в Китае и Индии, где исключительные климатические условия позволяют снимать по несколько жатв в год. В странах же умеренного климата, как в России и Западной Европе, если плотность сельского населения в данной стране начинает перерастать нормальную для данной системы хозяйства—при отсутствии рынка, эта страна вступает в полосу *аграрного кризиса*. Так и случилось с Россией, когда во второй половине XIX века плотность сельского населения, в большинстве земледельческих районов, превзошла вышеуказанный предел в 40 чел. на 1 кв. версту, а развитого рынка, т. е. большого количества населения, не производящего, но потребляющего покупные сельск.-хоз. продукты еще не было.

Соотношение основных категорий населения за границей и в России до мировой войны.

Отсюда видно, что, в конечном итоге, рынок, как фактор, влияющий на сельское хозяйство, представляет из себя, в сущности, *тоже население*, отличное от сельско-хозяйственного лишь тем, что оно только потребляет, но не производит сельск.-хоз. продукты, при том потребляет, в общем, продукты *более высокого качества*, хорошо их оплачивая, что и дает возможность земледельцу перейти к интенсивным системам хозяйства. В свою очередь, само земледельческое население начинает предъявлять спрос на продукты *индустрии*, производимые городским населением, и, таким образом, создается *товарообмен* внутри страны между сельским и городским населением. Этот товарообмен способствует гармоническому развитию обеих основных отраслей народного хозяйства. — промышленности и сельского хозяйства: поэтому в странах *с двусторонним* развитием народного хозяйства, каковы Соединенные Штаты Америки, мы видим более или менее пропорциональное отношение между сельско-хозяйственным и промышленным населением. Страны с *односторонним* типом хозяйственной эволюции, отличаются, наоборот, перевесом либо того, либо другого вида населения.

К концу XIX столетия в главных странах европейской культуры соотношение между обеими категориями населения представлялось в следующем виде:

На 100 душ всего населения приходилось:

	Сельс.-хоз. населения.	Других категорий (промышленного, торгового и проч.).
Великобритания	12,4	87,6
Бельгия	21,1	78,9
Германия	31,9	68,1

	Сельс.-хоз. населения.	Других категорий (промышленного. торгового и проч.).
Франция	41,8	58,2
Соедин. Штаты	47,1	52,9
Италия	59,4	40,6
Россия	74,9	25,1
Венгрия	79,7	20,3

Как видим из таблицы, Великобритания, Бельгия и Германия, по составу своего населения, представляли из себя резко выраженный тип *промышленных* стран, где более $^2/_3$ населения оторвались от их земли, а Россия и Венгрия, наоборот, являлись типичными *земледельческими* странами, в которых сельско-хозяйственное население достигало $^3/_4$ всего населения. Из стран *переходного* типа—Франции, Соединенных Штатов, Италии как мы уже указали, наиболее гармоническим соотношением обеих категорий населения отличаются Соединенные Штаты.

Однако, как мы уже говорили в первой главе, общая хозяйственная эволюция всех стран, начавшаяся со второй половины XIX века одновременно с развитием парового транспорта, выражается повсюду в более быстром росте *индустрии*, чем сельского хозяйства, что и отражается, естественно, убыстренным ростом городского и промышленного населения, сравнительно с сельским и земледельческим. Во вторую половину XIX века в главнейших странах Западной Европы и Америки рост городского и сельского населения выражается следующими цифрами:

Население в миллионах душ.

		Городское.	Сельское.	Всего.
Англия (с Шотландией и Уельсом) . .	1871 г.	14,0	8,7	22,7
	1911 г.	28,2	7,9	36,1
Прирост или убыль в %		+101	—9	+59
Германия	1870 г.	14,8	26,2	41,0
	1905 г.	34,8	25,8	60,6
Прирост или убыль в %		+135	—1+1	+48
Франция	1872 г.	11,2	24,9	36,1
	1906 г.	16,6	22,7	39,3
Прирост или убыль в %		+47	—9	+9
Соединенные Штаты	1870 г.	8,1	29,5	37,6
	1910 г.	42,6	49,3	92,0
Прирост в проц.		+428	+67	+145

В Англии, Германии, Франции весь естественный прирост сельского населения—плюс 1—9% прежнего коренного населения деревни поглощен городом. Сельское население этих стран за последние 34—40 лет не увеличивалось, но сокращалось, а городское—в Англии и Германии выросло в 2—$2^1/_2$ раза во Франции же, отличающейся своим ничтожным естествен-

ным приростом, в $1^1/_2$ раза. В Соединенных Штатах Америки, благодаря огромному притоку эмигрантов из Европы, растет и городское и сельское население, но первое за сорок лет увеличивается в $5^1/_4$ раз, второе в $1^2/_3$ раза. Соединенные Штаты,—страна, в которой еще имеются запасы нетронутых девственных земель—они и давали, даже при экстенсивных системах земледелия, возможность возростания земледельческого населения. Но эта возможность сокращалась с каждым десятилетием и в связи с этим, все увеличивался рост городского и падал, относительно, рост сельского населения. Так за два предвоенных десятилетия в Соединенных Штатах в % увеличились:

	Площадь под фермами.	Сельское население.
За 1890—1900 годы	34,6	12,4
„ 1900—1910 „	4,8	9,2

В силу этого, как увидим дальше, накануне войны, Соединенные Штаты стали сокращать свой экспорт зерна в Европу.

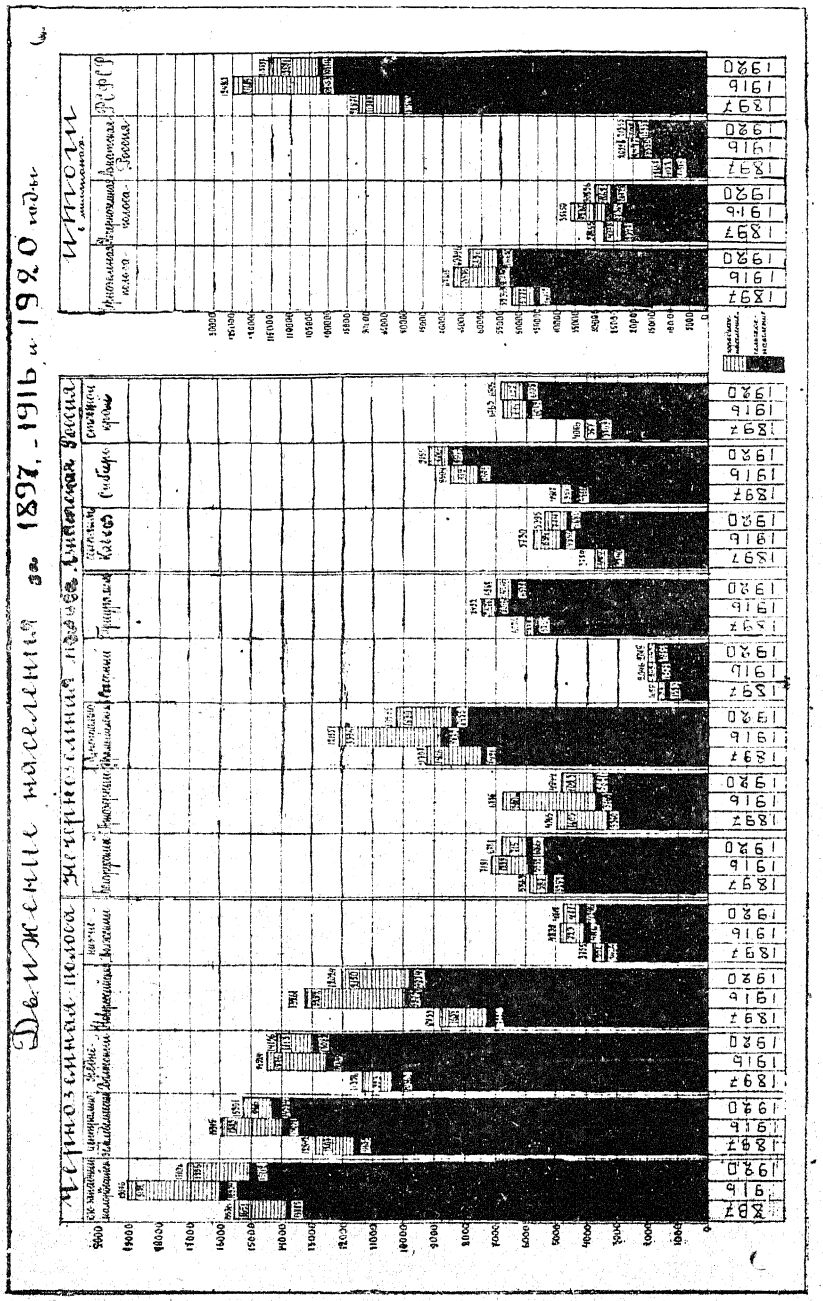
Развитие промышленного населения увеличивает не только рост внутреннего рынка, но и *внешнего*, так как промышленным странам, в которых подавляющее большинство населения не занимается сельским хозяйством, не хватает своего продовольствия и они ввозят к себе с.-хоз. продукты из земледельческих стран Европы и из-за заокеанских, где на просторе еще незанятых пространств быстро развивается экстенсивное земледелие. Что же в это время (во вторую половину XIX века и в начале XX) происходит с населением России?

По всей бывшей Российской Империи (без Финляндии) в 1858—60 г. общее количество населения составляло 75 миллионов; в 1897 году оно дошло до 117,8 милл., увеличившись, таким образом, на 57% за 40 лет. Городское и сельское население за этот период развивалось следующим образом (в миллионах душ).

	Городское.	Сельское.
В 1858—60 г. г.	8,0	67,0
„ 1897 году	16,2	101,6
Прирост в %	+102	+52

В относительных величинах число горожан увеличивалось вдвое быстрее, чем сельских жителей. Но *абсолютный* размер городов был еще слишком мал—города являлись лишь маленькими пятнами на сером фоне деревенской России и поглощали всего лишь 10% нормального естественного прироста сельского населения. Поэтому за указанные 40 лет в абсолютных числах городское население у нас увеличилось всего на 8,2 мил., а сельское на 34,6 мил.—вчетверо больше.

Такого явления не было *нигде* в культурных странах зап. Европы и Америки: это-то явление и породило аграрное перенаселение и *аграрный* кризис в России, разразившийся с такой силой, как нигде в мире. В начале XX века, до войны, однако, и у нас городское население начинает


Движение населения по губерниям Европейской России за 1897, 1916 и 1920 годы
Центральные губернии
Приволжские губернии
Северные губернии
Западные губернии
Юго-Западные губернии
Новороссийские губернии
Уральские губернии
Губернии Сибири
Губернии Туркестана
Киргизы
1897
1916
1920

развиваться гораздо более быстрым темпом. К сожалению, точных сведений о численности городского и сельского населения накануне войны привести нельзя, и мы можем сопоставить цифры 1897 г. лишь с данными 1916 г.*) причем это сопоставление приводим уже по нынешней территории Р.С.Ф.С.Р.

Население в тысяч. душ по территории Р.С.Ф.С.Р. (за исключением Туркестана, Закавказья и Дальне-Восточной Республики).

	Городское.	Сельское.	Всего
В 1897 г.	11,308	81.563	92.871
„ 1916 г.	21.609	102.654	124.263
Прирост в %	+91	+26	+34

В общем, за указанные 20 лет население России растет быстрее, чем за предыдущие 40 лет: ежегодный прирост в XX веке 1,7%, в XIX (в 2-ую половину) всего 1,4%. Но особенно быстро выростает городское население, дающее ежегодно прирост в $4^1/_2$%, тогда как сельское всего 1,3%. Стало быть городское население в XX веке ростет в $3^1/_2$ раза быстрее сельского тогда как в конце XIX века—всего в 2 раза. Отсюда ясно, что общее экономическое развитие стало приближаться к Западно-европейскому типу, хотя все же прибавка 21 мил. земледельцев составила тяжелый груз для и без того перенаселенной деревни.

Сделаем теперь краткие выводы из всего вышеизложенного.

1) Население является по отношению к народному, в частности к сельскому хозяйству, *переменным* фактором: изменяясь само, оно влияет на сельское хозяйство, направляя его в ту или иную сторону.

2) На сельское хозяйство влияют два основных фактора, связанных с населением: а) возростание плотности сел.-хоз. населения, заставляющее его добывать все возростающее количеств средств существования с одной и той же площади, что приводит к эволюции систем хозяйств, б) увеличение городского и промышленного населения в данной стране или в других странах, которое приводит к созданию и развитию *рыночных* отношений, как внешних, так и внутренних.

3) Без развития рыночных отношений в странах умеренного климата невозможен переход к интенсивным системам сельского хозяйства. Поэтому в России, во второй половине XIX века, вследствие, сравнительно слабого роста городов и, следовательно, развития рынка, произошло аграрное перенаселение и разразился аграрный кризис. В других странах Европейской культуры рост городов поглощал все избыточное деревенское население. Но и в России, в XX веке, накануне войны мы наблюдаем также более быстрое возростание числа горожан, что облегчает переход к интенсификации сельского хозяйства.

---

*) Городское население по данным 1916 года взято из книги Лосицкого „Урожай 1917 года". Сельское—по сельско-хозяйственной переписи. В 1897 году в Туркестане было 5.212 тысяч; в нынешней Грузинской Республике 1.759 тыс., Азербейджанской 1.789 тыс., Армянской 1.617 т., Дальне-Восточной 900 т.

Рост и уплотнение населения в России по районам.

Россия, по выражению историка проф. Ключевского—страна беспрерывной колонизации. С конца XVI века ее население, сгустившееся на территории Московской Руси, начинает понемногу сползать к югу и востоку и рассеиваться в безбрежных степях черноземной полосы, по мере их освобождения от кочевников-татар. Сначала заселяются районы земледельческого центра, среднего Поволжья и Малороссии, представляющие *первый* пояс колонизации; со второй половины XVIII века—Новороссия и Низовое Поволжье, второй пояс, а со второй половины XIX века третий пояс—сначала северный Кавказ, потом Сибирь и Степной Край. С 1858 г. по 1907 год население этих поясов выросло следующим образом:

Области:	Население в миллионах: 1858 г.	1907 г.	Прирост в%
Центра	12,7	20,9	64
1-го пояса колонизации	25,6	43,6	70
2-го „ „	8,6	23,0	166
3-го „ „	7,5	18,2	143

Отсюда видно, что население второго и третьего поясов колонизации, т. е. юга и востока за эти 50 лет возрастало в 2—$2^1/_2$ раза быстрее, чем население старинного Московского центра и первого пояса, т. е. нечерноземной полосы и севера черноземной.

До 1880 г.г. переселенческое движение направляется преимущественно на юг; с этого времени оно перебрасывается на восток: Сибирь и Степной край колонизуются преимущественно в XX веке. Движение населения по районам в XX веке происходит по тем же основным направлениям—с севера на юг и с запада на восток.

Рост населения в *процентах* с 1897 по 1916 г. на территории Р.С.Ф.С.Р.

Районы.	Городского.	Сельского	Всего.
*) *В нечерноземной полосе.*			
Белорусский	109,3	12,7	22,4
Приозерный	87,2	12,2	36,4
Центр.-промышлен.	83,2	17,8	30,6
Северный	162,7	12,8	21,2
Приуральский	73,1	24,6	24,8
Всего в нечерноземной полосе	89,3	16,6	28,0
В черноземной полосе.			
Юго-западный и Малорусский	92	14,5	16,3
Центрально-земледельческий	51,5	21,1	23,9

*) Как мы уже говорили во второй главе, здесь и в дальнейшем изложении нами приняты старые, так называемые „Семеновские“ районы, применявшиеся до последнего времени в административной статистике. Районы эти указаны в картограмме № 2 и применительно к ним сделаны подсчеты всех новейших статистических материалов.

Средне-Волжский	88,8	20,1	27,9
Нижне-Волжский	148,1	18,8	28,8
Новороссийский	100,4	38,2	49,7
Всего в черноземной полосе	88,2	21,8	29,2
Итого в Европейской России	88,7	20,1	28,8
Северный Кавказ	99,1	45,1	51,4
Сибирь	133,1	72,1	76,5
Степной край	108,5	62,3	66,3
Всего в Азиатской России	112,4	61,1	65,8
Итого по всей Р.С.Ф.С.Р.	91,1	25,9	33,8

В нечерноземной полосе в общем прирост *всего* населения был почти одинаков с приростом населения в черноземной: но в первой полосе гораздо быстрее относительно росло население городов: его рост в $5^1/_2$ раз превышал прирост сельского населения. Абсолютно то и другое выросло на одинаковую величину; кругло на 4 мил. душ каждое. Следовательно в нечерноземной полосе происходило заметное перетекание сельских жителей в города, куда ушла половина всего естественного прироста.

В черноземной полосе городское население росло одинаковым темпом с нечерноземной, а сельское население развивалось слабо лишь на Украине, т. е. в западной части этой полосы, не только благодаря отходу в города, а как увидим далее, и вследствие заметного переселения в Сибирь, а за последние годы перед войной,—даже за океан в Америку. Центрально-земледельческий район характеризуется весьма малым развитием городской жизни, т. к. близкая Москва оттягивает к себе приток городских эмигрантов. Вообще у нас, хотя в более слабой степени, чем в Западной Европе, наблюдается процесс *концентрации* городского населения в крупных городах. В Германии, например, население городов, имеющих до 5 тысяч жителей, за 1890—1905 г. г. выросло всего на 21%, а в городах свыше 100 тысяч оно увеличилось на 92%. В России рост крупных городов, приблизительно в $1^1/_2$—2 раза превосходил рост мелких.

Сельское население, в черноземной полосе, в большинстве районов росло сильнее, чем в нечерноземной: но особенно быстро оно увеличивалось в многоземельной Новороссии. Вообще в черноземной полосе мы наблюдаем определенный закономерный сдвиг преимущественно сельского населения с запада на восток и на юг, и в то время, как все население Украины увеличилось всего на 16%, в Новороссии оно сразу выросло на 49%, т. е. втрое больше.

Но еще быстрее росло городское и особенно сельское население на окраинных районах северного Кавказа, Сибири и Степного края. Здесь средний ежегодный прирост горожан достигал 5,4%, сельских жителей—3,0%, тот и другой—3,3%, т.-е. в два слишком раза превосходил нормальный естественный прирост. Нигде во всем мире, кроме Соединенных Штатов, где годичный прирост, как мы видим приближался, слегка превышая к нашему азиатскому (3,6% в год), мы не наблюдаем такого быстрого возрастания населения. Отсюда очевидно, что в XX веке наше колонизацион-

ное движение приобрело чрезвычайно широкие размеры. Эта колонизация принадлежала, однако, больше к типу деревенских: городское население менее, чем в два раза, опережало сельское, тогда как в нечерноземной полосе Европейской России—*в* $5^1/_2$ *раз*, *в черноземной*—*в* $4^1/_2$ *раза*.

Итак, возрастая в общем быстро, (на 1,6% ежегодно) население России в XX веке не оставалось на своих прежних местах, а выказывало заметные тенденции; в нечерноземной полосе—к передвижению из деревень в города, в черноземной—в города, на юг и особенно на восток в пределы Азиатской России.

Эти перемещения не остались без влияния на изменения *в плотности* населения.

На 1 кв. вер. душ обоего пола всего населения.

Районы	1897 г.	1916 г.
Нечерноземная полоса		
Белорусский	32 0	39,2
Приозерный	16,9	23,1
Цент. Промышленный	34,6	46,5
Северный	1,5	1,9
Приуральский	14,2	17,6
Всего в нечерноземной полосе	12,3	15,8
Черноземная полоса.		
Украина	62,9	77,2
Цент.-Земледельческий	49,0	60,7
Средне-Волжский	31,5	40,3
Новороссийский	28,1	42,0
Нижневолжский	11,0	14,2
Всего в черноземной полосе	34,3	44,3
Всего в Европейской России	21,2	27,3
Северный Кавказ	19,0	28,7
Сибирь	0,6	1,0
Степной край	2,3	3,8
Всего в Азиатской России	1,2	2,0
Итого в Р. С. Ф. С. Р.	6,6	8,8

На этой таблице взято все население—городское и сельское по отношению *ко всему* пространству земли, как удобной, так равно и неудобной для сельского хозяйства. Такой прием применяется обычно в учебниках общей и экономической географии. Но он будет неправильным для определения относительной плотности *сельского* населения: эту плотность необходимо исчислять по отношению к территории *пригодной* для сельского хозяйства, следовательно, исключая из общей площади земли 1) *неудобные* (болота, пески, овраги), 2) леса. Такой расчет можно было произвести только на основании данных о распределении угодий в Европейской России в 1887 году (позднейшие данные переписи 1917 г. мало достоверны) и земледельческого населения по переписи 1897 года.

Плотность земледельческого населения (на 100 десятин удобной земли душ обоего пола.)

	Районы:						
Нечерноземная полоса.	Приозерный.	Приуральский.	Цент. Промышлен.	Северный.	Белорусский.	Всего нечерноземная полоса.	
	19	23	29	34		28	
Черноземная полоса.	Нижне-Волжский.	Новороссийский.	Средне-Волжский.	Централ. Земледел.	Малороссийский	Юго-Западный.	Всего черноозем. полоса.
	19	28	42	48	56	69	38

В черноземной полосе картина возрастания плотности населения по направлению от востока к западу вполне отчетлива. Не так ясна она в *нечерноземной* полосе, где наиболее, редко населенным оказывается северо-западный--Приозерный район. и слишком плотно (без лесов)—северный. Но за этими исключениями, указанная закономерность и здесь проявляется довольно ясно. Из приведенной таблицы видно, что в черноземной полосе к концу XIX века все районы, за исключением юго-восточных—Новороссии и Низового Поволожья уже *превзошли* предел плотности, допустимый при господстве паровой зерновой системы земледелия с трехпольным севооборотом. Но и в Новороссии, как мы видели, к 1916 году сельское население увеличилось почти на 40%, т.-е. здесь к этому времени плотность населения уже также приблизилась к предельной цифре в 40 чел., а в западной и северной части этого района — превзошла ее. Что касается *нечерноземной* полосы, то земля тут плохого качества, пахотных угодий значительно меньше и поэтому, хотя плотность нигде не дошла до предела, в 40 чел. но тем не менее, как увидим дальше, с 1860 г. и здесь также наблюдается заметный кризис земледелия.

Что плотность земледельческого населения России является весьма значительной по отношению к удобной территории, можно видеть из следующего сопоставления.

Удобной земли (гектаров) на одного чел. землед. населения.

Новая Зеландия	(1906 г.)	91,0
Соединенные Штаты	(1906 г.)	4,40
Великобритания.	(1895 г.)	2,82
Дания	(1901 г.)	2,70
Россия (европ.).	(1897 г.)	2,59
Германия.	(1907 г.)	1,95
Франция.	(1892 г.)	1,81
Бельгия.	(1902 г.)	1,31

Таким образом, только в самых густо населенных странах Европейского континента к концу XX века плотность земледельческого населения превосходила таковую же в России: в Дании, Великобритании, не говоря уже о заокеанских странах, для земледельческого хозяйчества оказывается больший земельный простор, чем у нас. Отсюда становятся понятными и законными все заявления крестьян о малоземелье и требования прирезки им помещичьей земли, приведшие к аграрной революции.

Движение населения за границей и в России во время войны и революции.

Мировая война а в России и гражданская, произвели большие изменения в движении населения всех стран, так или иначе прикосновенных к ней, изменения, направленные исключительно в сторону *убыли*. Прежде всего, непосредственная убыль населения на полях сражений достигла цифры, превзошедшей все военные потери Европы и Соединенных Штатов Америки за предшествовавшие 100 слишком лет, которые с конца XVIII века вплоть до последней войны исчисляются в $5^1/_2$—6 мил.*) По Дерингу**) только в главных воевавших странах Европы за 1914—18 г. число павших на войне составило:

В Германии	2	мил. человек.
„ Австро-Венгрии. .	1,5	„ „
„ Великобритании .	0,8	„ „
„ Франции.	1,4	„ „
Итого	5,7	мил. человек.

По другим источникам (Statesmans Jear Book) прочие государства потеряли на войне убитыми и умершими от ран:

Соединенные Штаты	80	тысяч человек.
Сербия	370	„ „
Италия	495	„ „
Всего	945	тысяч человек.

Неизвестно количество убитых и умерших на войне в Болгарии, Румынии и Бельгии. В России по расчету В. Михайловского число таковых достигало $2^1/_2$ мил. В эти цифры не попали пропавшие без вести и умершие в плену, число которых П. Сорокин определяет в 1,5 мил. Полагая, что в Болгарии, Румынии и Бельгии прямые потери от войны достигают (по аналогии с Сербией) примерно всего 700—800 тыс., мы получаем в

*) См статью П. Сорокина „Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию“ (журн. Эконом. № 1 1922 г.).

**) Статья Деринга „Великая война и естественное движение населения“ опубликована в „Вестнике статистики“ № 5—8 1920 г.

округлении, что общая цифра этих потерь составляет около $11^1/_2$ мил-взрослых мужчин—наиболее ценного рабочего населения. Но эти потери составляют лишь часть всех, которые произвела война, резко сократившая *естественный прирост* во всех воевавших странах. Сокращение рождаемости, благодаря тому, что все взрослое мужское население было мобилизовано, по вычислениям Деринга составило (к июлю 1919 года).

В Германии	3,6 мил.
„ Австро-Венгрии. . .	3,8 „
„ Великобритании . .	0,85 „
„ Франции	1,5 „
Всего	9,75 мил.

В других странах (кроме России) понижение рождаемости, по предположению П. Сорокина, составило 3—4 мил., а всего—13—14 мил.

Одновременно, благодаря ухудшению питания, эпидемиям и общим тяжелым условиям жизни, особенно в прифронтовых районах, заметно повысилась против нормальной *смертность* населения, что по мнению. Деринга, должно было принести потери людьми в 4 указанных странах в 1,65 мил. и во всех странах (кроме России)—не менее 2-х миллионов. Косвенные потери России от мировой войны, вероятно, были более значительными от сокращения рождаемости, чем от повышенной смертности. Судя по данным Петрограда и Москвы, смертность у нас в городах во время войны почти не превышала нормальную.

На 1000 человек умирало:

	В Петрограде.		В Москве.
1912—14 гг.	21,8	(1910—14 гг.)	23,1
1915 г.	22,8	„	22,1
1916 г.	23,2	„	20,2
1917 г.	25,2	„	21,2

И в деревнях не могла быть особенно высока смертность, так как во время мировой войны экономические условия жизни крестьянского населения были лучше, чем до войны. Но *рождаемость* в городах и деревнях, несомненно, упала.

На 1000 населения родилось.

	В Петрограде.		В Москве.
В 1912—14 гг.	26,3	1911—14 гг.	29,2
1915 г.	22,5	„	27,0
1916 г.	19,1	„	22,9
1917 г.	17,8	„	19,6

Средний процент падения рождаемости за 1915—17 годы в Петрограде—25%, в Москве—21%. В деревнях, в виду огромного сокращения

взятого на войну мужского населения, этот процент был, возможно, еще выше.

Гражданская война произвела гораздо более значительные опустошения в населении России. Смертность резко повысилась, а рождаемость, наоборот, также сильно упала.

На 1000 душ населения.

	В Петрограде.		В Москве.	
	Родилось.	Умерло.	Родилось	Умерло.
В 1918 году.	15,5	43,7	14,8	28,0
1919 г.	13,8	72,6	17,5	45,1
1920 г.	21,8	50,6	21,9	46,2

В деревне, несомненно, наблюдались точно такие же явления.

На 1000 населения умирало.

Губернии.	1914 год.	1920 год.
Костромская.	27,6	49,6
Московская.	26,8	40,8
Нижегородская.	29,1	33,8
Орловская.	26,8	36,4
Пензенская.	30,0	40,8

Рождаемость в деревнях должна была сильно упасть вследствие ухудшения питания населения.

В общем итоге, благодаря, главным образом, влиянию гражданской войны, население России сократилось *больше*, чем население главных воевавших стран Западной Европы.

Население (в миллионах душ) [1].

	1913 г.		1920 г.	
В Англии	46,4		46,9	
Франции	39,6		41,5	(с прис. провинциями
		(1919 г.)	36,8	(без них)
В Бельгии	7,6		7,6	
В Германии . . .	67,8		60,9	(за вычетом отошедш. областей)
		(1919 г.)	65,5	(с ними)
В Австро-Венгрии (в старых границах) . .	52,7	(1919 г.)	49,8	
В Италии . . .	35,6		36,1	
В России (территория РСФСР (1916 г.)	137,9		130,3	

[1] „Данные по иностранным государствам взяты из статьи Деринга и Сборника статистических сведений о соврем. экон. положении иностр. государ." изд. Ц. С. У. М. 1922 год. Данные, касающиеся России взяты по цифрам Ц. С. У. (ежегодник). К ним прибавлены сведения по Туркестану, Закавказью и Дальнему Востоку по 55 бюд. Ц. С. У., при чем в первом периоде взяты цифры 1914 г., во втором 1916 г.

Цифры, касающиеся России, относятся к наличному *гражданскому* населению, поэтому к ним необходимо добавить контингент армии, равнявшийся в 1919 г. 12—14 мил., в 1920 году—5,3 мил. Тогда получаются такие цифры всего населения на территории РСФСР.

В 1916 году	149,9 [2])
„ 1920 „	135,6
Абсолютная убыль . .	14,3 мил.

или около 9,5%.

Впрочем, эту убыль надо несколько сократить, принимая в соображение, что за границей находится сейчас 2—2½ мил. эмигрантов из России. Но, даже и при этом сокращении, наши потери в населении далеко опережают европейские. Как видно из приведенных цифр, абсолютная убыль населения произошла только во Франции (на 2,8 мил. или на 7%), в Германии (на 2,3 мил. или на 3,3%) и в Австро-Венгрии на 2,9 мил. или на 5,5%. Остальные страны дали прирост. Таким образом, первой по проценту потерь населения из крупных государств за истекшее пятилетие является Россия, за ней идет Франция, потом Австро-Венгрия и, наконец, Германия.

Но эти потери на Европейском континенте с лихвой возмещаются приростом населения в заокеанских странах.

Население заокеанских стран в мил. душ.

	1913 г.		1920 г.	
Соединенные Штаты . . .	92,0		105,7	
Канада	7,2	(1911 г.)	8,6	(1918 г.)
Аргентина	7,5		8,5	
Бразилия	24,3		30,6	
Австралия	6,6		7,2	
Всего . .	137,8		160,6	

Таким образом, если абсолютные потери главных воевавших стран Европы вместе с Россией (за вычетом русских эмигрантов) достигают за истекшее семилетие 20,3 мил., то в заокеанских странах Европейской куль-

---

[2]) Принимая меньшую цифру контингента армии в 1916 году=12 мил. По расчетам проф. Струмилина (см. доклад о трудовых ресурсах и перспективах России. о щий итог всех потерь, понесенных Россией от войны и блокады равняется 21 милл. душ из 154 миллион., т.-е. 13,6%. Повидимому, впрочем, эта цифра обнимает и потери на естественном приросте населения. Особенно, по его расчетам пострадал трудоспособный возраст (от 16 до 49 лет). Потеря населения в этом возрасте составляет к концу 1920 г.

	(в миллион. душ.)		
	М. П.	Ж. П.	Итого
по исчислению должно быть .	35,6	35,7	71,3
по переписи оказалось	25,3	31,7	57,0
Убыль	10,3	4,0	14,3

Что составляет для мужчин рабоч. возр. 28%

туры абсолютный прирост составил 22,8 мил. Таков общий баланс убыли и прибыли населения за время войны и революции, давший несомненный перевес, в этом отношении, молодым заокеанским странам.

Переходим к анализу движения населения России по отдельным районам.

Население России в тысячах душ[3]).

	Нечерноземная полоса.	Городское.		Сельское.		Все население.		Убыль или прибыль.	В %
		1916	1920	1920	1916	1916	1920		
Европейская Россия.	Белорусский	1229	715	5952	6066	7181	6781	— 400	— 5,6
	Приозерный	3006	1023	3769	3821	6775	4844	—1931	— 28,3
	Цент-Промыш. . . .	3325	1830	8829	8455	12155	10285	—1870	— 15,4
	Северный	249	148	1797	1175	2046	2018	— 28	— 1,4
	Приуральский . . .	476	456	7016	6512	7492	6968	— 524	— 7,1
	Всего по нечер . . .	8286	4168	27364	26729	35650	30897	—4753	— 13,3
	Черноземная полоса.								
	Украина	3172	1996	15904	15112	19076	17108	—1968	— 10,3
	Цент-Земл	1823	966	14093	14334	15916	15300	— 616	— 3,8
	Средне-Волж.	1876	1113	12678	13083	14524	14196	— 328	— 2,2
	Новороссийск. . . .	3282	2150	9979	9874	13261	12024	—1237	— 9,2
	Нижне-Волж.	723	471	4116	4247	4839	4718	— 121	— 2,5
	Итого по черноземной полосе	10876	6696	56740	56650	67616	63346	—4270	— 6,3
	Всего по Евр. Рос. . .	19162	10863	84104	83379	103266	94242	—1024	— 8,7
Азиатская Россия.	Северный Кавказ. . .	884	715	4846	4631	5730	5327	— 333	— 5,8
	Сибирь	819	606	7685	8549	8504	9155	+ 651	+ 7,6
	Степной Край . . .	744	698	6019	6108	6763	6806	+ 43	+ 0,6
	Всего по Аз. Рос. . .	2447	2019	18550	19337	20997	21355	+ 358	+ 1,7
	Итого Р.С.Ф.С.Р. . .	21609	12982	102654	102716	124263	115598	—8665	— 6,9

[3]) Цифры, приведенные на таблице, относятся к наличному гражданскому населению.

Повсюду за время гражданской войны мы наблюдаем резкую убыль *городского* населения, которое свелось по абсолютным числам почти до размеров конца XIX века (11,3 мил. в 1897 году и 12,9 мил. в 1920 году) сократившись только за 4 года почти на 40%. Часть бывших горожан погибла от войны и от эпидемий, другая — вернулась на родные пепелища в деревню, благодаря чему количество *гражданского* сельского населения осталось в общем по Р.С.Ф.С.Р. неизменным (102,7 мил.). Но все же этот возврат городского населения в деревню не мог возместить *всего* ущерба: к убыли гражданского населения нужно прибавить разницу между контингентом армии в 1916 году и в 1920 году, достигающую кругло 7 мил. Из этих 7 мил. не менее 6 мил. должно быть отнесено к убыли *деревни*, ибо в армии было свыше 80% крестьян.

Но сокращение на 6 мил. составляет убыль всего в 6%, — всемеро меньшую, чем убыль горожан.

Переходя к отдельным районам, ми видим, что в общем, районы нечерноземной полосы и между ними особенно два подстоличных—пострадали значительно больше, чем черноземной. Меньше всего пострадали Центрально-черноземная область и северный район, а Сибирь и Степной край дали даже прирост населения. Но остальные окраинные районы (Новороссия, Украйна, Северный Кавказ, Приуралье) потерпели больше Центральных (не считая подстоличных.

Выводы.

Основные выводы настоящей главы вкратце сводятся к следующему 1) Население является постоянно меняющимся фактором народно-хозяйственной эволюции.

2) До войны в культурном мире общее количество населения систематически увеличивалось во всех странах, но в главных странах Западной Европы и в Америке большая часть прироста падала на горожан. Количество сельских жителей в государствах старой европейской культуры сокращалось даже абсолютно.

3) В России, хотя относительно, рост городов шел быстрее, чем сельского населения, но до начала XX века в обсолютных числах количество сельских жителей увеличивалось в 4 раза больше, чем городских. Это порождало в центральных и западных районах явления аграрного перенаселения и кризиса, так как, при слабом развитии рынка, крестьяне не могли интенсифицировать свое сельское хозяйство. В XX веке начался более усиленный рост городов у нас, и получилась с одной стороны некоторая возможность отлива в города, с другой — интенсификация земледелия.

4) Этот процесс был оборван войной и революцией, особенно последней, приведшей к натурализации хозяйства и к колоссальной убыли горожан. Сельское население убыло далеко не так заметно: большие потери деревень наблюдаются на окраинах, так что плотность сельского населения в центрально-земледельческих районах попрежнему превышает нормальную при экстенсивных системах земледелия.

ГЛАВА V.

Колонизация. Переселенческое движение в России.

Факторы колонизации.

Изменения в численности и составе населения, изложенные в предыдущей главе, являются результатом не только естественного прироста или убыли населения, но и *механического* передвижения людей, которое происходит в двух направлениях: 1) из деревень в города, 2) из густо населенных стран и районов в редко населенные, но удобные для сельского хозяйства или обладающие большими запасами даровых благ природы. Передвижение из деревень в города в общих чертах было рассмотрено нами выше: более подробный анализ этого процесса не входит в нашу задачу, т. к. первая часть нашего курса посвящена преимущественно проблемам *сельско-хозяйственной* географии. Но колонизация редко населенных стран и районов, являющаяся одним из крупных факторов образования мирового и народного хозяйства, заслуживает более внимательного изучения.

Как видно из первой главы нашего труда, мировой обмен, являющийся основным фактором образования мирового хозяйства, проявляется, как указывает проф. Исаев, в троякой форме: а) передвижение людей, б) товаров и продуктов, в) капиталов. Эмиграция людей из Европы является исходным пунктом для развития мирового обмена, т. к., переселившись в богатые природными благами, редко населенные страны, трудоспособные выходцы из Европы быстро создают под'ем естественных производительных сил новых стран и начинают выбрасывать на мировой рынок в больших количествах дешевые продукты. Но, спрашивается, каковы основные причины, побуждающие людей к передвижению в неведомые края, иногда на огромные расстояния?

Один из русских ученых проф. П. Маслов, считает, что, *тенденция к рассеянию* представляет из себя первичное свойство, присущее не только людям, но и животным, и являющееся результатом стремления отыскать более обильные источники средств существования. «Все животные, и в том числе человек, по мере своего размножения, расселяются, захватывают для своего пользования все большую и большую территорию, потому что способность размножения безгранична, между тем, как средства существования, даваемые природой, ограничены. Во все периоды человеческого развития, при всех системах хозяйства мы можем констатировать стремление человечества к рассеянию, вытекающее из стремления к экстенсивному использованию территории". (Теория развития народного хозяйства. Стр. 35—36.)

Основная причина этой общечеловеческой тенденции к расселению, по мнению проф. Маслова, лежит в законе или факте *падения производительности человеческого труда* при переходе от одной системы хозяйства к другой, более интенсивной. «Переход от экстенсивного земледельческого хозяйства к более и более интенсивному, при неизменной технике, сопровождается падением производительности труда. Человечество только вследствие

необходимости для сохранения размножающегося населения переходит к более интенсивной обработке земли. Интенсификация земледельческого хозяйства, превращение его из кочевого в переложное, трехпольное и т. д. сопровождается таким же резким падением производительности труда, как при переходе от скотоводческого или охотничьего к земледельческому хозяйству». (Стр. 49.) Наоборот, „чем экстенсивнее хозяйство, тем труд его производительнее".

Итак, закон или „факт" падения производительности сельско-хозяйственного труда при переходе к более интенсивным системам—вот, по мнению проф. Маслова, основная причина тенденции населения к рассеянию. Нам, однако, приходилось уже отмечать коренную ошибку этой теории*), заключающуюся в том, что падение производительности человеческого труда происходит не при переходе от более экстенсивных к более интенсивным системам хозяйства, *а в пределах одной и той же экстенсивной системы*, так как каждая такая система связана обычно с хищническим *истреблением* тех или иных даровых природных благ, которое и приводит к падению продуктивности человеческого труда.

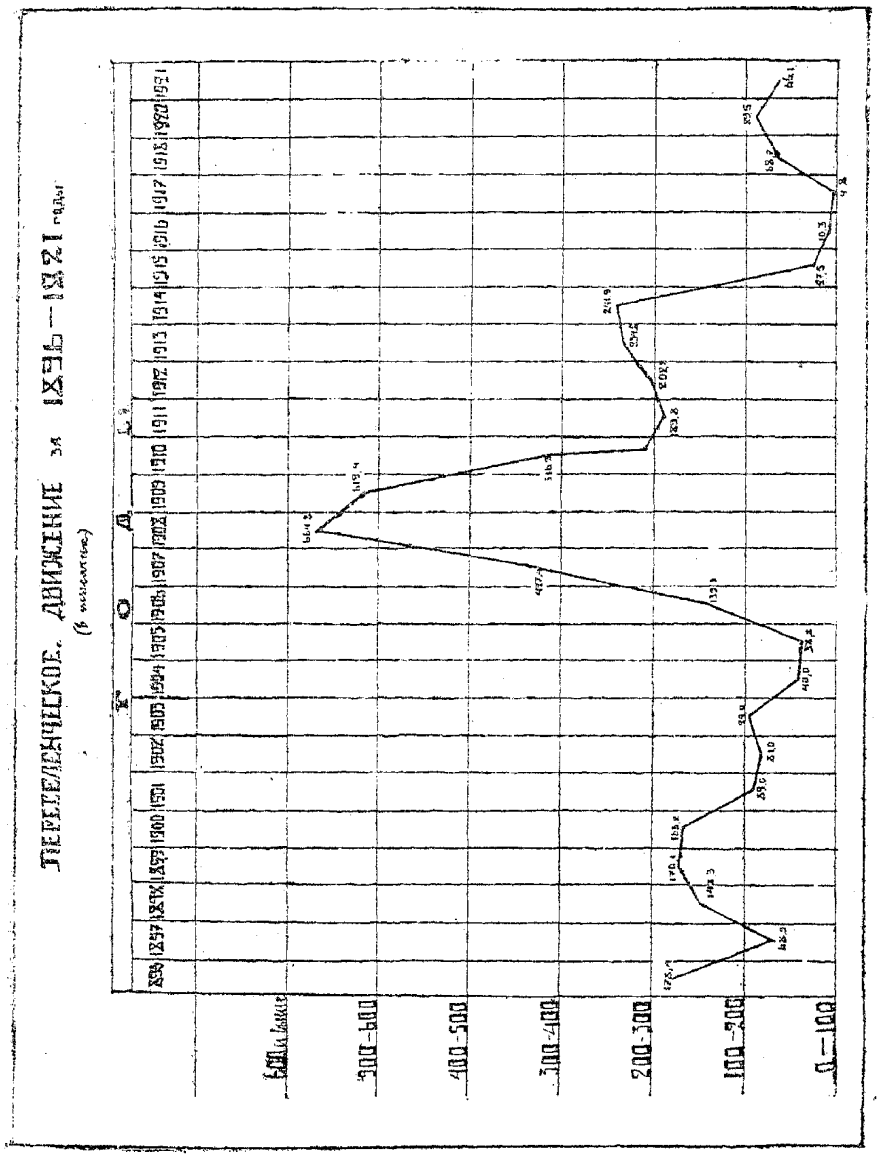
Человечество, идя по линии наименьшего сопротивления, всегда начинает с простого *потребления* даровых природных благ, которое, переходя границы естественной производительности природы, приводит к их *истреблению*.

Поднимаясь по лестнице сельско-хозяйственной эволюции, на первой ее ступени мы находим *звероловное* хозяйство и собирание дикорастущих плодов и корней. До того момента, пока человек не истребляет основного капитала—звериных стад—производительность его труда будет высокой. Но как только он, размножившись, переходит эту границу и начинает истреблять этот капитал—количество зверей сокращается и производительность охотничьего труда падает, что и побуждает его перейти от звероловного к пастушескому хозяйству. Переходя на пастушеское хозяйство, человек, хотя и вытравливает скотом дико-растущие травы, но в то же время, при помощи ухода за животными, увеличивает их количество, т. е. развивает тот элемент творчества природы—фауну, которую он раньше истреблял. Бросая пастушеский быт и садясь на землю, он истребляет при экстенсивном земледелии, запасы естественного плодородия почвы, но зато увеличивает количество производимых природой животных и растений. Наконец, в интенсивном фазисе земледелия ни один вид природных благ уже не подвергается истреблению, но производительность земли развивается во всех направлениях: увеличивается естественное плодородие почвы, количество и качество полезных растений и животных.

Таким образом, человеческая деятельность в сельском хозяйстве распадается на две последовательно сменяющиеся стадии: 1) *на истребление* даровых запасов природных благ, которые накопила природа до начала че-

---

*) См. Н. Огановский „Закономерность аграрной эволюции", т. II, гл. VII (связь теории с фактами) § 2—влияние природных факторов и населенности на эволюцию производства.


Телеграфическое движение за 1836–1921 годы
(в миллионах)
1836
1837
1838
1839
1840
1841
1842
1843
1844
1845
1846
1847
1848
1849
1850
1851
1852
1853
1854
1855
1856
1857
1858
1859
1860
1861
1862
1863
1864
1865
1866
1867
1868
1869
1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900
1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
400-500
300-400
200-300
100-200
0—100

ловеческой деятельности, при чем истреблению подвергаются в последовательном порядке—фауна, флора и естественное плодородие почвы, и

2) *на развитие* творческих процессов природы, создающих эти блага, при чем это развитие идет в таком же последовательном порядке. Человек начинает хозяйственную деятельность с голого истребления даровых запасов природы; в последующем фазисе сельско-хозяйственной эволюции он развивает одни элементы творчества природы при помощи истребления других. Конечный фазис—отсутствие истребления и развитие всех сторон природного творчества. Звероловство сменяется животноводством, рыболовство—рыбоводством, лесоистребление—лесоводством, дикое пастбище—травосеянием, истощение почвы—ее удобрением. Таков ход эволюции сельскохозяйственного производства.

Таким образом, как мы уже сказали, истребление тех или иных природных благ при *экстенсивных* системах сельского хозяйства—охотничьей, кочевой скотоводческой, переложного и трехпольного земледелия—вот, по нашему мнению, основная причина, приводящая к падению производительности человеческого труда и, следовательно, к относительному недостатку средств существования, которая и заставляет людей стремиться к расселению. Иначе говоря, не переход к новой более интенсивной системе хозяйства, а падение производительности *старой* экстенсивной системы—основной фактор, толкавший людей на постоянные передвижения с места на место. Когда охотничьи племена, размножившись, начинали истреблять основной капитал—звериных стад—и этим сокращали количество зверя—они отправлялись в поисках нетронутых запасов зверей в неведомые края.

Великие переселения кочевых народов из Азии в Европу—результат поисков свободных пастбищ для размножившегося скота, который истребил их на месте; истощивши девственную почву земледелец ищет ее запасы в в новых странах.

Русский аграрный кризис, заставлявший миллионы крестьян переселяться из Европейской России в Сибирь, произошел не потому, что наши земледельцы перешли от более производительной трехпольной системы полеводства к менее производительному интенсивному земледелию с плодосменом и травосеянием, а как раз наоборот, именно потому, что такого перехода они не могли произвести и истощили своим трехпольем и безграничными распашками естественное плодородие почвы.

Отыскивая даровые запасы природных благ в редко населенных колониях, человечество начинает снова с их хищнического потребления, приводящего, в конце концов, *к истреблению* и падению производительности труда и к тем бедствиям, которые предки нынешних переселенцев испытали на родине. Вот почему разумное пользование даровыми природными благами представляет основу *рациональной политики колонизации*, которая постепенно начинает развертываться во всем мире и которой пора заменить и в России старую переселенческую политику, грозящую уже истощением богатых запасов природных благ наших редко населенных окраин.

Переселенческое движение в Европе и России.

Вышеизложенное показывает, что переселенческое движение из более густо населенных стран и районов в редко населенные представляет из себя стихийный процесс, возникающий (поскольку он касается сельско-хозяйственных отношений) вследствие кризиса экстенсивных систем хозяйства в более густо населенных областях. Поэтому в европейских странах и России переселенческое движение достигает особенно больших размеров тогда, когда земледельческое хозяйство этих стран переживает эпоху кризиса. Такой кризис, вследствие аграрного перенаселения и тяжелых земельных отношений, переживает в середине XIX века Ирландия, откуда переселилось преимущественно в Соединенные Штаты столько народа, что к концу 1900 года здесь оказалось $6^1/_2$ мил. ирландцев, тогда как в самой Ирландии было только $4^1/_2$ мил.; между 1840 и 1870 г.г. ирландцы составляли главную массу выселенцев за океан. На втором месте за этот период становятся германцы переживавшие кризис трехполья, сопровождавшийся неурожаями и голодовками, подобными бывшим в России в конце XIX века; с 1880 года, когда земельные отношения в Ирландии упорядочиваются, а в Германии, после Франко-Прусской войны 1870—71 г.г. начинается эпоха расцвета промышленности и интенсификация земледелия, — истоки эмигрантского движения передвигаются далее на восток и на юг в страны с аграрным перенаселением — Австро-Венгрию и Италию и, наконец, в начале XX века волна эмиграции за океан докатывается до России. В общем, с 1819 до до 1913 г. из общего числа эмигрантов в 30,8 мил. переселилось:

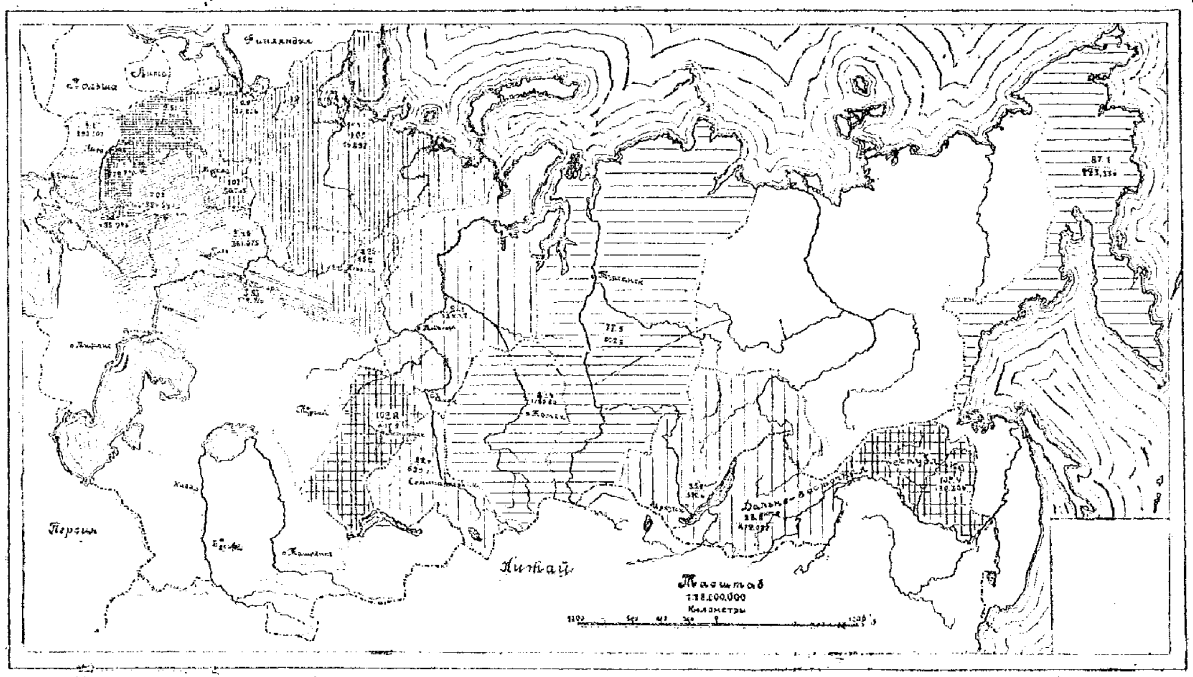
Из Великобритании и Ирландии	8	мил.
„ Германии	5,4	„
„ Австро-Венгрии	3,8	„
„ Италии	3,7	„
„ России	3,0*)	„

Кроме С.-Штатов, в Аргентину (1863—1908г.г.) переселилось 3,2 мил., в Канаду, которая начала усиленно заселяться только в XX веке,—за 1900—1910 г..—1,4 мил., в Бразилию (1820—1907 г.г.) 2,5 мил., в Австралию—около 2-х мил. Все эти страны, впитав в себя многомиллионный поток колонистов, развернули в конце XIX века и в начале XX века необычайный под'ем своих естественных производительных сил, который, благодаря разумной экономической и общей политике, нигде не привел до сих пор к сельско-хозяйственному кризису. Несколько иной результат получился от переселенческого движения внутри России.

Русская колонизация отличается от европейской тем, что наши азиатские колонии, главная из которых—Сибирь, находятся рядом с метрополией, тогда как за границей метрополия и колонии отделены друг от друга океаном. Казалось бы, этот факт создает большие удобства для рациональной колонизации. Но наше правительство, после освобождения крестьян,

*) Среди русских эмигрантов большинство евреев. Но в XX веке эмигрировало до войны в Америку около 1 мил. крестьян—русских, поляков, латышей и литовцев.

Переселенческое движение по районам выхода и губерниям водворения за 1896–1912 г.



Районы выхода

0т 9% и выше | от 9–6% | от 6–3% | от 3–0%

Губернии водворения

100% и выше | от 75–100% | от 0–35%

стараясь сохранить для помещиков возможно большее количество дешевых рабочих рук, придерживалось вначале *запретительной* политики по отношению к начавшемуся стихийному процессу переселения крестьям, и только с проведением сибирской железной дороги и с началом аграрного движения в Европейской России—т. е. с 1900 года, оно круто ее меняет и издает законы, облегчающие выход из старых мест переселенцам.

Стихийное движение переселенцев в Сибирь началось с 1880 года: до тех пор они устремлялись на юг—в Новороссию и Северный Кавказ. За 25 лет с 1860—1885 г.г. прошло в Сибирь и Туркестан около 300 тысяч душ; в дальнейшем их количество возрастало следующим образом (без ходоков):

В 1886—90 г.— 108 тысяч душ.
„ 1891—95 „— 353 „ „
„ 1896—1900— 718 „ „
„ 1901—05 г.— 323 „ „
„ 1906—10 „—2086 „ „
„ 1911—15 „— 769 „ „
„ 1916—21 „— 231 „ „

Всего, следовательно, в XIX веке прошло 1.477 тысяч переселенцев, в XX—3.404 тысячи, в итоге около 5 мил. Максимум переселенческого движения упал на пятилетие 1906—10 г. г. после неудачной аграрной революции 1905 года, когда крестьяне, разочаровавшись в своих мечтах получить прирезку из помещичьих земель, валом повалили за Урал. Дойдя до небывалой высоты 650 тысяч душ в 1908 году, с 1909 г. переселение начинает падать, и в 1911 г. переселенческая волна сокращается до 190 тысяч. Затем она снова поднимается до 336 тысяч в 1914 году; потом мировая война и революция прерывает его вплоть до 1921 года. В этом году, кроме включенных в приведенную сейчас таблицу 66 тысяч душ, по неполным сведениям, беженцев из голодающих губерний двинулось около 400 тысяч. В указанные сейчас данные не входят также беженцы-горожане, двинувщиеся в Сибирь в количестве нескольких сот тысяч в период революции, впрочем значительная часть их потом вернулась обратно.

Результаты переселенческого движения в Сибирь.

Не следует думать, что переселенческое движение могло значительно облегчить аграрный кризис в Европейской России: оно захватывало сравнительно, слишком не большой процент крестьян, чтобы давать остальным освобождение от земельной тесноты: в конечном счете, оно не поглощало даже мало-мальски заметной доли естественного прироста сельского населения.

Естественный прирост сельского населения.

	(В 50 губерниях в тыс. душ).	% переселенцев к естест. приросту.
В 1896—1900 г.г. . . .	6.816	10.6
„ 1901— 05 „ . . .	8.046	4.1
„ 1906— 10 „ . . .	8.798	23.7

Только в пятилетие 1906 — 10 гг. переселение освободило крестьян Европейской России от $^1/_4$-ой части естественного прироста[1]), а за предыдущие 5 лет — всего до $^1/_{25}$, в первые пять лет — только около $^1/_{10}$. Кроме того, выселяются крестьяне не из всей России одинаково: так, из 4 слишком миллионов переселенцев, вышедших из России с 1890 по 1912 г.г. из нечерноземных губерний выселился всего один миллион, а из черноземных 3 мил. слишком. Далее, в черноземных губерниях тяга к переселению охватывала преимущественно малоземельные густо-населенные области: земледельческого центра (Воронежскую, Курскую, Орловскую губ.) и Украины (Киевскую, Полтавскую, Черниговскую губ.). Всего за 6 лет, 1905 — 10 гг., из первых трех губерний выселилось 352 тысячи душ, из вторых—480 тыс. — половина естественного прироста. Наконец, и в каждой из этих губерний особенно выделялись количеством переселенцев одни уезды, а из других — никакого почти выселения не было. Да и в уездах одни волости давали тысячи переселенцев, другие — десятки. Словом, тяга к уходу за Урал шла „гнездами", пятнами—и в этих отдельных гнездах, на местах чувствовалось известное облегчение от земельной тесноты, после того как третья—четвертая часть малоземельных бедняков навеки расставалась с дедовскими могилами.

Уходили, главным образом, *малоземельные* и вовсе безземельные крестьяне; в начале XX века, в среднем, на крестьянское хозяйство приходилось около 11 дес. надельных земель, а на хозяйство переселенцев только 3,6 дес.— всего лишь третья часть. Вовсе безземельных между ними была четвертая часть, а имевших до 3-х десятин—около двух пятых. Когда крестьян, пришедших в Сибирь, спрашивали, почему они переселились, они отвечали: „Дом хлебом не накормит: жить в нем весело, да есть в нем нечего". „Уходим от безземелья". Жить не при чем". „Землей изголодались". „Под деревнями было больше места, чем под пашнями".

До Столыпинских законов о выходе из общины переселенцы не имели права продавать наделы и потому у них было с собой очень мало денег. Затем все чаще и чаще стали продавать землю, укрепив ее за собой. В 1904 г. передали в общество надел 72% переселенцев, а продали—всего 4%; в 1910 г. передали обществу только 1%, а продали 83%. Не очень много выручили они капиталов за жалкие клочки своей земли, но все таки рублей 300—400 уносили с собой. Главный капитал их, однако, был—рабочие руки.

Переселившись на новые места, крестьяне, которые шли для того, чтобы пахать землю, сразу подняли миллионы десятин нетронутых целинных степей и лесных трущоб.

За 7 лет в 8 губ. Сибири площадь посевов выросла на 2 милл. дес.— в полтора раза. В общем, благосостояние крестьян на новых местах поднялось довольно сильно, но не сразу и не одинаково во всех местах.

---

[1]) Естественный прирост измеряется разницей между числом рождающихся и умерших.

На один двор приходилось:

	Голов скота.	Десятин посева.
У проживших в Сибире менее 3-х лет	2,5	2,7
4 — 7 лет	4,0	4,4
8 — 18 лет	5,6	7,4
Более 18 лет	6,8	7,4

На родине они имели по одной голове скота и по десятине пашни. В короткое время на новом месте их хозяйство выростает до 4 — 5 голов скота и 6 — 7 дес. посева. Но дальше оно уже не растет, хотя средний участок переселенческой семьи в Сибири — около 40 дес. (на мужскую душу нарезалось 15 дес.). Это—предел крестьянской „сытости". Заводить больше скота и посевов переселенцам было интересно лишь в тех местах, где есть обезпеченный сбыт, близь пристаней и железных дорог; там же, где сбыта нет, где пуд пшеницы стоит 20—40 копеек, там сеять и заводить скота на продажу не было расчета. Поэтому, остановившись на точке „сытости" в большинстве мест, переселенческое хозяйство с этой точки не сдвигалось.

Очень большое влияние на развитие переселенческого хозяйства имело *место* поселения.

	Дес. посева.	На один двор: Голов круп. рог. скота.	Доходов.
У поселившихся в Зап. Сибирской лесостепи	8,4	5,1	725
В Западной степи	6,1	4,5	736
Восточно-Сиб. степи	3,8	3,4	586
В Урмане и Тайге	2,3	3,1	362

Мы видим, что посевы у крестьян, поселившихся в лесостепи, в $3^1/_2$ раза а количество скота почти вдвое больше, чем у насельщиков, рискнувших направиться в лесные дебри. Доходы в первых районах также вдвое больше чем в последних. Тяжелые природные условия—обилие болот и страшного сибирского „гнуса", отсутствие близких рынков сбыта, бездорожье, оторванность от остального мира — все это порождало медленность хозяйственного развития и отпугивало переселенцев от огромных таежных пространств Сибирского севера.

Кроме *места* поселения, на благосостоянии переселенцев сильно отражалось их *юридическое положение* — причисление к обществу, получение надела, вообще — легальное устройство. Так, в Акмолинской области имели на один двор:

	Устроенные переселенцы.		Неустроенные переселенцы.	
	На родине.	В Акм. обл.	На родине.	В Акм. обл.
Посевов	2,4	7,5	3,4	3,0
Построек	1,5	2,0	1,6	1,4
Скота (в переводе на круп.)	2,5	5,9	2,3	1,7

Неустроенные переселенцы на новых местах, оказывается, даже беднели. В результате, поживши несколько лет кое как, зарабатывая батрачеством на пропитание у богатых старожилов и казаков, обнищалые, ослабевшие, они идут назад в Россию на свои разоренные гнезда, которые уже не в силах отстроить заново. [1])

Переселенцы, обыкновенно, стараются устроиться в такие места, которые, по природе своей, напоминают их прежнюю родину. Так на 1000 человек, водворившихся в каждой полосе, приходится:

Выходцев из Европ. России.	В степной полосе.	В лесостепи.	Тайге.	В городах и пр. район.
Степных губ. . . .	619	291	61	29
Лесостепных . . .	255	443	216	56
Лесных	67	221	616	96

Подавляющее большиинство крестьян—выходцев из России, жили раньше в степных и лесостепных губерниях—Европейской России. При этом, естественно, они оседали раньше там, где было им ближе по дороге, т. е. в Западной Сибири, точнее в лесостепных районах ее, примыкающих к железной дороге.

Заполнив южные уезды Тобольской и Томской губ. и лучшие части Алтайской, они повернули на юг, в степь и, за последние годы в ковыльном поясе северных степей русское крестьянское население очень быстро выростает. В общем из четырех миллионов переселенцев в конце XIX и в XX веке (1912 г.) поселилось в круглых цифрах:

В Западной Сибири	2090 тыс.
„ Восточной „	320 „
На Дальнем Востоке	320 „
В степных областях	910 „
„ Туркестане	130 „

До 1897 года в степи ушло всего 15% переселенцев, после 1897—26,5%. За 1910—14 г.г. в среднем ежегодно уходило (из 300 тыс. всех) в Зап. Сибирь 112 тыс., в степные области 90 тыс.

Движение в степи и Западную Сибирь почти сравнялось. Однако, к 1914 году, т. е. к началу мировой войны, большая часть удобных местностей Западной Сибири и смежных районов была уже заселена. В Зап. Сибири в которой к 1913 г. осталось всего свободных 65 тыс. долей душевых наделов, не заселен был только север, покрытый дремучими лесами и болотами; колонизация севера как признавалось само правительство,—еще дело далекого будущего.

Например, в Нарымском крае обнаружены обширные площади земли, пригодные для земледелия, и переселенческие чины запроэктировали здесь

---

[1]) За 1896—1918 г.г. количество обратных переселенцев достигло огромной цифры в 1280 тыс. душ.

800 тыс. дес. в надел. Но плодородные участки отделены непроходимыми болотами от заселенных мест Томской губ. и друг от друга. Болото это знаменитое «Васюганское морцо», имеет 500 верст в длину и 400 в. в ширину. Перейти через него можно лишь по тропкам, которые знают только старожилы; неопытные пешеходы проваливаются по грудь в болото. Понятно, что на лошадях проехать туда нельзя, и переселенцев никакими льготами на Нарымские наделы не заманишь. При том здесь иногда в мае бывает 17 градусов мороза.

Участки в Тобольской губернии делятся на урманные, в которых леса— 70%, болот 20%, озер — 2% и лишь 8% гари и удобных лесных полян, под'урманные—лесов 35%, болот 30%; лесостепных теперь уже не осталось. Тоже и в Томской тайге. На Алтае свободными остались горы, в которых, в лучшем случае, возможно только пастбищное хозяйство. Поэтому в Западной Сибири переселенцы устраивались за последние годы, преимущественно, на отрезанных у старожилов излишних землях, запасы которых сильно истощились.

В степях удобные для заселения земли отбирались у первых заселщиков—туземцев—киргиз. Отрезки производятся на основании норм, исчисленных особыми статистическими экспедициями. Экспедиции определяют количество скота, необходимое для существования нормального киргизского хозяйства, и площадь пастбищ, потребных для единицы скота в разных местностях. Первые экспедиции, работавшие под руководством известного статистика Ф. А. Щербины, установили норму в 24 единицы крупного скота на хозяйство (в том числе 20% — в расчете на дальнейший прирост скотоводства). Но когда в степи нахлынули переселенцы, была командирована 2-ая экспедиция (Б. К. Кузнецова), понизившая норму до 14—15 единиц скота, несмотря на то, что у киргиз в действительности оказывалось от 18 до 21 единицы на хозяйство и кроме того, значительно сократившая норму пастбищной земли, потребной для прокормления скота. При помощи такого двойного понижения, размер „излишних" земель, которые правительство имело право отрезать у киргиз, определился в степных областях в 22 миллиона дес.; из них 5 милл. в последние годы уже занято; а всего с начала колонизации степей отведено переселенцам 12 миллионов десятин. Остающиеся 17 миллионов десятин излишков,—гораздо худшего качества, лежат преимущественно на территории „летовочных" пастбищ, где сами киргизы кочуют только в течение нескольких летних месяцев, где очень мало водных источников и большая часть земель непригодна для хлебопашества.

В три остальные области — Восточную Сибирь, на Дальний Восток и Туркестан, переселилось немногим более миллиона человек, из которых 626 тыс. осело в Восточной Сибири, главным образом, в Енисейской губернии. На юге этой губернии также имеются обширные степи, лучшая, наиболее орошенная часть которых, впрочем, уже заселена. В незаселенных частях производятся сейчас гидротехнические изыскания, от результатов которых зависит разрешение вопроса о колонизации степей; пока же переселенцев устраивают благодаря „отрезкам" земель у старожилов и сибирских инородцев. Большая часть Восточной Сибири покрыта лесами и горами, и те мест-

ности, которые более других пригодны для населения, могут привлечь сюда преимущественно переселенцев из нечерноземной полосы Европейской России, вообще говоря, благодаря развитию городской жизни в этой полосе, мало нуждающихся в переселении. Поэтому, колонизация Восточной Сибири никогда не сможет достигнуть таких размеров, как Западной.

Дальний Восток после Русско-Японской войны привлек усиленное внимание правительства, озабоченного укреплением наших границ с Китаем и Японией. Правительство стремится вытеснить отсюда туземное желтое население и привлечь из России как земледельцев, так и рабочих на строющуюся железную дорогу и золопромышленные прииски. Однако, если попытки руссифицировать рабочий элемент края увенчались известным успехом, по крайней мере, в казенных предприятиях (в 1911 г. сюда явилось из России 52 тыс. рабочих, в 1912—106 тыс.), то нельзя сказать того же относительно земледельческой колонизации. В 1907 г. сюда нахлынуло сразу 85 тысяч переселенцев, а в следующем же году значительная часть их вернулась обратно, и с тех пор переселение в Приамурский край сильно упало. Главная причина неудач колонизации—неблагоприятные природные условия. Здешний климат полон контрастов: жаркое лето, когда средняя температура июля соответствует Кавказу и Крыму, и суровая зима с морозами в 40° и январской температурой более низкой, чем в Архангельске. Летом идут постоянные дожди, скопляющиеся в августе, во время уборки хлеба, когда земледелец дорожит каждым сухим днем. Зимы наоборот сухие, малоснежные, благодаря чему земля замерзает на такую глубину, что в значительной части области оттаивает лишь верхний слой, а внизу остается „вечная мерзлота".

Летние дожди производят частые наводнения, реки обрамлены по берегам крупными валами,—осадками песку и камней от прежних наводнений. После наводнения вода в речных долинах не опадает, откуда происходит повсеместная заболоченность края, усиливаемая густой растительностью, так поражающей взоры неопытных переселенцев. Заболоченность —главное препятствие для русской земледельческой колонизации края. Инженер Клягин полагает, что, например, в той части Амурской области, которая лежит ниже 60° параллели, из 36 миллионов десятин заболочено 15 милл.; в Приморской—процент заболоченности еще выше. Сухие земли уже использованы под переселение и доля заболоченных земель в переселенческих участках увеличилась с 17—18% в 1901 году, до 40%—в 1909г. Производить многомиллионные затраты на осушение Приамурья, по отзывам специалистов, не имеет смысла, так как тамошние почвы не лучше, чем район окрестностей Петрограда (в Новгородской, Псковской, Петроградской губ.), где также очень много болот, осушить которые будет стоить гораздо дешевле и выгоднее как для казенных, так и для народных интересов. Переселенческое Управление успело разочароваться в возможности успешного заселения Приамурья; между тем, оно изгоняло желтых корейцев и китайцев, которые чувствовали себя здесь, как рыба в воде, и огромный край остается до сих пор мало заселенным.

В общем, несмотря на безбрежные пространства Сибири, к моменту

войны вряд ли можно было допустить водворение сюда более, чем 200—250 тысяч переселенцев ежегодно, потому что большая часть оставшихся незаселенными земель требует мелиорации: осушения болот, вырубки и выкорчевания лесов, а на юге—орошения и обводнения бесплодных, хотя и плодородных в северной части киргизских степей.

Но мелиоративные работы целесообразны лишь при более интенсивных системах сельского хозяйства, т. к. они требуют во многих случаях, более или менее крупных затрат, окупающихся лишь высоким под'емом производительности почвы. Поэтому гораздо разумнее расширять путем мелиораций земельный фонд в Европейской России, где таким способом его можно увеличить довольно быстро, более чем на 30 милл. десятин.

И так, как это ни странно, при наличии почти полутора миллиардов десятин земельной площади в Сибири и Туркестане, втрое превышающей площадь Европейской России, наше переселенческое движение начинает упираться в тупик, за отсутствием достаточного фонда свободных удобных земель.

Около миллиона обратных переселенцев в XX веке достаточно ясно свидетельствуют об этом тупике. Но, кроме „обратников" накануне войны количество ходоков, не нашедших себе и своим доверителям земли, увеличилось до 60%. И при всем этом как будет видно в дальнейшем изложении, запасы природных благ Сибири стали подвергаться истощению: количество ценных пушных зверей убыло, рост скотоводства начал сильно отставать от роста населения, и урожайность начала подвергаться сильнейшим колебаниям и в общем клониться к упадку, что свидетельствует о некотором истощении почвы.

Выводы.

Три главных причины породили такие печальные результаты нашей колонизации: 1) водворение большей части переселенцев в одних и тех же лесостепных и степных районах, благодаря которому получилось относительное перенаселение этих районов, усиленная их распашка, истощение почвы и сокращение туземного скотоводческого хозяйства. В общем население Сибири росло крайне неравномерно, и в уездах, прилегающих к железной дороге, оно выросло за 20 лет в 2 и 3 раза.

В Западной Сибири, как мы видели, скопилось три четверти всех переселенцев: но и в Западной Сибири 75% населения и почти 90% все посевной площади сконцентрировались в лесостепной и степной зонах и в полосе Алтайских предгорий, занимающих только 23% всей территории. Север и юг-Западной Сибири и почти вся Восточная Сибирь оказались за пределами колонизационного движения.

2. Второй причиной является односторонний состав переселенцев, коренных землеробов-выходцев из черноземных перенаселенных губерний, которые ничего не знали и не хотели знать кроме земледелия. Они распространили экстенсивные системы земледелия в равнинах Сибири, что и привело к неустойчивому равновесию сибирское сельское хозяйство.

3. Наконец, третьей причиной является почти полное отсутствие пе-

редвижения *капиталов* в Сибирь, т. к. ни правительство, ни русская и даже иностранная буржуазия не пытались приложить к разработке природных богатств Сибири, к развитию ее торговли и промышленности сколько нибудь значительных денежных средств. Между тем, главным образом, благодаря перемещению капиталов из Европы в заокеанские страны, развитие производительных сил последних двинулось вперед такими быстрыми шагами.

Правильная колонизация требует, прежде всего, прокладки железных дорог, повышающих колонизационную емкость территории, дающих доступ к разработке недр, лесов и почв пустынных неплодородных пространств и связывающих нитями широкого товарообмена колонию с метрополией.

Вот почему, некоторые отрицательные результаты нашего стихийного переселенческого движения являются следствием не недостаточных запасов природных благ в Сибири и на других окраинах, а неправильной переселенческой политики прежних лет. Эта политика должна в будущем смениться рациональной постройкой планов *колонизации*.

ГЛАВА VI.

Формы хозяйства, землевладение и землепользование

Общие тенденции сельско-хозяйственной эволюции.

Из предыдущего изложения видно, что одним из решающих факторов сельско-хозяйственной эволюции является рост и уплотнение сельского-населения. Воздействие этого фактора, взятого независимо от других, приводит к тому что в сельском хозяйстве мы наблюдаем систематическую тенденцию к *дроблению* хозяйственной территории под влиянием постоянно увеличивающегося количества самостоятельных хозяйств. Факт постоянного дробления территориальных размеров хозяйств подтверждается и географическим и историческим анализом имеющихся статистических данных по всем странам Европейской культуры. Так, если мы расположим эти страны по увеличивающейся плотности земледельческого населения, то увидим следующую картину.

	Удобной земли на 1 чел. земл. населения.	% площади в хозяйствах.			Средний размер хоз. в гектар.
		Мелких.	Средних.	Крупных.	
		До 20 гект.	20—256	Св. 256	
Новая Зеланд. (1906 г.) . .	91,0	1,1	17,8	81,1	206,9
		До 20 гект.	20—104	Св. 104	
Соедин. Штаты (1906 г.) .	4,40	5,8	47,2	44,0	58,6

	Удобной земли на 1 чел. земл. населения.	% площади в хозяйствах.			Средний размер хоз. в гектар.
		Мелких.	Средних.	Крупных.	
		До 20 гект.	20—120	Св. 120	
Великобритания (1895 г.) .	2,82	15,0	57,6	27,4	25,5
		До 14,85 гект.	14,85—59.4	Св. 59,4	
Дания (1901 г.)	2,70	16,6	50,8	32,6	15,6
		До 21,8 гект.	21,8—109	Св. 109	
Россия (1905 г.)	2,59	40,9	22,3	36,8	18,7
		До 20 гект.	20—100	Св. 100	
Германия (1907 г.)	1,95	48,6	29,3	22,1	7,8
		До 10 гект.	10—40	Св. 40	
Франция (1892 г.)	1,81	25,5	29,0	45,5	8,7
		До 20 гект.	20—100	Св. 100	
Бельгия (1902 г.)	1,31	61,7	25,0	3,4	6,0[1])

Несмотря на различие в способах группировки, на таблицах ясно видно возрастание площади у мелких хозяев и сокращение ее у крупных, по мере уплотнения населения. Исключение представляет Россия, где площадь у нижней и, особенно, у верхней группы относительно велика, а средняя представлена слабо, что зависит от недавняго происхождения крупно-капиталистического землевладения, не успевшего еще раздробиться и перейти в разряд средних. Об этом мы скажем подробнее дальше.

Таким образом, территориальное дробление хозяйств под влиянием уплотнения населения—статистически удостоверенный факт. Факт этот можно проверить на любой стране сопостановлениями *динамического* характера. Но чтобы не загромождать наших очерков цифрами, мы приводим одну Германию.

	Процент хозяйств в Германии.			
	С 1—5 гект.	5—20	20—100	Свыше 100 гект.
1882 г.	57,4	30,9	9,5	2,2
1907 г.	54,1	35,0	8,9	2,0
Изменение каждого с.-х. в процент.	—5,8	+13,3	—6,0	—9,1

[1]) Составлена по Заку „Социально—политич. таблицы вып. III. 1910 г.“.

Следовательно, в стране быстро развивавшегося интенсивного сельского хозяйства и промышленного капитализма, за последние 25 лет, незадолго до войны, больше всего выигрывали мелкие хозяйства трудового крестьянского типа, разросшиеся за счет верхних слоев — полутрудовых и капиталистических и за счет нижних—полупролетарских. Этот тип дробления, когда сокращаются верхний и нижние слои и за их счет выростают средние носит название *нивеллировки.*

Но в той же самой Германии в течение того же 25 летия, в индустрии мы наблюдаем совершенно противоположную тенденцию эволюции распределения предприятий. Так, из 100 рабочих, занятых в промышленности оказалось:

	В предприятиях.		
	Мелких (имеющих до 5 раб.).	Средних (6 – 50).	Крупных (Свыше 50).
В 1882 г.	59	19	22
„ 1907 г.	37	25	38

По другим данным, за этот период кодичество рабочих в мелких предприятиях сократилось с 3,3 мил. до 3,1 миллионов человек а в крупных—возросло с 1,6 до 5,0 мил. Аналогичный процесс *концентрации* наблюдается в промышленности не только в индустриальных странах, но и во всех остальных. «Капиталистическая промышленность, говорит М. Туган-Барановский развивается по сходному типу во всех странах, где она существует — везде наблюдается концентрация и централизация производства, рост акционерных компаний и проч., составляющ:е то, что Маркс называл законами капиталистического развития. В этом отношении Россия не составляет исключения и подчиняется тем же законам (поскольку дело идет о промышленности) точно так же, как и остальные капиталистические страны (Национализация земли ст. 114)".

Итак, до последнего времени, эволюция сельско-хозяйственного и промышленного производства в сфере распределения средств производства, главнейшим из которых в сельском хозяйстве является земля—шли в противоположном направлении: первая в сторону *дробления,* [1]) вторая—*концентрации.* Причины такого различия, о которых здесь нам не приходится говорить подробно, заключаются в тесной зависимости процессов сельско-хозяйственного труда от *органических* процессов природы, делающих во многих отношениях затруднительной концентрацию производства Главные отличия сельско-хозяйственных процессов от индустриальных суть следующие:

1) *Сезонность* или *прерываемость* труда. В индустрии большинство работ может производится в течение круглого года во всякую погоду. Так как смена времен года создает последовательную смену биологических процессов взращивания растительных организмов, то за этой сменой последовательно идут различные виды человеческого труда: удобрение,

---

[1]) Впрочем нужно принять во внимание тот факт, что дроблению хозяйственной территории не всегда соответствует дроблению с.-х. капитала.

пахота, бороньба, посев, окучивание, косьба, перевозка к полю и с поля— все эти работы сменяют друг друга. Одновременное выполнение этих работ невозможно—отсюда невозможно *техническое разделение труда*, составляющее одно из самых важных преимуществ крупного производства в индустрии.

2) *Перемещаемость (подвижность)* труда. Размеры эксплотируемой земельной площади, в зависимости от систем хозяйства, варьируют очень сильно—от сотен квадр. верст до десятков саженей. Но, оставаясь всегда во много раз больше той площади, на которой оперирует индустрия, протяженность земли, как об'екта хозяйственной эксплоатации, заставляет человека передвигаться с орудиями производства по полю, т. е. создавать *перемещаемость* (подвижность) труда. «Место работы безпрерывно меняется. Поле, луг, двор, хлев, гумно в пестрой смене составляют мастерскую сельского хозяина. Процесс растительной жизни прикован к определенному месту. Туда должен направиться и человек со своими орудиями. Но и самая работа в поле и на лугу носит вполне локомоторный характер. В промышленности обыкновенно перемещается *предмет* труда: самый труд и орудия труда остаются на месте. Поэтому, в промышленности возможно установить прочную устойчивую систему механических сил и орудий труда. В противоположность этому, склад орудий в сельско-хозяйственном промысле носит, в общем, *подвижной* характер. Сельско-хозяйственный машинный механизм—это отдельные кочующие машины» (Давид, Социализм в сельском хозяйстве, ст. 48).

Кочевание сельско-хозяйственного труда по земле не дает возможности установить большой центральный мотор, который бы направлял энергию в целый ряд машин. Поэтому, сельско-хозяйственные машины малы, легки подвижны и слабосильны; их слабость препятствует опять таки техническому разделению труда, которое в индустрии углубляется и расширяется, благодаря применению могучих механических двигателей.

Оба эти основные отличия и ряд других более мелких не дают возможности развиться в сельском хозяйстве широкому *разделению труда*, приводящему в промышленности к образованию так называемого общественного производства в крупных размерах, когда в выработке одного продукта одновременно участвуют тысячи людей, разделенных на группы, занятые каждая какой-либо отдельной частью работы. „Для образования необходимых в сельско-хозяйственном производстве организованных групп рабочих, в большинстве случаев вполне достаточно нормальной крестьянской семьи (4—6 чел.) разного возраста“ (Давид).

Разделению труда в сельском хозяйстве препятствует также его *усложнение*, происходящее по мере эволюции сельско-хозяйственного производства. В индустрии всякая трудовая операция разлагается на свои составные части и каждая часть работы выполняется особым рабочим. Благодаря этому, приемы труда каждого работника *упрощаются*, механизируются, становятся настолько однообразными, элементарными и автоматичными, что их легко заменяет машина. Следовательно, разделение труда ведет за собои *упрощение*

приемов труда и сущность технического развития производства в индустрии заключается именно в этом упрощении.

В сельском хозяйстве развитие производительности земли достигается диаметрально противоположным процессом *усложнения* способов и приемов труда.

Первобытное хозяйство заключалось в добывании продуктов естественной производительности природы. Это—охота, бортничество, рыболовство в лесных и обильных водой районах и пастбищное—тебеневочное скотоводство кочевников—в степных. На следующей стадии развития в девственную почву лесов и степей впервые врезается плуг: к охоте и скотоводству присоединяется переложное земледелие. При перелоге один и тот же участок земли засевается сплошь одним видом злаков до тех пор, пока он не истощается. На дальнейшей ступени эволюции поле делится сначала на две, потом на три части: две части засеваются не одним, а минимум, двумя видами злаков: озимыми и яровыми. Еще далее, тот же самый участок делится уже не на три, а на четыре, шесть или восемь частей. К злакам присоединяются травы и другие виды растений. Наконец, при плодосмене, на том же самом участке засеваются десятки самых разнообразных растений и поле делится, по их количеству, на десятки частей. Одновременно чисто земледельческое хозяйство становится невозможным без скотоводства. „С развитием общей культуры усложняется и сельско-хозяйственное производство путем увеличения числа культивируемых растений и животных. Вместо двух—трех видов растений и животных, составлявших обиход сельского хозяйства в древности, их теперь необозримое множество и в свою очередь, каждый вид растений и животных распадается на десятки специальных сортов и каждая порода на многочисленные расы, виды и разновидности" (Давид, ст. 87). Представим себе, что ремесленник или фабрикант, в своей мастерской или на фабрике сначала выделывал сапоги, затем к сапожному делу прибавил ткачество, производство железа, меди, часовое дело и т. п. Ни один ремесленник, ни один фабрикант этого не сделают: ибо, как заметил еще Патен „закон земледельческой промышленности противоположен закону индустрии. Наилучшее употребление земли требует *разнообразия* продуктов, тогда как фабрика бывает наиболее продуктивна, делая какой-нибудь один предмет" (Цит. по Булгакову Капитализм и земледелие, т. I, ст. 66).

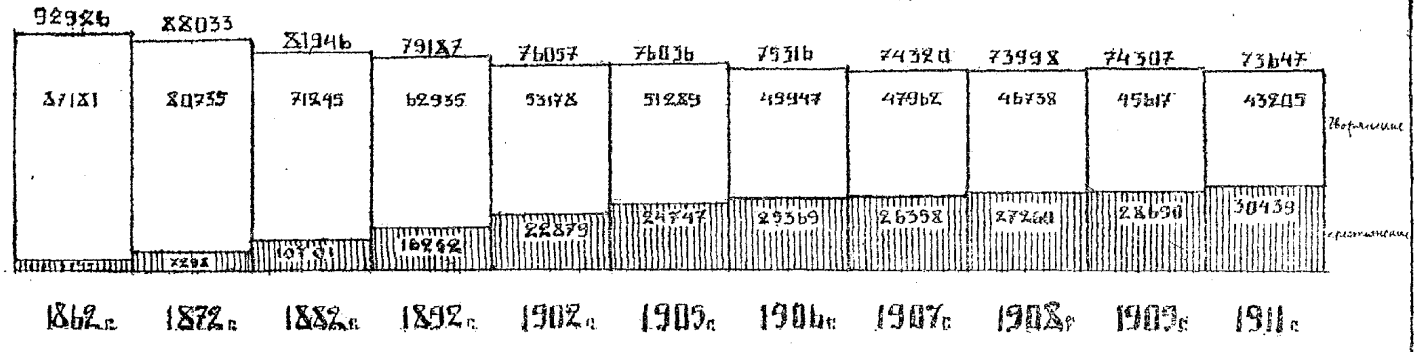
Перечисленных нами особенностей сельско-хозяйственного производства достаточно, чтобы понять, почему *при настоящем уровне техники* в сельском хозяйстве мы наблюдаем тенденцию к территориальному дроблению предприятий *). Поэтому, в настоящее время в большинстве стран большая часть хозяйственной территории находится в руках хозяйств либо мелкого трудового либо среднего полутрудового типа. Крупные, чисто капиталисти-

*) Конечно, дальнейший технический прогресс может изменить в сельском хозяйстве эту тенденцию в противоположном направлении, напр., при изобретении способа передачи энергии на расстояние без проводов, электрофикации и т. п.

Последовательное

изменение площадей землевладения дворянского и частно-крестьянского

с 1862 по 1911 г.



ческие предприятия на больших площадях повсюду играют сравнительно второстепенную роль.

Роль политических факторов в земельных отношениях.

Однако так было не всегда: в аграрной истории весьма большое значение имели *политические* факторы, вносящие в распределение земли момент *концентрации* вплоть до XIX столетия.

Общеизвестно, как появился класс крупных землевладельцев. Когда трудовое население осело на землю, всенародное ополчение могло быть созываемо только изредка, в самых экстренных случаях. Уже в 1103 году, в Киевской Руси, дружинники указывают на неудобства похода весной, когда смерды заняты полевыми работами. В Европе, где земледелие распространилось на несколько веков ранее, к IX веку совершенно исчезла крестьянская пехота „Земледелец не мог уходить на войну, иначе — как это было в эпоху Карла Великого и позднее, хозяйство, его приходило в упадок и он разорялся " (Кулишер). Непрерывные войны заставляют монархов организовать кадры людей, специально занятых военным делом; содержать их, при натуральном строе и пустых денежных кассах было нечем, кроме земли, сосредоточенной в больших массах у королей, имевших право владения на все завоеванные и пустопорожние земли—отсюда и возникает раздача земель дружинникам в частное владение.

Таким образом, главное условие образования сословий в сельском хозяйстве—война, а затем организация управления государством. „Война, говорит Зибер, служит отправной точкой процесса образования сословия, но сверх того и постоянным условием дальнейшего его развития".

Военный господствующий класс, вместе с церковью, создают институт частной земельной собственности в Европе и в России. В Европе „раньше, чем общинные земли успели превратиться в индивидуальную собственность, возникла частная земельная собственность на другие категории земель, на пустопорожние земли, или земли, отнятые у других племен". (Кулишер, лекции по истории экономического быта Западной Европы за 1913 г., стр. 21.) В Киевской Руси первыми частными собственниками земли сделались князья, потом монастыри, за ними бояре и прочие дружинники. Разобравши завоеванные и пустые земли, господствующие классы феодалов и духовенства, при помощи королей или простым насилием, или по добровольному согласию мелких земледельцев, разбирают земли, принадлежащие волостной общине или отдельным крестьянам. К X—XI ст. в Европе крупные поместья становятся господствующим явлением: монастырские поместья в 300 гуф (свыше 4 т.дес.) считались мелкими, в 1—2 тыс. гуф (до 25 т. дес.)—средними, а в 3—8 тыс. (до 100 тыс. дес.)—крупными. Светские владения были также очень велики. Следующий период XII—XV в. в. характеризуется в Западной Германии, Франции, Англии некоторым дроблением владений. Более всего сократились королевские домены, но раздробились и владения монастырей и светские поместья. В этот период в Англии, западной части Франции произошло постепенное раскрепощение крестьян, в Германии, наоборот, крепостное право усилилось.

В третий период с XVI в. до эпохи французской революции в Англии крестьяне обезземеливаются и их земли переходят к лендлордам. Во Франции сеньоры также расхватывают остатки свободных общинных угодий. Перед революцией господствующим классам юридически принадлежала вся земля, фактически. в пользовании крестьян оставалось, по разным источникам, от $^1/_3$ до $^2/_5$ удобной земли. „Франция и вся Западная Германия представляют собой страны сеньориального, основанного на крестьянских платежах аграрного строя, восточная Германия и далее—Польша и Россия являются государствами с помещиками—сельскими хозяевами,—имеющими самостоятельное хозяйство. Характерную черту первых составляет мелкое крестьянское хозяйство, уплачивающее оброк, вторых—крупные помещичьи хозяйства, обрабатываемые барщинным трудом. (Кулишер, стр. 201). В Восточной Германии пожалование и самовольные захваты быстро расширили дворянское землевладение,—поэтому и до сих пор, особенно на крайнем востоке, здесь сосредоточен цвет юнкерства. Еще в 1882 г. хозяйства свыше 100 гектаров занимали в 7 восточных провинциях 42% всей площади, тогда как во всей Германии—только 24,4%, несмотря на то, что после 1848 г. до 70-х г.г. крупные владения Пруссии сократились на 16%.

Таким образом, история помещичьего землевладения Европы проходит три периода: первоначальной концентрации, последующего дробления и новой концентрации, продолжавшейся на континенте Европы до революции и реформы, положивших предел дальнейшему расширению. В России мы находим те же три периода: в удельную эпоху—кратковременный расцвет политического феодализма и первоначальная концентрация землевладения; в Московскую эпоху—эпоху сословной монархии—земли раздаются в поместья, подобно ленам Западной Европы. Общая территория дворянского землевладения разрослась очень сильно—приблизительно до 25—30 мил. дес. но средние размеры дворянских владений уменьшились. С конца XVII в. абсолютная монархия и связанный с ней фаворитизм, с одной стороны расширяют, с другой укрепляют и концентрируют помещичье землевладение: перед реформой дворянские земли в 44 губ. охватывали 105 мил. десятин, из которых, судя по числу душ, 81,4% принадлежало в 1835 г. владельцам свыше 100 душ, т.-е. не менее 1000 десятин—концентрация, невиданная нигде в Европе, кроме Англии.

Политические факторы, пока они доминировали в народно-хозяйственной жизни, вносили в эволюцию распределения земли дифференцирующее начало. *Разделяя население на классы и сословия, предоставляя одним классам землю, власть над народной массой и даже ее даровой труд, отнимая у этой массы все права и значительную долю средств существования, политические факторы создавали экономическую дифференциацию такого огромного масштаба, с которой едва может сравниться современная дифференциация в индустрии.*

XIX век и, главным образом, вторая его половина характеризуется все возрастающим обратным процессом дробления землевладения и хозяйственной территории в Европе, за океаном, в Соединенных Штатах и в России. Но процесс дробления имеет несколько разновидностей. Одну из этих

разновидностей,—именно процесс *нивеллировки* в сторону трудовых крестьянских хозяйств, мы уже отметили в Германии. Несколько иной тип дробления мы наблюдаем в Великобритании.

На 100 хозяйств приходилось:

	С 0,4 до 2-х гект.	2—20.	20—120.	Свыше 120.
1885 г.	25,7	44,1	26,5	3,7
1908 г.	21,2	45,6	29,7	3,5
Изменения каждого слоя в %	—17,5	+3,4	+12,1	—5,4

Здесь также, как в Германии, средние слои увеличиваются за счет верхних капиталистических, и нижних—полупролетарских. Но больше всего вырос не слой трудовых крестьян с количеством земли от 2 до 20 гектаров, а полукапиталистических фермеров, владеющих участками от 20 до 120 гектаров, возникшими на месте уничтоженных еще до конца XVIII в. хозяйств чисто крестьянского типа. Отличие этих хозяйств и от капиталистических и от трудовых—то, что, хотя они сами с членами семейств своим трудом участвуют в производстве, но обычно своих сил им не хватает и они принанимают постоянных работников. В руках у таких хозяйств в Англии сосредоточено более 60% площади, преимущественно на правах *аренды*. Юридически же крупные землевладельцы-лендлорды владеют более чем $^3/_4$ всей земли. Ввиду того, что, как мы сказали, процесс дробления развился особенно в XIX столетии, влияние политических факторов старой истории Европы сказывается в том, что огромное количество трудовых и полутрудовых хозяев работают не на собственной, а на *арендованной* земле.

Число хозяйств (в тысячах).

Страны.	Арендующие.	Ведущие х-во на собств. земле
Великобритания	459	61
Италия	1436	1326
Германия	2607	2951
Бельгия	598	232
Австрия	712	2054
Голландия	83	100
Франция	1406	4191
Итого . .	7371	10914

В 7 главных государствах Европы число арендующих хозяйств доходит до 40,2%. У нас до войны количество арендующих крестьянских дворов достигало по расчету проф. Мануйлова—37%.

В России мы находим третью разновидность процесса хозяйственного дробления территории. Приводим соответствующие данные для крестьянских и частно-владельческих хозяйств отдельно.

Крестьяне (надельная земля).

	До 2-х дес.	2—6.	Свыше 6 дес.
1870 г. % ревизских душ с наделом	11,2	68,2	20,6

	До 5 дес.	5—11.	Свыше 11 дес.
1905 г. % дворов с наделом	22,6	61,4	16,0
Изменение каждого слоя % . . .	+101,8	—10,0	—19,7

Частные владельцы.

% всей площади частно-владения.	До 50 дес.	50—200.	200—500.	500—1 т.	Свыше.
1877 г.	4,6	6,2	8,7	10,1	70,4
1905 г.	7,3	9,9	11,9	11,7	59,2
Изменения каждого слоя в %	+58,7	+59,7	+36,8	+15,8	+15,9

В крестьянском землевладении, поскольку можно сопоставить приведенные цифры (на один двор приходится приблизительно 2—3 ревизских души), дворы со средними и крупными наделами сократились; за их счет чрезвычайно выросло (относительно вдвое) количество дворов с минимальным наделом до 5 десятин. У частных владельцев площадь владений всех размеров выросла за счет самых крупных—свыше 1000 десятин: чем меньше размеры данной группы владений, тем больше увеличилось их количество. Такой процесс, сопровождающий обычно явления пауперизации—обеднения сельского населения, носит в статистике название *подвижки вниз*.

Итак, статистические данные по движению землевладения и землепользования за границей и в России раскрывают перед нами картину существования трех главных разновидностей процесса хозяйственно-территориального дробления, наблюдаемого за границей и в России во второй половине XIX века.

1) Первую разновидность мы наблюдаем в Германии, а также во Франции, Швеции, Дании—вообще, повидимому, во многих государствах на континенте Европы. Эта разновидность заключается в том, что крайние самые мелкие полупролетарские и самые крупные капиталистические хозяйства сокращаются, а за их счет вырастают средние хозяйства трудового типа, имеющие не менее 5 и не более 10—20 гектаров.

Это процесс *нивеллировки* в сторону преимущественно среднего крестьянского хозяйства.

2) Вторая разновидность встречается в Великобритании и в молодых заокеанских странах—в частности в Соединенных Штатах. Здесь также мы наблюдаем зачастую сокращение верхних и нижних слоев, но из средних развивается не чисто крестьянское, а фермерское полукапиталистическое хозяйство—в Англии с площадью в 20—120 гектаров, в Соединенных Штатах, при более экстенсивном хозяйстве—от 40 до 200 гектаров. В 1900 г. в Соединенных Штатах таким фермам принадлежало 50,8% всей площади, в 1910 г. —53,6%—почти такое же количество, как в Англии. Верхний капиталистический слой сократил свою площадь с 31,7% до 28,5%.

3) Третью разновидность дробления мы встречаем в Восточной Европе,—в частности, в России и в Галиции. Здесь и в крестьянском надельном и в частном землевладении наиболее растут не средние, а нижние группы,—причем на крестьянской земле—полупролетарского типа. Этот процесс

дробления, называемый *подвижкой вниз*, является следствием наростания малоземелья и одним из показателей оскудения—пауперизации.

Краткая история земельных отношений в России.

Земельные отношения в России складывались под сильным влиянием политических факторов, которые привели к началу XIX века к весьма большой концентрации землевладения. До освободительной реформы у нас юридически числились только две основных категории землевладельцев: казна (с уделами) и дворянство. Казна владела $^2/_3$ территории Европейской России, дворяне—одной третью, но эта треть состояла из самых удобных и ценных земель, расположенных в наиболее заселенных и благоприятных по климату областях. Однако, фактически в пользовании третьей категории —крестьян—находилось больше земель, чем в первые годы по ликвидации крепостного права, т. к. при освобождении крестьян, от наделов, бывших в пользовании у крепостных, отрезали 18,1%. После освобождения в Европейской России надельное землевладение, а также и частное, начинает расширяться за счет казенных земель.

% Земельной площади.

	У частн. влад.	У казны (уделы и пр.).	Крестьянские наделы.
1877 г. (49 гб.)	24,9	44,1	31,0
1887 г. (46 гб.)	25,0	42,0	33,0
1905 г. (50 гб.)	25,8	39,1	35,1

Это сокращение казенных земель и наростание за их счет не только надельных, но и частных, зависело, во 1-х,—от нарезки на востоке и на севере казенных земель переселенцам, во 2-х—от продолжавшейся, хотя уже в небольших размерах, раздачи земель в „пожалование" крупным владельцам, практиковавшейся еще при Александре II.

Но для нас важнее установить не результат земельной политики правительства, а процесс самостоятельной трансформации *частного* землевладения, зависящей от новых экономических условий, появившихся после реформы.

Первое следствие этих условий, бросающееся в глаза при рассмотрении результатов земельной мобилизации—*демократизация землевладения*.

% земли у владельцев по сословиям.

	Дворян.	Купцов (с торг.-пром. товар.).	Мещан (с общ. и тов.).	Крестьян (тоже)	Прочих.
1877 г. (49 г.)	77,8	12,2	2,0	7,0	1,0
1887 г. (46 г.)	68,3	13,4	2,9	13,1	2,3
1905 г. (50 г.)	52,5	16,6	3,6	23,9	3,4

Несмотря на все подпорки, подставляемые под расшатанное дворянское землевладение, оно неуклонно продолжало падать, поглощаемое земле-

владением более демократических сословий—крупной и мелкой буржуазии и крестьян. В 60-х г.г., после размежевания, у дворян осталось 79,1 милл. десятин*). К 1877 г. эта площадь свелась к 73,1 мил. дес. в 49 губ. и 70,1 мил.—в 46 губ.; в 1887 г.—к 65,3 мил. (в 46 г.) и в 1905.—к 53,2 мил. в 50 губ. и 49,9 мил. в 46 губ. За весь пореформенный период до 1905 г. дворянское землевладение убавилось более чем на одну треть. Разные источники одинаково свидетельствуют, что убыль дворянского землевладения прогрессирует. Средняя ежегодная убыль дворянских земель равнялась:

За 1859—77 г. г. 517 тыс. дес.
„ 1877—79 „ „ 741 „ „
„ 1892— 6 „ „ 785 „ „
„ 1897—1900 „ 977 „ „

После 1905 г. дворянское землевладение начало падать еще быстрее. По данным статистики мобилизации земель д-та неокладных сборов в 1905 году в 47 г. у дворян было 49,8 мил. дес., к 1911 г. осталось всего 43,2 милл. За 5 лет (1906—10 г.г.) площадь дворянских земель сократилась на 6,6 мил. дес. или на 13%.

Падение дворянского землевладения свидетельствует, что за его счет возвышается землевладение других сословий и классов: приведенные выше данные показывают, что это, главным образом, купцы, крестьяне и мещане, т.-е. представители капитала и труда. Кто же из них берет верх в борьбе за огромное наследие, оставляемое удаляющимся со сцены „первенствующим сословием“?

Ликвидация дворянских имений началась тотчас же после освобождения; собственно, первые признаки ее проявились еще в дореформенную эпоху. Янсон, в своей „сравнительной статистике России“, проводит единственные, бывшие в его распоряжении, данные о мобилизации земли в 60-х и начале 70-х г.г. в Московской и Петербургской губ. В Московской губ. дворянское землевладение уменьшается, как по отношению к числу владельцев, так и по пространству земли; купеческое землевладение, напротив быстро возрастает, захватывая в свои пределы дворянские земли; личное крестьянское землевладение возростает в незначительных размерах. В С.-Петербургской губ. в переходе дворянских земель в другие руки, крестьяне, как и в Московской губ., принимают менее участия, чем другие сословия: в итоге покупателей земли за 10 лет крестьяне составляют всего 15,9%, тогда как городские сословия (главным образом купцы)—42,6%. Анор полагает, что ту же картину, „судя по множеству свидетельств, представляет движение личного землевладения в России повсеместно и особенно в черноземных степных губерниях (т. II, стр. 176—7)“.

Таким образом, Янсон предполагал, что в начале эпохи, в 60-х—70-х г.г. капитал торжествовал над трудом, купец над крестьянином в борьбе за

*) По Святловскому—см. „К вопросу о судьбах землевладения в России“. По офиц. изд.—„Сведения о количестве земли у дворян в 1861 и 1892 г.г.“ у дворян в 44 губ. до реформы было 111,6 мил. дес. отрезано для крестьян 33,8 мил. осталось 77,8 мил. дес.

землю. Данные 1877 г. подтверждают это положение: к этому времени в руках купцов было 9,8 мил. дес., да в руках частных о-в и товариществ (торгово-промышленных)—1,7 мил.—всего 11,5 мил. дес., тогда как у крестьян и крестьянских о-в только 6,5 мил. дес. До 1877 г. купцы приобрели на 5 мил. дес. или на 30% более, чем крестьяне.

Но уже на следующее десятилетие картина меняется: по 46 губ. купеческое землевладение увеличивается на 3,3 мил., крестьянское—на 6,9 мил. дес. Крестьяне вдвое опережают купцов. То же самое происходит и в последний период 1887—1905 г. по 46 губ. землевладение у купцов возрастает на 3,4 мил. дес., крестьян—на 10,7 мил., уже втрое более. Отсюда ясно, что купеческие покупки сокращаются по направлению к нашему времени, а крестьянские имеют тенденцию возрастать. Действительно, по материалам о движении землевладения в России, средний ежегодний прирост купеческого землевладения составил:

до	—80	г.	450	тыс. дес.	в год.
„	81—86	„	300	„ „	„
„	87—92	„	200	„ „	„
„	99—98	„	100	„ „	„

Чем ближе к нашему времени от начала реформы, тем чаще и чаще перепродают купцы приобретенные ими раньше имения, чем и об'ясняется это понижение прироста купеческого землевладения. Так на 100 дес. купленной купцами земли приходилось проданной ими же:

в	1863—68	гг.	12,9
„	69—74	„	25,0
„	75—80	„	42,0
„	81—86	„	55,0
„	87—92	„	62,2
„	93—98	„	84,2

Спекулятивный характер купеческих покупок совершенно ясен из этого сопоставления. Часто встречающиеся даже в беллетристической литературе картины того, как „чумазые“, покупая дворянские гнезда, вырубали леса, рощи и сады, сводили усадьбы, истощали землю беспрерывными посевами ценных хлебов, потом отдавали такую же истощенную почву в краткосрочную аренду крестьянам, и высосав из земли все соки, наконец, продавали ее оголенную и обессиленную „на вечно“—всецело подтверждаются все возрастающими цифрами перепродаж, показывающими, что земли 10—15 лет эксплуатировали сами купцы, покуда они не выбирали из них самое ценное не снимали, так сказать, всех сливок с природных благ земли.

Итак, купеческое землевладение возрастает в пореформенную эпоху, но в быстро убывающей прогрессии. Крестьянское землевладение, наоборот, все усиливается в своем росте. Цифры ежегодного приобретения крестьянами земли по десятилетиям дают возрастающую волну прироста:

В	60-х	гг.	91,5	тыс. дес.
„	70-х	„	263,0	„ „
„	80-х	„	438,0	„ „
„	90-х	„	730,0	„ „

Но общий сословный термин „крестьяне“ обнимает частных владельцев совершенно различных категорий. Между ними встречаются и хозяева парцелл в $^1/_2$ дес. и латифундий в тысячи и десятки тысяч десятин. Крестьяне приобретают землю трояким способом: *единолично, обществами и товариществами.* И в среде единоличных покупщиков встречаются, действительно, немало крупных землевладельцев.

$^0/_0$ земли у крестьян в 1905 г.

	(Единол. влад.)
Влад. до 50 дес.	32,2
„ от 50—200 „	24,8
„ „ 200—500 „	15,5
„ „ 500—100 „	9,9
„ свыше —100 „	17,6

Мелким единоличным владельцам в 1905 г. принадлежала только третья часть всей площади, четвертая часть—средним и более двух пятых (43$^0/_0$) крупным.

Единоличное землевладение (13,2 мил. дес.) составляет немногим более половины всех частных владений крестьян. Другая половина (11,4 мил. дес.) представляет собственность крестьянских обществ и товариществ, т. е., в подавляющем большинстве, принадлежит крестьянским хозяйствам трудового типа. Вместе с владениями до 50 десятин трудовое крестьянское землевладение составило 63,8$^0/_0$ всего землевладения крестьян (15,7 мил. дес.) Вначале крестьянские богатеи преобладали в числе покупателей. „В общем итоге, большая часть земель перешла в руки отдельных зажиточных крестьян-сравнительно менее куплено целыми обществами и еще менее товариществами—„писали авторы „материалов М-ва Госуд. Им. в 1880 г. С течением времени, не только общественные и товарищеские покупки стали перевешивать единоличные (даже до начала деятельности Крестьянского банка), но и в среде единоличных „зажиточные“ буржуазные элементы вытесняются трудовыми, что видно из сильного дробления владений. Средний размер единоличного крестьянского владения упал с 45 дес. в 1887 году до 26 дес. в 1905 году.

После 1905 года, крестьянское частное землевладение растет еще быстрее по всем направлениям: увеличиваются единоличные, общественные и товарищеские покупки, хотя правительственная политика поворачивает в сторону поощрения единоличной покупки. Крестьянские приобретения за вычетом проданной земли составляли.

В 1905 году	437	тысяч десятин
„ 1906 „	623	„ „
„ 1907 „	988	„ „
„ 1908 „	888	„ „
„ 1909 „	1438	„ „
„ 1910 „	1668	„ „

С 1911 года у нас имеются сведения только о покупках земли через Крестьянский банк.

Крестьянами куплено:

В 1911 году	1397	тысяч десятин
„ 1912 „	917	„ „
„ 1913 „	924	„ „
„ 1914 „	699	„ „
„ 1915 „	339	„ „
„ 1916 „	118	„ „

Отсюда можно судить, что с 1911 года крестьянские покупки земли стали падать, отчасти потому, что остались более крепкие частновладельческие поместья, не намеренные продавать своих земель, а желавшие вести на них крупное хозяйство, отчасти благодаря мировой войне, уменьшившей на время тягу крестьян к земле. Предполагая, что помимо Крестьянского банка, как это выходит по некоторым данным земской статистики, крестьяне покупали около 20%, к моменту революции, общий итог крестьянского частного владения трудового типа составил около 27 мил. дес. или всего пятую часть надельного фонда.

Таким образом, в частном землевладении в пореформенную эпоху наблюдаются следующие процессы:

1) Дворянское землевладение после реформы подвергалось процессу беспрерывного все возрастающего уничтожения; первые следы этого процесса начинают обнаруживаться еще в крепостную эпоху.

2) За счет дворянского развивается вначале крупно буржуазное купеческое землевладение, которое после 70-х годов вытесняется крестьянским. Чем ближе к нашему времени, тем яснее обнаруживается роль купцов, как земельных маклеров, главная цель которых—скупить задешево земли у оскудевающего дворянства с тем, чтобы выжавши из них все соки, перепродать их по дорогим ценам жаждущим земли крестьянам.

3) Среди крестьян сначала преобладали более богатые, единоличные, из которых более крупные оказались такими же спекулянтами землей, как и купцы. Затем они уступили место трудовым крестьянам, покупающим обществами и товариществами. Наконец, измельчали и единоличные покупки.

Итак, дворяне уступают свое место купцами, купцы — крестьянам, крупные собственники — крестьяне — более мелким. Все это указывает, что эволюция землевладения в пореформенную эпоху представляет характерные черты *демократизации и дробления*.

Кроме *покупки* помещичьих земель, трудовые крестьяне приобретали в свое пользование посредством *аренды*.

В конце 1880 года крестьянская аренда одних пахотных и сенокосных земель достигала:

У частных владельцев	18,6	миллионов десятин.
„ казны и уделов	5,2	„ „

У прочих владельцев (церквей, монастырей городов)	1,8 миллионов десятин.
Всего . . .	25,6 „ „

Что составляло 22% по отношению к наделам. По сводке проф. Мануйлова, основанной на данных земской статистики, арендный фонд составил 19,6% надельного. С тех пор и до войны количество вненадельных арендных земель сократилось, но на очень небольшую величину, и по подсчитанным нами земско-статистическим материалам 59,9 уездов 14 губерний достигало 21,7% наделов. В общем, значит, аренда пашень и сенокосов давала крестьянам земельный фонд, равный в округлении, одной пятой их наделов. Кроме того, по различным источникам крестьяне держали в аренде не менее 10 мил. дес. выгонов, лесов и проч. угодий.

В итоге двух указанных процессов — мобилизации земли и аренды, из 101,7 мил. дес. частновладельческих земель, *) бывших у них в момент реформы, в руках у владельцев *нетрудового типа* осталось не более 49,1 мил. дес.; большая половина—52,6 мил. дес. перешла к крестьянам трудового типа еще до революции. Революция только закончила идущий более медленным темпом процесс эволюции. Из всех категорий землепользования в России на первый план выступило окончательно трудовое крестьянство, обладавшее всего:

Надельным фондом	в 138,7 мил. дес.
Купчим „	„ 27,0 „ „
Арендным „	„ 35,6 „ „
Итого	„ 201,4 мил. дес.

Казенные и удельные земли составляли около 138 мил. дес. (без арендованных и проданных), церковные, городские и проч.—7 (тоже) мил. дес. Но казенный фонд на ¾ лежал в северных лесах Архангельской, Пермской и Вологодской губерниях, не имевших никакого значения для сельского хозяйства. Свободные же от леса казенные земли были целиком арендованы крестьянами. Поэтому, если исключить казенные земли, площадь землепользования остальных владельцев нетрудового типа оказывается равной всего 56 мил. дес., что составляет лишь 28% крестьянской.

Еще меньшую роль накануне революции играло нетрудовое владение *в сельском хозяйстве* России.

На 100 десятин всей посевной площади в 1916 г. в отдельных районах приходилось:

	В крестьянских хозяйствах.	В хозяйств. частн. владельцев.
Нечерноземная полоса.		
Прибалтийский	76,1	23,9
Белорусский	90,8	9,2

*) Если считать количество арендованных у помещиков пастбищ, лесов и проч. равным 7 мил. дес. (пропорционально пашне и сенокосу).

	В крестьянских хозяйствах.	В хозяйств. частн. владельцев.
Приозерный	89,5	10,5
Цент. промышленный	95,1	4,9
Северный	96,1	3,9
Приуральский	99,7	0,3
Всего нечернозем. пол.	92,8	7,8
Черноземная полоса.		
Юго-Западный	74,8	25,2
Малороссийский	86,7	13,3
Цент.-земледельческий	93,5	6,5
Средне-Волжский	87,9	12.1
Новороссийский	86,5	13,5
Нижне-Волжский	93,8	6,2
Всего черноземная полоса	88,1	11,9
Итого по Европейской России	89,1	10,9

В общем по всей Европейской России, следовательно, уже $^{9}/_{10}$ посевной площади находилось в крестьянских руках. Но по отдельным районам соотношения между площадями крестьян и частных владельцев сильно варьируют: на южных и особенно *западных* окраинных районах—Прибалтийском-Юго-западном процент частновладельческих посевов значительно превосходит средний, достигая 24—26%, т.-е. четвертой части всех. Это—районы, где помещики иноземцы—в Прибалтийском районе немцы остзейские бароны, на Юго-Западе—поляки. Надо сознаться, что они оказались большими культуртрегерами, чем русские владельцы, которые предпочитали добывать свои доходы не собственным хозяйством, а сдачей земли в аренду за весьма высокую цену. Следующая группа районов по размеру частновладельческих посевов—с 11 и более %—Малороссийский (13,3), Новороссийский (13,5), Средне-Волжский (12,1). Последние два района—крупных латифундий, еще не успевших раздробиться после раздачи их в пожалованные придворным фаворитам в XVIII веке. В общем, в черноземных районах процент помещичьих посевов был выше, чем в нечерноземных. Но в наиболее малоземельном земледельческом центре, где крестьянство задыхалось от недостатка земли, он оказался одним из самых низких—всего 6,5% что свидетельствовало о незначительности того земельного фонда, который должен был перейти к крестьянам после революции.

Распределение земли после революции.

Революция, как мы говорили, закончила одним ударом процесс аграрной эволюции, которая со второй половины XIX века способствовала постоянному, все возраставшему переходу земель от нетрудовых владельцев к

трудовым пользователям. В результате революции, по сведениям Центрального Управл. Землеустройства к концу 1920 года по 36 губ. Европейской России, „из общего количества фонда нетрудовых земель в размере 22,847,916 десятин в распоряжение крестьянства поступило 21,407,152 дес., колхозам 391,614 и совхозам 1.049,150, а это увеличило площадь крестьянских земель с 94,720.628 дес. до 116.127.780 дес., т.-е. с 80% до 99,8% из общей площади всех удобных земель". По сведениям, сообщаемым *)— Б. Н. Книповичем, результат революции по отношению к распределению земельного фонда выражается в следующих цифрах:

Великороссия (32 губ.) % земель.

Категория земель	До революции (1905 г.).		После революции (1919 г.).
Крестьянских	76,3	Крестьянских	96,3
		С.-х. коллективов . . .	0,5
Частновлад., казен. и проч.	23,7	Земли совхозов промыш. учреж. и проч.	2,7

Украина % земель.

Крестьянских	65,4	Крестьянских	96,0
		Земли коллективов . .	0,8
Частновладельческие казенные и проч.	44,6	Советские хоз. промыш. учреж. и пр.	3,2

На Украине, таким образом, произошел гораздо более крупный земельный переворот, чем в Великороссии. Но как бы то ни было—везде после революции крестьяне оказались владеющими 96—98% всей удобной площади (кроме леса): однако фактически, в виде-ли купчей или арендованной, половина частновладельческой земли уже ранее оказалась в руках крестьян. Этот формальный переход принес им лишь незначительную прирезку. Даже по официальным данным в 29 губ. Европ. России эта прирезка увеличила в среднем земельный надел одного едока с 1,87 дес. до 2,26 дес., т.-е. всего на 0,39 дес. Но так как в прирезанную землю входила арендованная, то в действительности средняя прибавка не превышала, вероятно, 0,2 дес. на едока. И, конечно, не в этой микроскопической прибавке заключался главный положительный эффект революции для крестьян. Он заключался во 1-х—в уничтожении экономической зависимости крестьян от помещиков, которым приходилось выплачивать огромную арендную плату, и от казны, которой крестьяне платили за купчие земли и вообще за приобретение земель. По нашим расчетам (см. книгу „Индивидуализация землевладения в России и ее последствия" стр. 74—75) ежегодные платежи крестьян по мобилизации земель к 1913 году дошли до 215 мил., за аренду —450 мил., а всего 665 мил. При валовом доходе крестьян от сельского хозяйства в 5015 мил.*) одни эти поземельные платежи составляют 13,3%,

*) См. сборник „О земле" выпуск 1921 г. стр. 9 и 23—24.

**) См. С. Прокопович, „Опыт исчисления народного дохода в Европейской России" М, 1918 г. стр. 83.

тогда как по вычислению Госплана, прямые и косвенные налоги, падавшие на крестьян, равнялись до войны 16% их доходов. В общем, значит, крестьянские налоги и платежи доходили до 30%—почти третьей части их валового дохода, что и не давало крестьянскому хозяйству почти никакой возможности развернуть его производительные силы.

Революция, в принципе, должна была сбросить с крестьянских плеч эту непосильную тяготу. Но в первые годы революции произошло иное: необычайное падение курса рубля и разрушение городской промышленности заставило переложить на крестьян всю тяжесть расходов по ведению гражданской войны и содержанию государства, что, как увидим дальше, произвело большое отрицательное влияние на сельское хозяйство. Нет никаких оснований считать последовавшее за революцией падение сельского хозяйства в России результатом уничтожения помещичьего землевладения и хозяйства. Как мы только что видели, это землевладение и хозяйство систематически сокращалось с 1860-х годов, а между тем, до 1913 года сельское хозяйство России, в его целом, развивалось и в XX веке даже усиленным темпом.

Следовательно, одна из главных причин упадка сельского хозяйства после революции—непосильное бремя натуральных повинностей, упавших на крестьян.

Эти повинности,—так называемая продразверстка, всей своей тяжестью падала на более *мощные* элементы в крестьянской среде, которые, в силу этого, стремились сократить свою посевную площадь и количество скота. В том же направлении действовали и *уравнительные переделы*, выразившиеся в Центральных губерниях в форме „черного передела", т.-е. перераспределения между наличным количеством едоков всех земель, как частновладельческих, так равно надельных. На окраинах же, большей частью, переделялись только помещичьи земли и инвентарь. В результате обоих факторов получилась дальнейшая и весьма значительная *подвижка вниз* крестьянских хозяйств, которые, как мы видели, захватили в свои руки почти весь земельный фонд России.

Последствия революции в этом отношении наиболее отчетливо видны на изменении группировки крестьянских хозяйств по посевным площадям.

Процент хозяйств.

Посевные группы.	До войны (по-земск.переписям 33 у. 10 губ.	Посевные группы.	1917 г. (по выборочным переписям Ц.С.У.	1919 г.
Безпосевные	12,6	Безпосевные	11,4	6,5
С недостаточным посевом (до 2,0 д.) . .	24,5	До 4-х дес.	59,1	74,0
Со средним посевом (2,5 до 9,10 д.) . .	48,0	От 4-х до 8 д. . . .	21,6	16,4
Выше среднего (от 9—10 до 12—15 дес.)	11,2	От 8 до 13 д. . . .	4,5	2,2
С наибольшим посевом (свыше 12—15 д.)	3,7	Свыше 13 дес. . . .	3,4	0,9

Получился чрезвычайно резкий сдвиг в сторону малопосевного слоя хотя количество *беспосевных* и сократилось почти вдвое. Не будь давления тяжелых повинностей и сведения к минимуму внешнего и внутреннего рынка, надо было бы ожидать, несомненно, развития *средне посевного* слоя, как прямого результата уравнительно-передельного движения. Однако, уничтожение рыночных отношений и бремя продразверстки заставили не только сохраненные передельной волной много-посевные, но и массу крестьян-дворы середняков свести до минимума свои посевы, благодаря чему и получилось такое *сползание* всей группировки к малопосевным слоям, которые составили $^3/_4$ всех крестьянских хозяйств.

Итак, мы видим, что до сих пор весь исторический ход перераспределения земель между группами различной экономической силы и значения носил в России характер — *подвижки вниз*, — до революции от крупно-капиталистического к трудовому хозяйству, после нее, — от трудового много и средне-посевного к малопосевному. Этот процесс дошел до последних пределов и явился, в конечном счете, следствием падения производительных сил в сельском хозяйтве.

Формы крестьянского землепользования.

Выше мы указали, что одной из причин сокращения много посевных слоев в крестьянской среде явились уравнительные переделы, широкой волной прокатившиеся по всей России после революции. Уравнительно-передельный механизм — результат господствовавшей в России в крестьянской среде *общинной* формы землепользования.

Чуть ли не сотни лет ведется в литературе спор об общине — и по сейчас он не завершен какими-либо определенными общепринятыми для всех выводами. Тем не менее, этот спор обнаружил то несомненное явление, что формы общинного землепользования в России меняются в органической связи с ходом сельско-хозяйственной эволюции, вплоть до перехода этой эволюции в фазис интенсивного земледелия. Русское сельское хозяйство в различных областях представляет из себя картину смен почти всех фазисов, начиная с доземледельческого, охотничьего и пастушеского хозяйства в Азиатской России и кончая фазисом интенсивного многопольно-травяного и плодосменного севооборота на крайнем западе Европейской России.

Каждому фазису соответствуют определенные формы общинного быта за исключением последнего — интенсивного. Так, в звероловном и кочевом хозяйстве господствует общинно-родовое начало; при переложном земледелии преобладают формы беспередельного вольно-захватного общинного землепользования; при трехполье-уравнительно-передельная община. И только на Западе России так же, как и в Западной Европе мы видим преобладание частного подворного землевладения, установленного, однако, польскими и немецкими правителями еще в течение средних веков.

В прекрасной работе А. А. Кауфмана („Русская община в процессе ее зарождения и роста") тщательно прослежено органическое развитие поземельной общины у кочевых народов в наших азиатских владениях, по ме-

ре их оседания на землю. Причины, обусловившие возникновение общинно-коллективного землевладения, противоположны причинам, породившим частную земельную собственность. Эта последняя является результатом захвата, а общинное землевладение, в разных его видах, становится противовесом захвату: оно стремится обеспечить для масс необходимую на данном уровне эволюции равномерность в пользовании даровыми благами природы, пресечь возможность превращения земли в монополию меньшинства.

Первоначальная история коллективного землевладения в высшей степени сходственна во всех странах. Пока людей мало, а земли много, севшие на землю крупные коллективы—племена, роды—ограничиваются разделом земли между собой, предоставляя внутри ограниченной территории каждому члену своего племени захватывать земли, сколько кому полюбится,—„куда топор и соха ходили" По мере разростания населения, идет дальнейший дележ племенных территорий на волостные, волостных на деревенские, при чем право личного захвата соответственно суживается. Если в какой-либо момент этой эволюции наиболее сильные члены общины—захватчики—не приобретают политической власти и не закрепляют при ее помощи захваченной земли в свою собственность, то по мере утеснения в земле начинается внутри общины обратный процесс—борьбы за землю,—кончающейся отобранием излишков земли у захватчиков и установлением тех или иных уравнительных норм землепользования, обязательных для каждого отдельного члена общины.

Отсюда ясно, что эволюция общины тесно связана с ростом населения, а так как этот рост до последнего столетия,—т. е. до начала развития рынка, являлся единственным фактором сельско-хозяйственной эволюции, то отсюда возникла тесная связь трансформации общинного землевладения с фазисами хозяйственной эволюции. Так, фазису переложного землепользования соответствовала вольно-захватная община; при постепенном переходе к трехполью, захватные формы также постепенно заменялись уравнительными. Западно европейская община была уничтожена феодализмом, разросшимся и окрепшим в момент перехода общины от захватных форм к уравнительным, у нас она сохранилась и развилась естественным путем, хотя не без благосклонного содействия централизованной власти, усмотревшей в общине весьма удобный административный и фискальный аппарат.

Во второй половине XIX века, как доказано статистическими исследованиями К. Р. Кочаровского, общинные формы землепользования не только росли количественно, но и совершенствовались в качественном отношении.

По 66 уездам оказалось из 100 общин.

	В 1880-х г.	В 1897—1902 г.г.
Безпередельных	64,7	11.7
Тоже, но с частными переделами	9,3	2,6
С правильными общими передел. по мужским наличным душам	11,3	59,1

	В 1880-х г.	В 1897—1902 г.г.
Тоже по работникам	9,1	7,1
Тоже по едокам (душам обоего пола) . . .	5,6	18,9

Таким образом, в конце XIX века, под влиянием, видимо, все более и более возраставшей нужды в земле, „мертвые" безпередельные общины оживают и начинают производить переделы не только по мужским душам и работникам, но даже по наиболее совершенному уравнительному принципу—по едокам, который во время революции получил всеобщее распространение. Но с 1906 года община вступает в период жестокого кризиса, об'ясняемого, главным образом, известной Столыпинской реформой и отчасти - переходом к более интенсивным формам сельского хозяйства.

В начале XX века коренная земледельческая Россия очутилась перед необходимостью перехода к интенсификации; и вместе с тем обострился вопрос об общине. Обострился он не только на верхах—в правительственных сферах и в обществе, но и в низах—в самой крестьянской массе. В феврале 1906 года в Москве был устроен с'езд крестьян-старообрядцев, на который собралось несколько сот крестьян—типичных середняков, мало чем выделявшихся из серой массы. Этот с'езд резко раскололся на два лагеря: сторонников и противников общины. Главный довод, выдвигавшийся сторонниками общины—был: „община способствует более равномерному, справедливому распределению земли между крестьянами". Главный довод противников: „община мешает удобрению земли и своевременной обработке. Опытом доказано, что община не дает таких результатов урожая, как подворное владение, что испытано нами, подписавшими таковые факты". Таким образом, сторонники общины стояли на позиции социальной справедливости, противники—на позиции сельско-хозяйственного прогресса. Обе эти точки зрения разделили на два лагеря и тогдашнюю интеллигенцию.

Вслед затем произошел опыт Столыпина, в результате которого 2,008 тыс. хозяев добровольно укрепили свою землю по указу 9 ноября 1906 г.; сверх того, по закону 14 июня 1910 года получили удостоверительные акты 457 тыс. дворов. Так как селения, из которых хотя бы один двор получил удостоверительный акт, признавались по закону перешедшими к подворному владению, а в этих селениях проживало 1.698 тыс. хозяев (кроме получивших акты), то общее количество бывших общинников, ставших добровольно или принудительно подворниками, к 1916 году достигло 4.163 тыс. дворов; всех же общинников было 10,4 милл. дворов. Следовательно, к моменту революции осталось всего 6,2 милл. дворов, сохранивших общинное землепользование; число же подворников достигло 7,7 мил. Стало-быть крестьян, владеющих землей на подворно участковом праве в Европейской России было большинство *)

Однако тот же Столыпинский опыт достаточно отчетливо показал, что одно голое укрепление чересполосных наделов без последующей их

*) Общее число дворов при этом подсчете основано на официальных данных—около 14,000.000 в Европейской России; перепись 1916 года показала, что всех дворов около 16,000.000. Однако, указанное выше соотношение числа общинных и подворных хозяйств надо считать правильным.

сверстки в хутора и отруба приводит не к землеустройству, а к „землерасстройству"—к уничтожению самой общины при сохранении всех отрицательных сторон чересполосицы и дально-земелья, при чем полосы закрепляются земледельцами в том виде, в каком они оказывались в момент укрепления. Между тем, община, как-никак, все же регулировала чересполосицу и, при общинном владении, не могло развиться той чрезмерной „путаницы полос", которая, например, в Черниговской и Полтавской губ. привела к необходимости произвести особое межевание еще в 1870-х г. Даже такой сторонник индивидуального владения, как А. А. Кофод, признавал, что страшнейшее зло внутринадельной чересполосицы одинаково чувствуется, „как при общинном, так и при подворном владении, и чем далее, тем вреднее оно становится вследствие непременного дробления всех участков двора при каждом разделе его".

Обнаружился и другой интересный факт: в Московско-промышленном районе, где стало быстро развиваться травосеяние, где сами крестьяне почувствовали сильную тягу к переходу от трехпольного к многопольному севообороту,—они не могли его осуществить,—ибо, например, в Тверской губернии $^3/_4$ общин, давно непеределявшихся, были уничтожены законом 14-го июня и передел полей, необходимый для введения многопольного севооборота, был для них запрещен. Это отметили земские агрономы. (См. доклад В. Курочкина: „Задачи Тверского земства в области культуры льна".) Вскоре выяснилось, что закрепление земли в собственность тормозило и мелиорационное дело: в трудах II С'езда инженер-гидротехников говорится: „Выходя за пределы отдельных владений, осушительные (а также оросительные, песчано-овражные и пр. Н. О.) работы в большинстве затрагивают интересы целой группы лиц и требуют их общего соглашения. В таких случаях, землеустроительные работы могут затруднять производство мелиораций, так как при разверстании наделов, вместо общины, владеющий нередко всем пространством болот и ближайшими водоприемниками, образовалось много владений на правах личной собственности". (Том 3, стр. 90).

В общем итоге 10-летний опыт в значительной мере искусственного разрушения общины, за последний период самодержавного режима, показал что общинные формы, связанные с чересполосицей и принудительным севооборотом *тормозят* инициативу передовых членов общины, когда таковые являются культурными одиночками, но в тех случаях, когда потребность в улучшении своего хозяйства уже осознана более или менее значительной частью общинников, тогда община *подгоняет* остальное меньшинство, при массовых переходах от трехполья к многополью с травосеянием, при более или менее крупных работах по мелиорации, затрагивающих территорию большинства жителей деревни и т. п. Община, как всякий коллектив, *задерживает передовых, но подгоняет отсталых своих членов.* До революции, когда большинство крестьянской массы сохраняло еще традиционную „трехполку", задерживающая роль общины сказывалась сильнее, что и заставляло инициативное меньшинство стремиться к выходу на хутора и отруба. Но и для самих крестьян и для интеллигенции и даже для многих казенных землеустроителей стало очевидным, что закрепление земли в собственность без

последующего хуторского и отрубного землеустройства—вреднее самой общины, и непосредственный выход из общины год за годом начал падать.

Число хозяев, вышедших из общины и получивших удостоверительные акты (в тысячах дворов):

В 1907	48,3
„ 1908	508,3
„ 1909	579,4
„ 1910	350,4
„ 1911	312,9
„ 1912	231,0
„ 1913	232,4
„ 1914	163,2

Зато наоборот, с каждым годом сильнее наростал выдел на хутора и отруба.

Хуторское и отрубное крестьянское землепользование начало широко развиваться с 1907 года. По подсчету проф. П. Н. Першина (см. сборник о земле вып. I стр. 60), „в результате десятилетнего насаждения хуторов и отрубов на землях сельских обществ преимущественно надельных было образовано 1.301.255 хуторских и отрубных хозяйств с площадью 12.777.108 дес., затем продано хуторскими и отрубными участками 223.747 д. казенных земель по 15.505 сделкам и запродано хуторскими и отрубными участками 3.020.062 дес. земель крестьянского банка" (примерно 279.865 отдельных сделок).

Таким образом, за 10 лет с 1907 по 1916 г.г., включительно, было образовано около 1.596.625 участковых хозяйств на площади 15.896.095 д. что составляет приблизительно 10,5% всех хозяйств крестьянского типа.

К сожалению, мы не имеем статистических данных о количестве хуторов и отрубов отдельно на надельных землях. Но из отчетов крестьянского банка видно, что даже на купчих землях преобладали отруба.

На 100 дес. единоличных владений продано и запродано.

	Хуторами.	Отрубами.
Северо-Запад (Белоруссия приозерный район)	86,9	13,1
Промышленный Центр	67,2	32,8
Малороссия. (Запад. и Вост.)	31,0	69,0
Юг и Юго-Восток	18,3	81,7
Земледельческий центр	16,3	83,7
Север, северо-восток	11,7	88,3
50 губ. Европейской России	26,3	73,7

Только в двух областях северо-запада и промышленного центра хутора преобладают над отрубами; уже на юго-западе (в Малороссии) на одну десятину, нарезанную хуторами, приходится 2 дес. отрубов, в земледельческом центре и на юго-востоке отрубной тип землеустройства превышает хуторской в 5—6 раз, а на северо-востоке в 8 раз. Что такое распределение обоих типов зависит от природных условий водоснабжения и располо-

жения естественных угодий—видно из средних размеров деревенских поселений, которые варьировали так:

На I населенный пункт душ обоего пола.

	Запад.	Центр.	Восток.	Всего.
Нечерноземная полоса	68	136	194	109
Черноземная полоса	438	438	472	446

Селения черноземной полосы вчетверо населеннее, чем нечерноземной: минимум людности поселений лежит на северо-западе, максимум—на юго-востоке. Людность поселений зависит, главным образом, от условий водоснабжения: чем больше почвенных вод, тем поселения более малолюдны, т.-е. при обилии воды население предпочитает расселяться мелкими деревнями.

Отсюда видно, что *хуторская* система гораздо более доступна в нечерноземной полосе и особенно на северо-западе, что и подтверждается обзорами деятельности крестьянского банка. На юго-востоке и в черноземной полосе преобладают отруба: кроме отчетов банка этот факт подтверждается еще статистическими материалами, по отдельным местностям касающимися надельной земли: так в Волынской губер. (Новград-Волынский у.) процент хуторов—13,3, отрубов 86,7%; в Казанской—8,7% и 91,3%, в Самарском уезде—8,1% и 91,9%; а в нечерноземной полосе: в Новгородской губернии—16,5% и 83,5, в Московской—17,3% и 82,7%. На землях банка хуторов значительно больше, чем на надельных: по отчетам банка за 1911 г., по этот год он организовал 140 тыс. отрубных и хуторских х-в, при чем хуторов была четвертая часть; на надельных землях, как мы видим, хуторяне составляют от $^1/_6$ до $^1/_{12}$ всех единоличных хозяйств. Это явление, по всей вероятности обусловливается более благоприятными природными свойствами частновладельческих земель, переходящих к крестьянам через банк.

Хутора по размерам обычно превышают отруба. Средний размер хуторов на приобретенной через крестьянский банк земле—15,0 дес., отрубов—13,2 дес. Большинство отрубов—групповых. В Самарской губ. средний размер хутора—22,1 дес., отруба—12,6 дес. Отсюда следует, что массовое распространение хуторов возможно лишь в относительно многоземельных районах или в тех, где крестьяне имели возможность заметно расширить свое землевладение покупкой частновладельческих земель.

Проф. Першин устанавливает необходимость наличия следующих условий для развития хуторского расселения.

1) Размер земельного участка должен быть настолько большим, чтобы на нем могли целиком использоваться рабочие силы семьи при существующей системе хозяйств; чем крупнее землепользование, тем выгоднее для хозяйства перенесение усадьбы на участок, так как тем актуальнее становится вопрос об экономии труда и об уменьшении транспортных издержек.

2) Земельный участок должен содержать в себе по возможности достаточно полный и разнообразный комплекс угодий, соотвественно с существующей системой полевого хозяйства.

3) Достаточная снабженность участка водой в виде ли естественных

водных источников или же доступная для мелкого хозяина возможность создания водохранилища.

4) Наличность достаточно удобной дорожной сети, связывающей рассеянные по территории хутора с культурными и хозяйственными центрами района

5) Наличие в хозяйстве свободных капиталов, необходимых для покрытия единовременных издержек по переселению, переносу построек и первоначальному приспособлению площади участка для правильного ведения хозяйства (расчистка зарослей, поднятие целины, устройство изгороди и проч.) При обычном отсутствии свободных средств внутри хозяйства, необходимым условием является доступный для крестьянина долгосрочный и льготный кредит. Так как у нас в России в большинстве районов эти условия отсутствовали, то хуторская система развивалась только в немногих—на западе и на северо-западе, а по всей остальной России преобладала *отрубная* система, достигшая весьма широкого распространения на юго-востоке.

В начале революции, когда принудительно уничтоженная община была восстановлена в своих правах и затем общинно-передельный механизм воскрес и заработал не только в общинных, но кое-где и в подворных районах,— ибо идея всеобщего поравнения повсюду охватила крестьянские массы—в жертву этой идее была перенесена и значительная часть образовавшихся в 1907—16 г.г. хуторов и отрубов. Особенно сильно развилось движение против хуторов и отрубов в поволжских губерниях и в центрально-земледельческом районе, т.-е. там, где наиболее сказывалось аграрное перенаселение. В северных и западных губерниях и новая власть и сами крестьяне стояли за сохранение хуторов и отрубов.

Однако, после 1919 года на местах начинается, все разростаясь, обратное стремление к хуторам и отрубам, охватившее, по официальным материалам, собранным в 1920 голу, 20 губ., преимущественно, нечерноземной полосы. „Поднявшаяся волна хуторских тенденций обусловлена, повидимому тем, что крестьянское землепользование, расширившись за счет нетрудовых земель, за время революции, находилось в текучем состоянии постоянных переделов. И логически было неизбежным обоснованное хозяйственными побуждениями стремлени *закрепить землю*, приспособить ее к правильному ведению хозяйства на началах *индивидуального* свободного пользования, пример которого крестьянство видело в до революционных хуторских и отрубных хозяйствах". (Першин ibidem стр. 73).

Вместе с этим движением на хутора, характерным для нечерноземной полосы, во многих черноземных районах мы встречаем довольно ярко выраженную тенденцию к расселению из больших деревень в поселки, образующиеся чаще всего на бывшей помещичьей земле. Все эти процессы созидания новых форм крестьянского землепользования требуют широкого и планомерного проведения мероприятий рациональной *землеустроительной* политики.

Выводы.

Итак, на протяжении конца XIX и начала XX века традиционные формы крестьянского землепользования в России претерпевают ряд сущест-

венных изменений. До конца XIX столетия в большинстве районов господствовавшие общинно-передельные формы развиваются количественно и совершенствуются качественно в смысле более и более уравнительных систем переделов. С начала XX века община подвергается разложению под влиянием, с одной стороны, политики, стремившейся разрушить общину и насадить повсюду хутора и отруба, с другой стороны—вследствие развившихся внутри самой крестьянской массы индивидуалистических тенденций, связанных, до некоторой степени, с начавшейся интенсификацией сельского хозяйства и с развитием рыночных отношений. Революция обрывает этот процесс: во время революции уравнительно-передельное движение достигает самых широких размеров и уничтожает значительную часть хуторов и отрубов. Но вслед за тем, в западных и частью—центральных районах нечерноземной полосы начинается вновь уже идущая от самой крестьянской массы усиленная тяга на хутора и отруба, а в черноземной полосе наблюдается стремление к расселению на отрубные поселки. Таким образом, *базис* для рационального землеустройства в крестьянской среде после революции получился, повидимому, более широкий, чем до нее.

ГЛАВА VII.

Сельское хозяйство. Общий ход сельско-хозяйственной эволюции за границей и в России.

Основные тенденции с.-х. эволюции.

В предыдущих главах мы уже касались специфических особенностей процессов с.-х. производства. Все эти особенности, в конечном счете проистекают от близкой связи сельско-хозяйственного производства с биологическими процессами природы.

Цель сел.-хоз. производства — удовлетворение продовольственных и других насущных потребностей всего населения данной страны, или группы стран, связанных между собой мировым товарообменом.

Продукты с.-хоз. производства, служащие для удовлетворения этих потребностей, получаются в результате или деятельности одной природы, или совместной деятельности природы с деятельностью человека.

С возрастанием населения, а,следовательно, с возрастанием потребностей в продуктах с.-хоз., усиливается деятельность человека в с.-хоз. производстве: человек может воздействовать на творческую работу природы только в границах производительности земли—атмосфера ему пока не доступна: поэтому,—*сущность эволюции сельско-хозяйственного производства состоит в развитии производительности земли.* Производительность земли должна всегда стоять на таком уровне, чтобы сумма продуктов, получаемых от с.-хозяйства, находилась в равновесии с суммой потребностей населения в этих продуктах.

В связи с ростом населения, эволюция сельско-хозяйственного производства переживает три фазиса.

В первом до—*земледельческом фазисе* население на столько редко, что человек не нуждается в развитии производительности земли посредством ее обработки, а довольствуется теми продуктами природы, которые она дает *без* участия человеческого труда. Это фазис звероловного и пастушеского быта.

При дальнейшем увеличении населения является необходимость к переходу на земледелие, т.-е. к развитию производительности земли в прямом смысле этого слова. Развитие производительности земли, сообразно с плотностью населения, достигается двумя способами, двумя системами земледелия: расширением эксплоатации даровых запасов природы вообще и почвы в частности и планомерным постоянным развитием естественного плодородия почвы. Так как запасы природных благ ограничены, то первая система возможна лишь до известных пределов, за которыми, при дальнейшем возрастании населения, она неизбежно должна сменяться второй.

Эпоху преобладания первой системы мы называем *экстенсивным фазисом* эволюции сельско-хозяйственного производства, эпоху преобладания второй—*интенсивным* фазисом.

В экстенсивном фазисе развитие производительности земли достигается посредством расширения *площади* обрабатываемой территории до возможных пределов. Этот фазис делится на два периода: в первом периоде пространство свободной и удобной для обработки земли, *неограничено*, и господствуют *переложные* системы полеводства, при которой засевается максимум третья часть пахотных угодий, а две трети остаются отдыхать в виде залежи (подсеков); эта отдыхающая от посевов земля служит естественным регулятором плодородия почвы.

Во втором периоде удобные земли уже отведены под пашню, пространство для расширения пашни ограничено, и площадь посевов расширяется за счет залежи, которая, превращаясь из многолетней в однолетний пар, сжимается до $^1/_3$ площади пашни. При таком незначительном естественном регуляторе плодородия, трехпольную систему без удобрения могут долго выдержать лишь черноземные почвы лучшего качества; почвы глинистые и песчаные из под выкорчеванного леса, покрывавшего в начале средних веков значительную площадь на востоке и в центре Европы, подвергаются быстрому истощению и поэтому уже в средние века начинается удобрение золой и новозом. Но степень удобрения при трехполье не идет далее поддержания плодородия почвы на одном уровне.

На этой ступени—ступени консервативного восстановления плодородия почвы и *трехпольной* системы полеводства, сельское хозяйство Европы застывает на многие сотни лет до тех пор, пока быстрый прирост населения в конце XVIII века и в начале XIX века не нарушает равновесия между суммой продуктов, доставляемых сельским хозяйством и суммой потребностей населения. Нарушенное равновесие восстанавливается переходом Европейского земледелия в *интенсивный* фазис развития производительности земли *вглубь* и колонизацией заокеанских, редко населенных стран. Соединенные Штаты, благодаря быстрому заселению, проходят в сотни лет экстенсивный

фазис развития производительности земли *вширь*, который Европа проходила в течение почти двух тысячелетий.

В интенсивном фазисе плодородие почвы не только восстанавливается но и развивается, что в течение столетия его существования в Европе отразилось повышением урожейности, приблизительно, в $2-2^1/_2$ раза. Пар совершенно исчезает, и человек берет на себя заботу о плодородии почвы, развивая его посредством усиления удобрения и усложнения севооборота. Рядом с обычными зерновыми культурами на полях появляются корнеплоды, масличные, кормовые травы и каждое поле представляет из себя шахматную доску, покрытую пестрыми разноцветными культурами. Исчезают резкие подъемы и падения урожаев; человек перестает зависеть от капризов климата и вместе с этим избавляется от страха голодовок.

Взявши на себя в интенсивном фазисе развитие плодородия почвы, человек перестал эксплуатировать бесплатно запасы природных благ, и тем самым не только оградил себя от их истощения и от случайных колебаний атмосферных влияний, над которыми он не властен, но и проложил себе широкую дорогу в таинственную лабораторию природы, в которой она вырабатывает живые организмы.

Итак, сельское хозяйство переживает три основных процесса эволюции:

1) Доземледельческий, который у нас сохранился по сие время в недоступных земледелию естественно исторических зонах: а) крайнего севера, где и сейчас господствует охотничье и рыболовное хозяйство вместе с кочевым оленеводством, б) Крайних юго-восточных пустынь нашей Евр-Азии, где возможно только пастушеское скотоводческое хозяйство.

2) Фазис *экстенсивного* земледелия, или развития производительности земли вширь, первый период которого — *переложная* сиетема полеводства еще существует в некоторых районах Сибири и в молодых заокеанских республиках — Аргентине, Канаде, Австралии, а второй — *трехпольный* составляет господствующую систему на большей части территории Европейской России; в Центральной Европе она господствует до второй половины XIX века, в Западной (во Франции) до конца XVIII века. В Соединенных Штатах также господствуют экстенсивные системы, но иного типа, чем наше трехполье.

3) Фазис *интенсивного* земледелия, т.-е. развития производительности земли *вглубь*, господствующий сейчас на территории западной Европы, начинает развиваться в западных областях Европейской России. Задачей ближайшего времени является у нас переход в интенсивный фазис всех густонаселенных районов и постановка на рациональную основу экстенсивных систем сельского хозяйства на *редко* населенных окраинах Европейской и Азиатской России.

Рациональная постановка систем сельского хозяйства, как экстенсивных так равно и интенсивных, требует, чтобы помимо экономической выгодности она не приводила бы к хищническому *истреблению* даровых благ природы — флоры, фауны и естественного плодородия почвы, каковое истребление, в конце концов доводит данную страну или район до состояния аграрного кризиса. При экстенсивных земледельческих системах, одной из главных

причин аграрного кризиса является нарушение *гармонии* между двумя основными отраслями сельского хозяйства — *земледелием и скотоводством.* Эта гармония существует при *переложном* земледелии, когда $^1/_3$ — $^1/_5$ часть пашни засевается несколько лет подряд одними и тем же злаком, а остальная площадь отдыхает, превращаясь в богатые пастбища и сенокосы. На покрытых травой залежах скот находит себе достаточное количество пищи.

Но увеличивается земледельческое население, распахиваются все больше и больше пространства земли, исчезают целинные степи с их пестрым ковром разных цветов и трав, залежную систему вытесняет трехпольный севооборот, при котором земля парует—отдыхает один раз в три года. Безудержная распашка, уменьшая количество пастбищ и сенокосов, убавляет, сравнительно с ростом населения, количество скота. В Европейской России трехпольный севооборот или близкие к нему системы полеводства распространились повсюду со второй половины XIX века. Поэтому и количество скота *относительно* сократилось. На сто сельских жителей приходилось:

	лошадей	круп. рог. скота.	овец и коз.	свиней.
В 1860-х годах . . .	27,4	39,2	83,2	17,6
„ 1900-х „ . . .	23,6	39,5	59,5	13,6

Сравнительно с населением, убавились все виды скота, кроме крупного рогатого, прирост которого шел, не отставая и не обгоняя население. Между тем пахотные земли за первые 27 лет после воли (с 1860 г. по 1887 г.) не увеличивались только в старых Московских областях промышленного центра. В срединных земледельческих областях они увеличились на 9,1 мил. дес., а на многоземельных южных и юго восточных окраинах Новороссии и Заволожья пашня выросла почти вдвое. По всей Европейской России пашня расширилась за эти 27 лет на 28,4 милл. дес. или на одну треть, обогнавши прирост населения. Вместе с распашкой новороссийских и кубанских степей исчезли пасшиеся на них стада знаменитых мериносовых овец. Вот почему мы видим на приведенной табличке, что количество овец относительно сократилось больше, чем других видов скота. Не стало хватать у нас мериносовой шерсти и $^3/_4$ ее для наших суконных фабрик мы привозили за последние годы из-за границы. Но этого мало: безудержная распашка черноземных степей, без достаточного удобрения, несмотря на их плодородие, привела к сильным колебаниям урожаев и к великой голодовке 1891—1892 г.г., когда количество скота сразу резко упало на миллионы голов, и сотни тысяч крестьянских хозяйств обнищали.

Европейская Россия вступила в полосу *аграрного кризиса*, от которого не избавилась и в начале XX века. Этот кризис особенно отразился на оскудевшем малоземельном земледельческом центре и в среднем Поволожьи, где не только скот, но даже посевные площади сократились на миллион слишком десятин, несмотря на продолжающее размножаться население. Так усиленная распашка земель, к которой пришлось прибежать крестьянству Европейск. России, вследствие усиленного роста населения, помещичьей кабалы и невозможности в то время поднять культуру земли, привела в конце концов к падению не только скотоводства, а и земледелия и ко всеобщему

обнищанию. Из этого тяжелого положения средне-русские крестьяне начинают выходить только в XX веке, частью расширив свое землепользование присоединением господских имений, частью переходя от старинной „трехполки" к новым улучшенным системам земледелия, связанным с плодосменным севооборотам, который у западно-европейских крестьян поднял урожайность их полей в 2—3 раза выше нашей.

Введение *интенсивного* земледелия, составляет третью эпоху в истории сельского хозяйства. При плодосменном севообороте под паром остается самая малая часть пашни. Все поля засеваются, но не одними зерновыми хлебами — рожью, пшеницей, овсом, ячменем, а самыми разнообразными растениями, корнеплодами — свеклой, картофелем, масличными — льном, подсолнухом, кукурузой, бобовыми—горохом, бобами и травами—клевером, люцерной, дающими богатый укос. Кроме этих трав, хороший питательный корм скоту дают отбросы корнеплодов, силосованье кукурузы, подсолнечные жмыхи, благодаря чему, при плодосмене, развивается не только земледелие, а и *скотоводство*. Восстанавливается гармония между обеими отраслями сельского хозяйства, а плодородие почвы не только не падает, но даже растет. При этой системе в землю вкладывается много удобрений навозных и искуственных, фосфоритных, калийных и других; с другой стороны—при плодосмене чередование растений устанавливается таким образом, чтобы одно растение вносило в почву те питательные вещества которые высосало из почвы предыдущее.

Таким образом, три периода земледельческой эволюции, подобно трем эпохам гегелевской триады, представляют различную смену комбинаций земледелия и скотоводства. В первый период—залежной системы земледелие и скотоводство сосуществуют гармонически, в силу того, что сама переложная система, при которой пахотные угодья перемешаны с сенокосами и пастбищами—представляет широкий простор обеим отраслям хозяйства. Это эпоха *тезиса*, который в трехполье сменяется *антитезисом*—вытеснением пахотными кормовых угодий, или иначе говоря скотоводства—земледелием. Наконец, в третьем *интенсивном* фазисе земледелия, когда пашня доставляет не только продовольственные средства человеку, но и обильный корм скоту, взращиваемый искуственно, мы наблюдаем эпоху *синтеза*—вновь гармонического сочетания земледелия и скотоводства, но уже на основе рациональной агрикультуры.

Для иллюстрации всех трех периодов мы приводим статистические данные по некоторым типичным государствам. Период быстрого развития экстенсивно—переложного земледелия наблюдался с 1860-х годов в Соединенных Штатах Америки, когда площадь пахотной земли увеличилась за 40 лет (от 1850-х до 1890-х г.г.) с 113 мил. акров до 358 милл.—в $3\frac{1}{7}$ раза. В такой же, приблизительно, пропорции возросло и *скотоводство* (с 38,7 мил. голов в переводе на крупный в 1866 г. до 116,8 мил. голов в 1900 г.—т.-е. в 3 раза). Ясно, следовательно, что здесь мы имеем факт безудержного экстенсивного *расширения* земледелия и скотоводства. Это—*тезис* гармонической эволюции обеих отраслей.

В Европейской России, мы видели на только что приведенных цифрах,

относящихся к концу XIX века, одностороннее развитие трехпольной системы полеводства, которое вытесняет скотоводство и, в конце концов, приводит к аграрному кризису. В XX веке предпосылки такого аграрного кризиса начинают появляться уже в Сибири. В Сибири (в старых ее границах — с Дальним Востоком и Степным краем) земледелие и скотоводство росли далеко не одинаковым темпом по отношению к населению.

Абсолютно (в тысяч).

	Дес. посева.	Единиц скота в переводе на крупн.	На сто душ населения. Дес. посева.	Единиц. скота.
1897 г.	5243	15597	64,1	190,5
1917 г.	11642	25248	81,6	174,8
Прирост или убыль в % . .	+122	+62	+27	—8

В то время, как земледелие растет относительно вдвое быстрее, чем скотоводство и *опережает* прирост населения, скотоводство отстает от этого последнего и в центральных районах Сибири начинают уже чувствоваться результаты такого одностороннего развития сельского хозяйства в виде заметных колебаний урожайности. Следовательно, Европейская Россия в конце XIX века и Сибирь в начале XX века дают картину развития *антитезиса*— вытеснения скотоводства земледелием. Иллюстрацию *синтеза*—двухстороннего гармонического развития скотоводства и земледелия при интенсификации систем сельского хозяйства, но уже на иной основе—развития производительности земли не вширь, а *вглубь*, мы находим в *Германии*, в которой оказалось:

	Под пашней (тыс. гект.)		Голов скота в переводе на круп.
В 1878 г.	25827	В 1876 г. . . .	25318
„ 1900 г.	25774	„ 1900 г. . . .	30731
Убыль или прирость в %	—0,1		+21,8

Площадь под пашней, как видим, осталась без изменения: но площадь под паром и пастбищами на пашне сократилась за этот период с 3,8 мил. гектаров до 2,3 мил.; освобожденные $1^1/_2$ мил. были заняты преимущественно не зерновыми хлебами, а свекловицей, картофелем, кормовыми травами и промышленными растениями, занявшими в 1900 году $7^1/_2$ мил. гектаров или $^1/_4$ всей пашни. В силу интенсификации земледелия, все более и более быстро стала расти *урожайность* хлебов.

Сбор с одного гектара в центнерах.

	Ржи.	Пшеницы.	Овса.	Ячменя.	Картофеля.
В 1883—87 г. г.	10,0	13,4	11,3	12,8	87,4
„ 1909—13 г. г.	18,2	21,5	19,8	20,8	137,1
Прирост в % . .	+82	+61	+75	+63	+68

В этот последний период посевные площади под злаками также почти не изменились: но *урожаи* поднялись на 60—80%, что свидетельствует о под'еме производительности земли *вглубь*. Точно также и развитие скотоводства характеризуется не столько *количественным* приростом, который впрочем был тоже довольно значительным, а еще более *качественным* улучшением скота; т. напр. лишь в 10-летие 1883—92г.г. живой вес крупного рогатого скота увеличился на 18 3%, а его ценность—на 15,4% *).

Итак, специфический характер сельско-хозяйственной эволюции, заключающейся, между прочим в *усложнении* приемов агрикультуры, требует *гармонического* двухстороннего развития в сельском хозяйстве одновременно двух его основных отраслей—при чем в экстенсивных фазисах эволюции это развитие выражается в количественном *расширении* посевных площадей и одновременно—в увеличении количества скота, в интенсивных—в качественном *углублении* производительности, путем увеличения продуктивности одной и той же площади земли и мало возрастающего в числе, но качественно улучшающегося количества домашних животных.

Сельско-хозяйственная эволюция за границей и в России в XX веке до войны.

В конце XIX века под влиянием быстрого роста экстенсивного земледелия за океаном и выброшенным, благодаря этому, сотням миллионов пудов зернового хлеба в Европу, европейское земледелие, хотя и интенсивируется, но сокращает (особенно в Великобритании и во Франции) свою площадь посевов зерновых хлебов. Так в Великобритании эта площадь сократилась с 9.4 мил. акров до 7,1 мил. (с 1873 до 1901 года) и английское сельское хозяйство даже перешло на одностороннее развитие скотоводства в ущерб земледелию; во Франции она упала с 15,7 мил. гектаров (в 1862 году) до 14,8 мил. (в 1892 году). Но следует заметить, что влияние конкуренции заокеанских стран на сельское хозяйство западной Европы не было столь глубоким и сильным, как это изображалось некоторыми старыми исследователями. Оно ограничивалось преимущественно Великобританией, а на континентальном земледелии отразилось сравнительно слабо.

С начала XX столетия Соединенные Штаты Америки сокращают вывоз своего хлеба в Европу, под влиянием растущего городского населения, потребляющего производимый американскими фермами хлеб внутри страны. Это одна причина. Другая—понижение прироста посевных площадей и сбора хлебов. За 10 лет 1900—1910 г.г.—„увеличение земледельческого населения, количества ферм, посевной площади и сбора хлебов, по словам Культера, составило около 10% в то время, когда городское население возросло на 35%“*). В итоге, производство, потребление и экспорт глав-

*) Приведенные цифры взяты у Дена („Очерки экономич. географии“), частью у Гельферриха (Развитие народного хозяйства в Германии“).

*) Coulter Agricultural development in the united States 1900—10. Цит по Мукосееву—„Повышение товарных цен“ СПБ. 1914 г. стр. 41. Дальнейшие цифры заимствованы у Мукосеева.

ного товарного хлеба всего мира—пшеницы, изменилось в Соединенных Штатах за первое 10 летие XX века следующим образом:

(В миллионах бушелей [1]).

	Производство.	Местное потребление.	Экспорт за границу.	Процент экспорта к производству.
1901 г.	522	306	216	41
1906 „	692	596	98	14
1911 „	636	567	69	11

Правда, на место Соединенных Штатов выдвинулись другие заокеанские страны и отчасти Россия, и абсолютно размеры экспорта в Европу не сократились, но и не выросли заметно.

Вывоз пшеницы и пшен. муки из главных производящих стран в миллионах пудов.

Страны вывоза.	1901 г.	1906 г.	1911 г.
Соедин. Штаты	320	132	95
Аргентина	60	145	137
Канада	38	75	107
Австралия	42	63	106
Румыния	35	105	112
Россия	142	226	248
Всего	637	746	805
Доля Соед. Штат. в %	50,2	16,1	11,6

Доля Соединенных Штатов с половины всего экспорта спустилась до $^1/_8$. Это не могло не способствовать *под'ему* цен на хлеб, который происходит систематически во всем мире.

Средние оптовые цены за 1000 килограммов в марках.

Пшеница.	1901—3 г.г.	1904—6 г.г.	1907—9 г.г.	1910—12 г.г.
Нью-Йорк	125	148	166	161
Лондон	136	145	168	161
Одесса	114	122	165	152
Рожь.				
Берлин	139	149	185	172

Только за последнее трех-летие перед войной цены слегка падают. Под'ем цен и всеобщая благоприятная экономическая кон'юнктура (рост городов, промышленности, улучшение техники, под'ем благосостояния и культурности населения)—все это содействовало *развитию* сельского хозяйства, как в экстенсивных, так и в интенсивных странах и областях. Растут и посевы зерновых культур, и промышленных растений и увеличивается скотоводство.

[1]) Бушель—мера сыпучих тел—около 1,4 четверика.

Посевы пшеницы даже *обгоняют* рост населения.

Посевные площади под пшеницей (в мил. акров[1]).

	1891 г.	1910 г.	Увеличение в %	Возрастание населения за тот же период в %
В Великобритании и колониях (8 стран). .	33,3	47,9	+44	+12
В Европе (17 стран).	97,0	126,5	+30	+24
В Америке и Австралии (7 стран)	53,4	79,6	+49	+39
Всего .	183,7	254,0	+38	+20,5

Еще быстрее в начале XX века развивалось земледелие в России. Если мы возьмем границы нынешней Р.С.Ф.С.Р., откинув области от нас отошедшие, мы получим в этих границах такой рост посевных площадей и валовых сборов до войны:

В среднем за год по пяти лет.	Посевы в мил. дес.	Валовые сборы хлебов и картоф. в мил. пуд.[2])	Принимая 1901—05 г. за 100. Рост посев.	Валов. сбор.
1901—05	74,8	3305	100	100
1906—10	78,4	3637	105	104
1911—15	85,2	4258	114	122
В том числе в 1913	86,4	4936	116	141

Посевные площади росли быстро—за 10 лет на 14—16%, а валовые сборы еще быстрее—на 22%. Правда, в последнее пятилетие перед войной урожаи были хорошие; но помогло росту валовых сборов и улучшение сельского хозяйства. Русские крестьяне стали больше удобрять свои поля, пахать не сохами, а плугами, чаще и глубже, вводили посевы кормовых трав, картофеля, кукурузы, свекловицы и других промышленных растений. Под картофелем в 1896 году было 3 мил. дес., а в 1912 году уже 4,3 мил. дес., посевы сахарной свеклы выросли с 318 тыс. дес. до 712 тыс., кормовых трав с 1,1 мил. дес. до 2 мил. (за 1901—16 г.г.). В 1913 году под посевами специальных культур в России было: льна—1250 тыс. дес., конопли 584, подсолнуха—817, сахарной свеклы 701, хлопка—498 и табака—64 тыс. десятин. Причины развития посевов промышленных растений в России—рост городского населения и рынка—заграничного и русского. За 1901—13 г.г. перевозки хлебных грузов по железным дорогам выросли на 60%, мясных—на 46%. Еще более увеличился вывоз за границу семян, масла жмыхов, волокна льняного, яиц и т. д.

Вывезено в миллионах пудов.

	1901 г.	1913 г.	Увеличение в %%
Хлебных грузов	465	649	40
Семян маслич.	7,0	15,3	119

[1]) Акр—1/3 часть десятины.

[2]) Сбор картофеля в переводе на зерно (деленный на 4).

Вывезено в миллионах пудов.

	1901 г.	1913 г.	Увеличение в %%
Жмыхов	23,6	44,9	90
Волокна льнян.	8,5	16,6	95
Масла коровьего	2,0	4,8	140
Яиц (мил. штук)	1997	3572	79

Отсюда ясно, что развитие внешнего рынка сильно способствовало интенсификации сельского хозяйства.

Итак, в общем, земледелие России также, как и в Европе, в XX веке, накануне мировой войны, двигалось быстрыми шагами вперед. В последнее предвоенное 5-летие 1909—13 г.г. общее мировое производство главных хлебов достигало 19 миллиардов пудов; из них 22%—4,1 миллиард. производила Россия. По главным хлебам это производство распределялось так:

Средний валовой сбор картофеля и хлебов за 1909—13 г.г.

(в миллионах пудов).

	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Картофель.	Всего в переводе на зерно.
Общее мировое производство	7481,0	2746,5	2494,9	3987,8	9036,9	18969,5
Россия . . .	1233,0	1177,0	551,0	823,0	1300,0	4109,0
Германия .	252,7	690,0	203,9	524,5	2795,3	2369,9
Англия . .	98,9	2,7	86,7	183,2	422,5	477,6
Франция . .	527,6	76,3	64,1	315,1	806,0	1184,6
С.-А. Соед.Шт.	1141,2	54,3	219,8	1002,6	659,2	2566,1
Проч. гос. мира	4220,6	746,2	1369,4	1140,0	3120,2	8263,3

Россия стояла на первом месте по производству пшеницы, ржи и ячменя, по овсу и картофелю—на втором.

Однако, *урожайность* хлебов в России хотя и росла, но все же далеко отставала от урожаев Европы и Америки.

Урожай с 1 десятины в 1909—13 г.г. (пудах).

	Рожь.	Пшеница.	Овес.	Ячмень.	Картофель.
Англия	186,8	141,4	122,1	127,4	978,5
Германия	121,4	142,7	131,4	138,7.	914,4
Франция	102,7	88,0	86,7	92,7	567,0
Соед. Штаты	65,4	65,4	72,7	85,4	434,9
Испания	54,6	58,4	53,2	75,6	— —
Сербия	55,5	66,0	47,8	56,5	278,0
Россия	52,6	42,0	54,4	58,4	504,4

Даже такие бедные и некультурные страны, как Испания и Сербия, имели более высокий урожай. И если Россия могла не только кормить себя, но и выбрасывать около 600—700 мил. пудов ежегодно на мировой рынок, то только благодаря огромной площади посевов, равнявшейся во всей тогдашней империи 104 мил. дес.

В мировом скотоводстве также наблюдался под'ем, хотя далеко не столь заметный.

Количество голов в миллионах голов.

	Крупн. рогатого скота.			Овец и коз.			Свиней.		
	1891—1900 г.	1901—1910 г.	Разница (+или—)	1891—1900 г.	1901—1910 г.	Разница (+или—)	1891—1900 г.	1901—1910 г.	Разница (+или—)
Великобритания (с колониями)	91,0	95,5	+ 4,5	176,2	163,1	—23,1	7,2	8,2	+ 1,0
Европа . .	103,1	104,8	+ 1,7	133,3	118,1	—15,2	53,7	59,7	+ 6,0
Аргентина-Уругвай .	27,3	35,8	+ 8,5	89,0	83,7	— 5,3	0,7	1,4	+ 0,7
Соед.Штаты Сев.Америки	49,1	66,5	+17,4	41,7	55,5	+13,8	43,7	51,5	+ 7,8
Остальные государства	6,4	7,7	+ 1,3	17,5	20,1	+ 2,6	0,9	1,1	+ 0,2
Итого	276,9	310,3	+33,4	457,7	440,5	—17,2	106,0	121,9	+15,7

Количество крупного рогатого скота возросло довольно заметно во всем мире: наибольший прирост, как и по остальным видам скота, пришелся на Соединенные Штаты: в Европе количественное увеличение почти не наблюдалось, хотя *качественное* улучшение скота—его мясность, молочность все возрастали. Количество овец *сократилось* почти повсюду, за исключением, опять таки, Соединенных Штатов. Количество свиней наоборот повсюду возросло. В общем, однако, как и в Сибири, во всем мире рост населения *обгонял* увеличение скотоводства. Так число крупного рогатого скота увеличилось на 12%, свиней—на 15%, овец и коз даже убавилось на 4% и общее количество скота поднялось менее, чем на 10%, тогда как рост мирового населения, как мы видели, за этот период достиг 20,5%. Отсюда происходит быстрое возрастание *мирового спроса* на скотоводческие продукты и быстрое наростание мировых цен на мясо, масло и другие продукты.

Цены за 100 килограммов в марках.

Мясо крупного рогат. скота.	1903 г.	1908 г.	1912 г.
Берлин	129	139	166
Лондон	102	104	117
Париж (быки)	115	127	136

Такого падения цен накануне войны, какое мы видели по отношению к пшенице, здесь, отнюдь, не наблюдается: наоборот за последние три года перед войной цены на скотоводческие продукты увеличиваются гораздо быстрее, чем раньше.

В России официальные цифровые материалы по движению скота за довоенный период никуда не годятся. Более или менее точны лишь сведения о количестве рабочих лошадей (по военно-конским переписям), число которых в Европейской России в 1901—6 г.г. равнялось 15,2 милл. голов, в 1912 г. увеличилось до 15,5 милл., всего на 2%. Количество коров, согласно

данным С. Прокоповича (см. его „Опыт исчисления народного дохода") поднялось на большую величину: с 13,8 милл. голов в 1900 году до 16,9 миллионов голов в 1913 году—всего на 22,5%. Надо думать, увеличилось и свиноводство, а овцеводство, наоборот, падало. Таким образом, в отношении скотоводства Россия шла по стопам Европы и всего мира, развивая молочный и продуктивный мясной скот—коров и свиней и сокращая шерстный—овец и коз. Что касается лошадей, то значение их с распространением усовершенствованных орудий и с увеличением продуктивного скотоводства, относительно, тоже падало.

Мировое и русское сельское хозяйство в 1914—21 г.г.

Мировая война, тянувшаяся в Европе до конца 1918 года, у нас с 1917 г. сменилась гражданской войной, продолжавшейся до 1920 года. Таким образом, сельское хозяйство в России попало под двойной удар. Но и в Западной Европе мировая война произвела в нем большие опустошения, которые впрочем были заполнены сильным ростом земледелия за океаном. В общем, мировое сельское хозяйство в 1913—20 г.г. пошло разными дорогами: в Европе и России оно сократилось, за океаном — в Америке и Австралии, наоборот, сильно выросло, а в странах, не принимавших участия в войне, осталось почти без перемены.

В главных странах мира, *кроме России*, произошли следующие перемены

А. *В земледелии.*

	Посевные площади глав. хлебов (в мил. гект.).		Разница	Валовые сборы главных хлебов (в мил. квинтал.)[1]		Разница
	1913 г.	1920 г.	+ или —	1913 г.	1920 г.	+ или —
Воевавшие страны Европы	63,4	49,1	—14,3	925,7	581,3	—344,4
Нейтральн. (не воевавшие)	10,7	11,2	+ 0,5	128,9	132,9	+ 4,0
Заокеанские страны	125,9	139,8	+13,9	1550,8	1870,5	+299,7
Всего . . .	200,0	200,1	+ 0,1	2605,4	2564,7	— 40,7

Б. *В скотоводстве.*

(в миллионах голов).

	До войны.	После войны.	Разница + или —
1) Крупного рогатого скота.			
Воевавшие страны Европы . . .	60,1	50,6	— 9,5
Нейтральные	13,5	13,3	— 0,2
Заокеанские	272,9	307,2	+34,3
Всего . . .	346,5	372,1	+25,6

[1] Квинтал — 6,1 пуда.

2) О в е ц.			
Воевавшие страны Европы . . .	69,4	50,5	—19,2
Нейтральные	23,3	26,3	+ 3,0
Заокеанские	272,1	280,9	+ 8,8
Всего . . .	365,1	857,7	— 7,4.
3) С в и н ь и.			
Воевавшие страны Европы . . .	41,3	19,4	—21,9
Нейтральные	9,5	8,7	— 0,8
Заокеанские	86,8	93,5	+ 6,7
Всего . . .	137,6	121,6	—16,0

Таким образом, судя по этим цифрам, общий баланс мирового земледелия без России сведен с уроном в 41 миллион квинталов или в 250 миллионов пудов, а скотоводства — если принять в расчет заметную убыль лошадей, число которых и раньше было за границей гораздо меньше, чем в России, а теперь убавилось даже и в Америке — сводится почти без потерь. Однако, реально мировой сельско-хозяйственный баланс может быть сведен только в том случае, если, во первых, *мировой товарообмен* развернулся бы во всей широте и заокеанские страны начнут выбрасывать в Европу все свои избытки целиком, во-вторых, даже и тогда, как мы видим, те 650—700 миллионов пудов хлеба или 100—120 миллионов квинталов, которые вывозила в Европу Россия, остались бы незамещенными.

Но мировой товарообмен не дал странам Европы даже того количества, которое они получали до войны.

Чистый ввоз в 17 потребляющих странах.

	За вычетом вывоза (в мил. квинт),	
	в 1909—13 г.г.	в 1920 г.
Пшеница и пшеничная мука	98,8	117,4
Ячмень	48,5	7,7
Овес	20,5	6,3
Рожь и ржаная мука	7,6	6,7
Всего	170,5	138,1

Таким образом, несмотря на огромный рост посевов и урожаев за океаном, европейские страны, потребляющие привозный хлеб, благодаря исключению России из мирового рынка, не дополучили 32 милл. квинт. или 200 милл. пудов, хотя заокеанские страны и увеличили, напр., вывоз пшеницы и пшеничной муки с 76 милл. квинт. до 132 миллионов. Особенно остро выход России с мирового рынка чувствуется по недоввозу *ячменя*, которого Россия вывозила более 200 милл. пудов преимущественно в Германию, где он шел на корм свиньям и на пиво. Это—одна из причин, почему немцам пришлось так сильно сократить свое свиноводство. Вообще в Германии сельское хозяйство пошатнулось больше, чем в других странах Европы, потому что до войны, великолепные немецкие урожаи хлеба зависели от

вывоза из Америки искусственного удобрения, а прекрасное скотоводство — от вывоза из России концентрированных кормов—ячменя, жмыхов и отрубей. К 1920 г. и валовые сборы хлебов и производительнось скота в Германии упали почти на половину. А платить за вывоз из за границы хлеба, кормов и удобрения германцам теперь очень трудно: с них взыскивают огромные платежи за военные убытки союзники, и, благодаря этому, ценность их денег упала в 800 раз сравнительно с довоенной. Вот почему, после того, как в Америке хлеб подешевел, при хорошем урожае 1921 года, германцы все же не могли его покупать, благодаря низкой цене денег; и тогда как в Германии народные массы не доедали—американские фермеры, не желая отдавать дешево свой хлеб, жгли его, вместо дров, в печах.

Еще больше германского упало сельское хозяйство в России, в особенности за время *гражданской войны*.

Так общая площадь в границах Р.С.Ф.С.Р. сократилась в таком виде:

	В миллионах десятин.	В %.
1913 г. . . .	86,4[1])	100
1916 „ . . .	79,2	91,7
1917 „ . . .	79,1	91,6
1920 „ . . .	60,5	70,2
1921 „ . . .	53,2	61,6

За время мировой войны с 1913 по 1917 г.г. площадь посевов убавилась всего на 7,8 милл. дес. или же на 8,4%; за время гражданской—почти на 19 милл. десятин или на 22%. Однако, причина такого страшного падения нашего земледелия лежала не только в гражданской войне, а также и в продразверстке, заставлявшей крестьян сократить свои посевы, чтобы у них не отобрали излишков хлеба.

В самом деле, в тех областях России, которые до 1921 г. не испытали действия продразверстки, несмотря на гражданскую войну, посевы сократились меньше.

Посевные площади в милл. десятин.

	1913 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.
В Великороссии	42,8	38,8	27,9	24,2
На Украйне с Новороссией	25,8	22,3	—	17,6
В Сибири	6,1	6,8	6,8	4,9
В Киргизии	4,6	5,8	5,0	3,4

В Великороссии посевные площади с 1917 г. до 1921 г. сократились на 14,6 милл. дес., а на Украйне, где гражданская война свирепствовала гораздо больше—на 4,7 мил. дес.—втрое меньше. В Сибири и Киргизии до 1920 г. посевы почти не падали, зато после введения продразверстки в 1920 г. они сразу сократились на одну треть.

---

[1]) За исключением посевов кормовых трав, свеклы и мелких культур.

Отмена продразверстки и хороший урожай 1920 г. остановили дальнейшее падение посевов в районах *нечерноземной полосы.*

Посевы в тыс. десятин.

	1920 г.	1921 г.
В Белоруссии	2491	2396
В Приозерном р.	1005	1134
В Московско-промышленн. районе	2097	2059
В Северном районе	460	471

Зато в Приуралье, в остальных черноземных районах, на Сев. Кавказе и в Сибири посевы за один год убавились на 8 милл. дес. Но быть может мы все-таки стали бы выходить из земледельческого кризиса, если бы нас не постигла подряд третья беда—небывалый неурожай на юго-востоке.

Еще быстрее, чем посевы, падали *валовые сборы.* Сокращение валовых сборов по всей Р.С.Ф.С.Р. определяется в следующих цифрах:

(В миллионах пудов).

	Зерновых хлебов.	Картофеля.	Масличных.
1913 г.	4625	1245	101
1916 „	3301	921	77
1921 „	1528	486	23

Сборы зерновых хлебов и картофеля сократились в три раза, а масличных—почти впятеро. Надо, вообще, отметить, что за время гражданской войны и революции, посевы промышленных растений, пшеницы и ячменя, т. е. рыночных хлебов, уменьшились гораздо сильнее, чем продовольственных—особенно ржи. Рынок был уничтожен и крестьянам не стало никакого расчета сеять продажные хлеба.

Немногим лучше было и со скотоводством.

Количество скота в милл. голов.

	1916 г.	1921 г	Сокращение в %
Лошадей	31,0	23,7	25,6
В том числе рабочих	23,9	18,3	22,7
Крупн. рог. скота	50,3	38,1	24,4
В том числе коров	22,1	19,8	10,5
Овец и коз	82,8	46,2	44,2
Свиней	18,6	13,5	31,2

Отсюда видно, что мелкий скот—овцы и свиньи, особенно овцы, пострадали гораздо больше крупного скота—лошадей и крупного рогатого; и среди крупного скота уцелело больше взрослых животных и истреблен молодняк. Во время мировой войны крестьяне, наоборот—сохраняли молодняк с тем, чтобы его выращивать дома. Теперь он пошел под нож.

После голодовки 1921 г. количество скота на обширной территории

юго-востока должно будет сократиться в несколько раз. Между тем земледелие при наличности достаточного количества семян и орудий, можно восстановить легче и быстрее, чем скотоводство: для выращивания скота в массовых размерах, нужно минимум — 5 — 10 лет, а для восстановления посевной площади при хороших урожаях довольно 2—3 года.

С другой стороны, спрос на скотоводческие продукты сильнее, чем на земледельческие. При плохом состоянии нашего транспорта, экспортировать громоздкие земледельческие продукты будет гораздо труднее, чем более дорогие скотоводческие. Наконец, как мы уже указали, односторонняя эволюция нашего сельского хозяйства, создающая гипертрофию земледелия, приводит, в конце концов, к сельско-хозяйственному кризису. Во избежание этого кризиса необходимо восстановить *гармонию* между двумя основными отраслями сельского хозяйства, нарушенную в России со второй половины XIX века.

Выводы.

Такова, в общих чертах, характеристика мировой и русской сел.-хоз. эволюции с конца XIX века. Она приводит нас к следующим основным выводам:

1. В начале XX века эволюция земледелия не только в экстенсивных заокеанских странах, но и в Западной Европе, а также в России, под влиянием благоприятной экономической кон'юнктуры, выказывает тенденцию к быстрому развитию, обгоняющему даже рост населения. *Скотоводство в общем также растет, но медленнее, чем население*: при чем овцеводство, которое обычно развивается при земельном просторе, благодаря сужению этого простора, почти повсюду сокращается довольно заметно. Развивается, преимущественно, молочно-мясное скотоводство.

2. Во время мировой войны и революции эволюция мирового сельского хозяйства раздваивается: в заокеанских странах, вынужденных, за выходом России с мирового рынка, прокармливать Западную Европу, оно сильно возрастает; в воевавших странах Европы—заметно падает; а в нейтральных остается без перемены. Общий баланс мирового сельского хозяйства без участия России сводится с некоторым дефицитом. Главная причина неравномерного распределения продовольственных средств во всем мире—экономическое расстройство Европы. „Обеднение Европы не дает ей возможности ни покупать у Америки хлеб, ни приобретать у нее сырье“[1]). В результате страдают обе стороны: и те, кто нуждается в хлебе и не может его купить, и те, кто, имея его слишком много, не может его продавать.

3. В России мировая война оказывает на сельское хозяйство сравнительно небольшое отрицательное влияние; вредное воздействие гражданской войны гораздо значительнее. Наконец, огромное потрясение должен принести для $^1/_3$ части России небывалый неурожай 1921 г. Все эти причины, вместе взятые, привели русское сельское хозяйство к гораздо более значительному упадку, чем западно-европейское.

---

[1]) Лившиц „С.-Хозяйство после войны“. Экономист № 2.

4. При дальнейшем восстановлении сельского хозяйства России необходимо напрячь наибольшие усилия к быстрейшей реставрации *скотоводства*, в виду того, что односторонний характер эволюции у нас в сторону земледелия, послужил одной из причин длительного аграрного кризиса. С другой стороны, мировая конъюнктура скотоводческих продуктов и до войны и теперь выгоднее, чем для земледельческих.

ГЛАВА VIII.

Эволюция земледелия России по районам и отдельным культурам.

Общее изменение посевных площадей по районам.

В предыдущей главе мы указывали, что в общем по всей России в конце XIX и в начале XX века до войны происходил довольно заметный рост посевных площадей. Но этот общий вывод относится далеко не ко всей территории. По отдельным районам мы наблюдаем в этом отношении чрезвычайно различные процессы. Это различие начинает сказываться еще со второй половины XIX века; оно становится наиболее отчетливым, если мы сведем районы попарно в группы или области по направлению с запада на восток отдельно в нечерноземной и черноземной полосах.

По Европейской России.

РАЙОНЫ.	Пашня в тыс. десятин.		Разница в %	Посевная площ. (кроме кормов. трав и свекл.).		Разница в % (+или—).
	1860 г.	1887 г.	(+или—)	1887 г.	1900 г.	
Нечерноземная полоса.						
Запад (Белорус)	7839	5716	— 27	3469	4125	+19
Центр — Приозерный . .	3275	2615	— 20	1592	1770	+11
Моск.-Промыш.	11075	8912	— 20	5352	4209	—21
Всего Центр. . . .	14350	11527	— 20	6944	5979	—14
Северо-Восток.						
Северный	1141	1539	+ 35	715	714	—00
Приуральский	6166	8321	+ 35	4943	5039	+ 2
Всего Северо-Восток . . .	7307	9860	+ 35	5658	5753	+ 2
Итого Нечерн. полоса . .	29496	27103	— 8	16071	15857	— 1
Черноземная полоса.						
Запад. Юго-запад.	6872	7743	+ 13	5028	5143	+ 2
Малорусский	6900	9052	+ 31	5604	5615	+ 0
Всего запад.	13772	16795	+ 22	10632	10758	+ 1

Центр. Цент. Землед. . .	16610	17526	+ 5	11298	10532	— 7
Средне-Волжск.	9611	13596	+ 41	10286	10054	— 2
Всего Центр.	26221	31122	+ 19	21584	20586	— 5
Юго-Восток. Новорос. . .	10774	21272	+ 38	12079	14498	+20
Нижне-Волжск.	3614	12787	+254	4803	5451	+14
Всего Юго-Восток .	14388	34059	+137	16882	19949	+18
Итого чернозем. пол.	54381	81976	+ 51	49098	51293	+ 4
Всего Европ. Россия . . .	83877	109079	+ 30	65169	67150	+ 3

Сокращение пашни на левой половине таблицы—за 1860 — 87 г. г. наблюдалось в трех районах, принадлежащих к нечерноземному центру и западу: Московско-Промышленному и северо-западному (в обоих на 20%). Литовско-белорусскому (на 25%). Слабое развитие пахотных угодий в промысловых районах замечается еще с конца XVIII века: по генеральному межеванию здесь было 13 мил. дес. пашни; в 60-х годах — 14,3 мил. За 60 слишком лет площадь пашни выросла только на 10%, после освобождения она упала на 20%. Это показывает с достаточною убедительностью, что во все это время здесь тянулся кризис трехполья, закончившийся к 80-ым г.г.

С 80-ых г.г. в русском промысловом центре и в Белорусско-литовском районе, с 50—60-ых г.г. в прибалтийском районе начинается новое направление в сельско-хозяйственной эволюции, хотя площадь зерновых хлебов продолжает убывать, но эта убыль в значительной степени возмещается развитием посева корнеплодов, масличных и кормовых трав.

В московском районе площадь этих растений увеличивается на 280 тысяч десятин [1]), в приозерном—на 72 тыс., в белорусско-литовском — на 577 тыс. Нет никакого сомнения, что эти районы к XX веку уже пережили кризис трехполья и вступили на путь интенсивного развития производительности земли вглубь, хотя и делают на нем еще первые, неуверенные, колеблющиеся шаги.

Не такова была судьба ближайших к нечерноземной полосе районов земледельческого центра. Первый из них — центрально-земледельческий до 1887 г. еще двигается, хотя сильно замедленным темпом, по пути экстенсивного расширения запашек.

В первой половине XIX века здесь именно находилось главное ядро дореформенного капиталистического земледелия помещиков и пашня с генерального межевания до 60-ых г.г. возросла на 4,5 мил. дес. или на 38%. В последующие 25 лет она увеличилась только на 5%. Замирание роста пахотных земель служило признаком приближающегося кризиса трехполья, который и разразился после 80-ых г.г., когда за последние 10 лет терито-

[1]) Для кормовых трав взяты данные 1881—1901 г.г.

рия зерновых культур *сократилась* на 17%. Несколько позднее наступает кризис экстенсивного земледелия в среднем Поволожьи: до 1887 г. пашня выростает на целых 41%, так как здесь, надо полагать, при освобождении еще встречались целинные степи в тех местах, где не закончился переход перелога в трехполье. Догнавши ускоренной распашкой земледельческий центр, среднее Поволожье после 80-ых г.г. начинает катиться по наклонной плоскости *кризиса экстенсивного земледелия*, что выражается в сокращении площади зерновых культур на 2%. Останавливается на точке замерзания их рост и в Малороссии, но тут более благоприятный климат и почва препятствуют резкому проявлению кризиса. Восточная Малороссия переживает его почти незаметно и теперь начинает идти по стопам своей западной соседки—Киевщины и Подолии, где склонность к интенсификации земледелия обнаруживается довольно ясно к 90-ым г.г. [1])

Таким, образом, если считать за признак кризиса экстенсивного земледелия прекращение дальнейшего роста пашни и зерновых посевов, то такой кризис наблюдался с 60—70-ых г.г. в западных районах и районах промыслового центра, а в конце 80-ых и 90-ых г.г.—в районах земледельческого центра, среднего Поволожья и, отчасти, восточной Малороссии. Главную причину кризиса мы найдем, если рассмотрим процентное отношение пашни ко всей удобной земле [2]).

Районы.	(Без леса). 1860 г.	1887 г.
Московско-промышленный . . .	71,9	57,8
Северо-Западный	55,1	44,0
Центрально-Земледел.	77,2	81,5
Средне-Волжский	56,5	79,9
Восточно-Малорос.	62,5	81,9

В Московско-промышленном районе дальнейшее расширение пашни остановилось тогда, когда оно охватило до 72% всей удобной земли без леса; в Северо-западном, с его болотами—до 55%. В районах черноземной полосы предел дальнейшему распространению пашни кладется тогда, когда она достигает, круглым счетом, 80% удобной безлесной территории. В Европейских государствах процент пахотных угодий *ниже*, несмотря на более благоприятные климатические условия.

% пашни к удобной земле:

	(Без леса).
В Великобритании	46,9
„ Германии	74,8
„ Франции	76,9

[1]) В нашу таблицу не включены данные о посеве свекловицы — наиболее заметного вида интенсивных культур в этих районах.

[2]) Площадь удобной земли определена по данным 1887 г., т. к. данные 60-х г.г. не позволяют выделить неудобные земли.

Очевидно, что дальше идти по пути экстенсивного расширения запашек, чем пошло население промыслового центра к 60-ым г.г., а земледельческого к 80-ым, было нельзя: истощение почвы при таком усиленном напряжении производительных сил земли было неминуемо. В центрально-земледельческом наиболее распаханном районе, а потом и в среднем Поволожьи земля стала покрываться оврагами. Вырубание лесов по берегам рек повело к оживлению летучих песков, которые начали двигаться и засыпать слой чернозема. По 11 уездам Воронежской губернии у крестьян вся площадь неудобных земель в 1858 г. составляла 187,3 тыс. дес., а 1890-ых г.г. — 293,6 тыс. дес. За 35—40 лет она приросла на $^2/_3$. До 1881 г. она увеличивалась ежегодно на 1916 десятин, с этого времени до 1890-ых г.г. — на 4785 дес., т.-е. втрое более. Население уперлось в глухую стену сопротивления природы истощению почвенных богатств, которые люди, подгоняемые быстрым размножением голодных ртов, стали тратить с безумной расточительностью. Природа настойчиво требовала от земледельца, чтобы он сам принял участие в восстановлении запасов почвенных благ посредством улучшенных севооборотов и удобрения — иначе говоря перешел бы на более *интенсивные* системы полеводства.

Однако, человек всегда стремится идти по линии наименьшего сопротивления. Поэтому, вместо интенсификации земледелия в старых районах, население сначала устремляется на юг и на восток, туда, где перед освобождением еще царило переложное хозяйство. Заволжье и Новороссия подвергаются невероятно быстрой распашке: за каких-нибудь 20—25 лет площадь пахотных земель здесь увеличивается с 14,4 мил. дес. до 34,1 мил., т.-е. почти утраивается. То же самое было, по всей вероятности, и на Северном Кавказе. В 1887 г. площадь пашни в Новороссии уже охватывает 66,1% всех удобных земель без леса, в Заволжьи 54,2%, всего во втором поясе колонизации—60,4%. Распашка нетронутых земель к 80-м годам еще не достигает $^3/_4$ территории—крайнего предела, за которым дальнейшее экстенсивное расширение ее становится, надо полагать, невозможным: но она гораздо ближе к нему в 80-х г.г. За последние 13 лет территория злаковых культур вырастает на 3 мил. дес., а в 1860—87 г.г.—пашни на 20 мил. дес. Замедление роста посевной площади было вызвано, несомненно, уменьшением запасов свободных удобных для пашни земель; можно полагать, что максимум распашки—$^4/_5$ удобной территории был уже достигнут; как результат этого, мы видим, что переселение на юг после 80-х г. сокращается до минимума, поворачивая из центра на восток в Сибирь и Среднюю Азию.

Итак, рост пашни и посевов прекращается к концу XIX века в центральных районах, как в нечерноземной, так равно и в черноземной полосе и продолжается лишь на окраинах: северо-восточных и юго-восточных, где еще сохранился к этому времени некоторый земельный простор.

В перенаселенных районах земледельческого центра и восточной Малороссии посевы даже идут слегка на убыль, несмотря на то, что земледельческое население в этих районах росло очень быстро. В мирный период XX века, при более благоприятной экономической конъюнктуре дальнейшее

падение посевной площади в этих районах прекращается, но более или менее значительный рост их происходит только на окраинах.

Посевные площади в тыс. дес, в пределах Р.С.Ф.С.Р. (с кормовыми травами и свекловицей [1]).

Европейская Россия.

Районы.	1901—5 г.г.	1913 г.	Изменение в % (+или—).
Нечерноземная полоса.			
Запад. (Белорусский)	3754	4002	+ 7
Центр. Приозерный	1840	1826	— 1
Центр.-Промышленный . .	4263	4138	— 3
Всего . .	6103	5966	— 2
Северо-Восток. Северный	708	740	+ 5
Приуральск. . . .	5901	5557	+ 9
Всего . .	5799	6297	+ 9
Итого нечернозем. п.	15656	16261	+ 4
Черноземная полоса.			
Запад. Юго-западный район. вост. Малороссия	10459	11072	+ 6
Центр. Центр. Землед.	10760	11106	+ 3
Средне-Волжск.	9985	10909	+ 9
Всего Центр. . .	20745	22015	+ 6
Юго-Восток. Новороссийский . .	13581	15454	+14
Нижне-Волжский . .	4315	5284	+22
Всего Юго-Восток . .	17896	20738	+16
Итого Черноз. п. . .	49100	53825	+10
Всего Европейск. Росс. . .	64756	70086	+ 8

Азиатская Россия.

Северный Кавказ	4710	7194	+53
Сибирь	3413	6163	+80
Степной Край	2870	4598	+60
Итого Азиатск. Росс. . .	10993	17955	+63
Всего Р.С.Ф.С.Р. . .	75749	88041	+16

[1]) Площадь кормовых трав взята за 1901 и 1912 г.г. за отсутствием ежегодных данных; по Азиатской России в 1913 г. взяты цифры 1916 г.

В нечерноземной полосе небольшой прирост (5—7%) дают окраинные районы: Белорусский, Северный и Приуральский; промышленные подстоличные районы дают убыль, как и в конце XIX века. Эта убыль об'ясняется уходом сельских жителей в столицы и на пригородные фабрики и переходом оставшихся в деревне на кустарные и отхожие промыслы, как более выгодные.

Все районы черноземной полосы дали прирост посевных площадей, но проценты прироста чрезвычайно варьируют по направлению с запада на восток. Западные и центральные районы увеличили свои посевы всего на 6%, причем Центрально-земледельческий дал прирост только на 3%, украинские—на 6%, средне-волжский на 9%. Чем дальше на юг и восток, тем прирост посевов становится все значительнее: в Новороссии он равен 14%, в Низовом Поволжьи—22%; в районах третьего пояса колонизации—на северном Кавказе, в Степном Крае и Сибири расширение посевных площадей достигает огромных размеров—от 53% до 80%, т.-е. от 5 до 8% ежегодно, опережая значительно рост населения.

Отсюда можно сделать общий вывод: с конца XIX века расширение посевов, останавливаясь на западе и востоке, происходит преимущественно в пределах юго-восточных районов Европейской России и в Азиатской, постепенно продвигаясь все далее и далее на редко населенные окраины, которые становятся главными центрами *экстенсивного* зернового земледелия. В самом деле: в 1913 году на всей территории Р.С.Ф.С.Р. (кроме Закавказья и Туркестана) оказалось круглым счетом 88 мил. дес. посевов всех культур. Из них находилось:

В нечерноземной полосе	16,3	мил. дес.
„ черноз. в запад. р.	11,0	„ „
цент. землед.	11,1	„ „
средне-волж.	10,9	„ „
юго-восточн.	20,7	„ „
В Азиатской России	18,0	„ „

В территорию засушливого юго-востока ученые почвоведы включают в настоящее время значительную часть средне-волжского района. Если принять их взгляды и посчитать общую площадь зерновых посевов в среднем Поволжьи, на юго-востоке Европейской и в Азиатской России, то окажется, что в 1913 г. она равнялась 49,6 мил. дес. *или 56% всей* посевной площади Р.С.Ф.С.Р. Это была, поистине, хлебная житница не только России, а и Западной Европы, тем более важная, что земледелие здесь носило гораздо более „товарный" характер, чем в западных и центральных районах.

В самом деле, если мы разделим посевные площади на сельское население [1]), то получим такие относительные величины:

---

[1]) Население взято по данным 1916 г.

На 100 душ сельского населения приходилось всего десятин посева 1913 г.

Нечерноземная полоса.

Запад	67
Центр	47
Северо-Восток	71

Черноземная полоса.

Запад	70
Центр	82
Юго-восток	148
Северный Кавказ	147
Сибирь	80
Степной край	76
Вся Р. С. Ф. С. Р.	86

Эта табличка довольно отчетливо вскрывает хозяйственный тип каждой группы районов. Нормально, при преобладающих в России системах земледелия, можно грубо принять, что среднее крестьянское хозяйство *потребительского типа* для удовлетворения своих потребностей (включая сюда и натуральные и денежные расходы) должно засевать около 0,5—0,7 десят. на душу обоего пола. Если мы согласимся с этой нормой, то области с преобладающим земледельческим хозяйством потребительского типа будут в нечерноземной полосе — западная и северо-восточная, в черноземной — западная, а близкой к этой норме оказались — земледельческий центр и Сибирь (последняя в границах после революционного периода). Степной Край должен быть отсюда исключен, так как здесь тип хозяйства смешанный: половина населения—русские (переселенцы, казаки) являются, преимущественно, земледельцами *„товарного" типа*, другая половина—туземцы—киргизы сеют очень мало, занимаясь, главным образом, скотоводством.

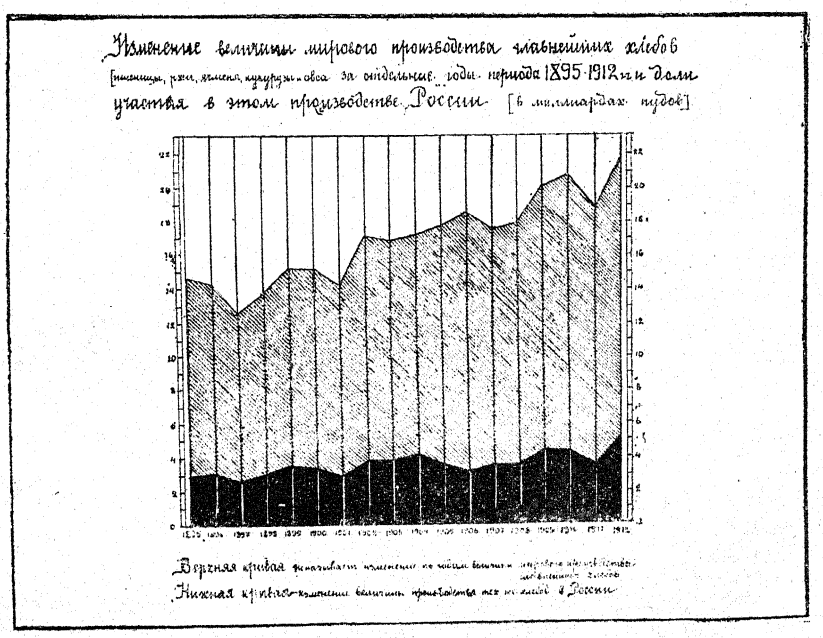
За пределами этой средней оказывается: 1) промышленный центр нечерноземной полосы, где посевы сельского населения значительно *ниже* средней нормы: это область—единственная в Европейской России, где у сельского населения промыслы играют чрезвычайно важную роль; 2) юго-восток и Северный Кавказ, где господствует *товарный тип* земледельческого хозяйства, и где посевные площади *вдвое* превосходят нормы хозяйств потребительского типа.

Таким образом, судя по этим данным, западные и центральные области Европейской России при *экстенсивных* системах земледелия явились бы областями исключительно преобладания хозяйства *потребительского типа*. Но дело в том, что в XX веке эти области все быстрее и быстрее начинают переходить к *интенсификации* земледелия, что отчетливо видно на динамике *пропорции* земледельческих культур в посевах.

Пропорция культур в посевах.

Разделим все культуры на 5 групп: зерновые хлеба (рожь, пшеница, ячмень, овес, гречиха, просо, кукуруза), корнеплоды (свекла, картофель),

Валовые сборы
зерновых хлебов с картофелем в переводе на зерно
в С.С.Р.Р.
в 1901-1905, 1913, 1916 и 1921 годы
(в тысячах пудов)
1901-1905 г.
1913 г.
1916 г.
1921 г.
Масштаб
3504272,6
4934267,1
3533655,1
1659452,7


Уменьшение величины мирового производства главнейших хлебов
(пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы и овса) за отдельные годы периода 1895-1912 гг. и доли
участия в этом производстве России (в миллиардах пудов)
Верхняя кривая показывает изменение во всей величине мирового производства
Нижняя кривая-изменение величины производства тех же хлебов в России

масличные (лен, конопля, подсолнух) и кормовые травы, и посмотрим, как эволюционировали эти группы по указанным областям России до войны в XX века.

На 100 дес. всего посева приходилось:

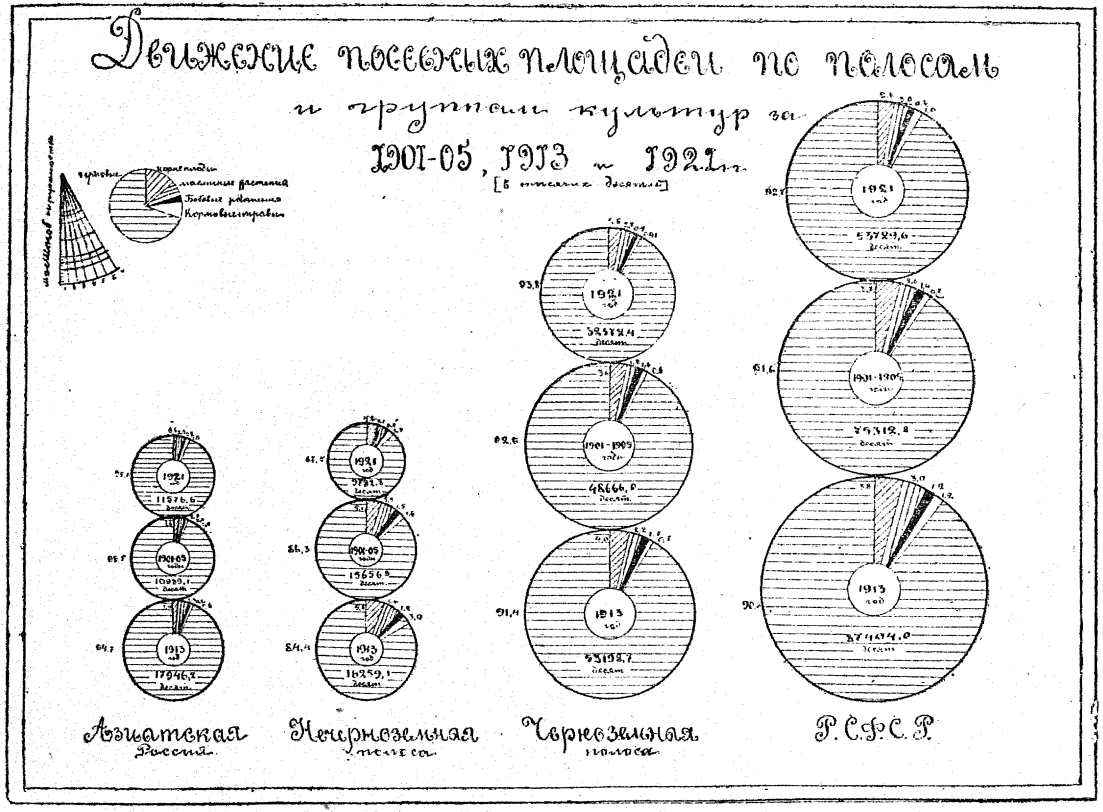
	Зерновых культур		Корнеплодов.		Масличных.		Бобовых.		Кормовых трав.	
	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.
Нечерноземн. полоса.										
Запад. (Белорус.) . .	80,9	76,5	8,8	10,7	5,6	6,5	1,7	1,2	3,0	5,1
Центр	82,9	80,2	6,3	7,3	6,9	7,4	1,4	1,1	2,5	4,0
Северо-Восток . . .	93,3	93,3	1,5	1,3	3,7	3,5	1,4	1,2	0,1	0,7
Итого нечернозем.	86,3	84,4	5,1	5,8	5,5	5,6	1,5	1,2	1,6	3,0
Черноземная полоса.										
Запад	87,8	85,8	7,0	8,1	2,0	1,6	2,0	2 5	1,2	2,0
Центр	90,6	88,5	4,0	4,5	2,5	3,9	2,5	2,5	0,4	0,6
Юго-восток	97,4	97,4	1,2	1,4	0,9	0,6	0,4	0,2	0,1	0,4
Итого черноз. пол.	92,5	91,4	3,6	4,0	1,8	2,2	1,6	1,7	0,5	0,7
Всего Европ. Рос. .	91,0	89,7	3,9	4,4	2,6	3,0	1,7	1,5	0,8	1,4
Азиатская Россия.										
Сев. Кавказ	95,0	93,1	1,8	1,1	2,6	4,8	0,1	0,0	0,5	1,0
Сибирь	94,5	95,3	1,9	1,8	2,7	1,9	0,5	0,4	0,4	0,6
Степной Край . . .	96,6	96,2	1,1	1,3	1,8	2,2	0,5	0,2	0,1	0,1
Итого Азиат. Рос. .	95,3	94,7	1,6	1,4	2,3	3,1	0,4	0,2	0,4	0,6
Всего Р.С.Ф.С.Р. .	91,6	90,8	3,7	3,8	2,6	3,0	1,4	1,2	0,7	1,2

Интересно сопоставить нашу пропорцию культур с таковой же некоторых Европейских государств.

На 100 дес. посева.

Государства.	Зерновых хлебов и бобовых.	Корнеплодов.	Масличных и промышленных растений.	Кормовых трав.
Великобритания (1901—5 г.)с бобовыми	47,3	18,5	0,3	33,9
Германия (1900 г.)	68,5	19,6	0,8	11,1
Франция (1892 г.)	66,1	7,8	4,3	17,8 [1])
Соед. Штаты (1900 г.)	69,8	1,8	10,5 (хлопок)	17,5

[1]) Таблица составлена по Дену, т. к. по новейшим материалам нет сведений о посевах кормовых трав.


Движение посевных площадей по полосам
и группам культур за
1901-05, 1913 и 1921 гг.
[в тысячах десятин]
Азиатская
Россия
Нечерноземная
полоса
Черноземная
полоса
Р.С.Ф.С.Р.

Это сопоставление дает нам возможность отметить, прежде всего, что ни в одной из стран Европейской культуры, даже с экстенсивным земледелием, как напр. в Соед. Штатах, процент посевов зерновых культур не оказывается таким высоким, как в России. В нынешней России, в самом, интенсивном районе — Белорусском и в том мы имели в 1913 г. — 76,5%. т. е. более $^3/_4$ посевной площади под зерновыми хлебами, между тем, как в европейских странах процент зерновых хлебов нигде не достигает 70% Во всей же России он в 1913 г. превышал $^9/_{10}$ всей площади посевов.

Из прочих культур в странах интенсивного земледелия западной Европы на первом месте выдвигаются корнеплоды (за исключением Франции). У нас также они играют после зерновых хлебов первенствующую роль на северо- и юго-западе и в нечерноземном центре. В нечерноземной полосе и в черноземном центре вслед за ними выдвигаются *масличные*—в первой—лен, во второй—конопля. Быстрый рост масличных мы отмечаем также на Северном Кавказе — но это уже третья культура — подсолнух. В Европе масличные, как видно, не играли до войны мало мальски заметной роли. Но один из важнейших дефектов русских систем земледелия—это ничтожное развитие посевов *кормовых трав*, которые даже в Соединенных Штатах занимали 17,5% посевной площади, а у нас максимум (в Белоруссии) 5,1%, по всей же России немногим более одной сотой доли. Ничтожному распространению кормовых трав, которые в Англии покрывают *третью часть* посевов, мы обязаны быстрым истощением почвы и упадком скотоводства.

Итак, гипертрофия зерновых культур, высокий относительно процент масличных и эмбриональное состояние полевого травосеяния—вот основные черты отличающие наши севообороты от западно-европейских. Правда, с течением времени, мы видим, что и у нас происходила до войны заметная эволюция в сторону интенсификации в районах запада и центра Европейской России, причем в каждом районе начал формироваться свой *тип* севооборота, своя система земледельческого хозяйства. Так в Белорусском районе развивалось преимущественно производство *картофеля*, как нигде в других районах России; из зерновых хлебов здесь преобладали рожь и овес. Эти три культуры занимали до 75% всей площади и применительно к системе проф. Фортунатова (классификация по трем — четырем главным культурам) Белорусский район следует назвать *ржано-овсяно-картофельным*.

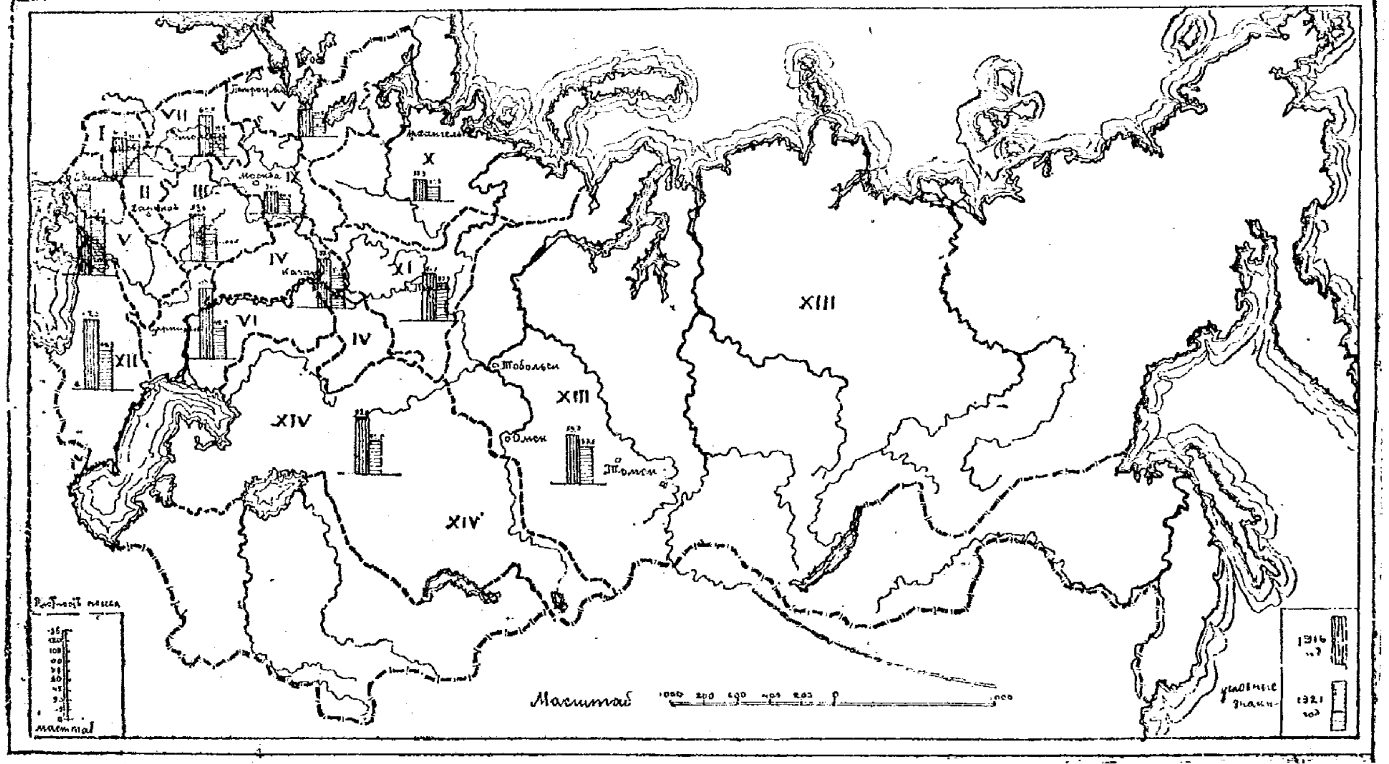
В следующем по направлению с запада на восток Приозерном, пропорция ржи одинакова с Белорусским (46% и 46%), но пропорция овса выше (30% против 21%); на 3-ем месте здесь стоят в одинаковой пропорции (8%) лен и ячмень, так что этот район характеризуется, как *ржано овсяно-льняной и ячменный*. Процент льна здесь максимальный в России.

В Московско-промышленном районе процент ржи и овса одинаков с приозерным; но на третьем месте стоит не лен, а картофель, на четвертом—лен. Это значит район—*ржано-овсяно-картофельный-льняной*.

Северный район, по той же самой системе надо назвать *ржано-овсяно-ячменным*. Здесь пропорция ячменя—максимальная в нечерноземной полосе (16%). Наконец, Приуральский раион отличается уже некоторым развитием посевов пшеницы: это будет *ржано-овсяно-пшеничный*.

На 100 душ населения приходилось десятин посева без кормовых трав и свеклосемян

I - Юго-западный, Малороссийский
II - Ц. Земледельческий
III - Ц. Промышленный
IV - Ср. Волжский
V - Новороссийский
VI - Н. Волжский
VII - Белорусский
VIII - Прибалтийский
IX - Ц. Промышленный
X - Северный
XI - Предуральский
XII - Север Кавказа
XIII - Сибирь
XIV - Степной край



границы районов
границы РСФСР

В черноземной полосе несколько иные соотношения. Западно-Украинские районы отличаются большим разнообразием культур. Чтобы их охарактеризовать, надо назвать целых 7 растений: рожь (26,5%), пшеницу озимую (11,5%), пшеницу яровую (14,0%), овес (15,6%), ячмень и, наконец, сахарную свеклу (4%) наряду с гречихой (5,6%). Эта область первая в России по пропорции посевов сахарной свеклы.

В центрально-земледельческом районе пропорция культур гораздо более однообразна: рожь и овес здесь занимают такое же почти пространство, как в промышленном центре (68%). Но на третьем месте стоит новая культура—просо (7,2%). Из прочих промышленных культур выдающееся место занимает конопля. Это *центр* производства конопли в России. Таким образом центрально-земледельческий район можно охарактеризовать как *ржано-овсяно-просяно-конопляный*.

Средне-Волжский район экстенсивнее: в нем после обычных ржи и овса занимающих здесь уже только 65%, на третьем место выдвигается яровая пшеница. Этот район по типу соответствует южной части Приуралья Выдающихся интенсивных культур здесь нет совсем.

Все перечисленные выше районы в XX веке выказали довольно заметную тенденцию к интенсификации, за исключением северо-востока. Как видно из предыдущей таблицы, пропорция зерновых культур здесь сократилась за 10 лет приблизительно на 3—4%. В остальных районах пропорция зерновых культур или не сократилась совсем (за исключением Сев. Кавказа) или даже выросла (в Сибири). Это—районы безудержного развития чистого зернового полеводства; но каждый из них и в этом отношении отличается своими особыми чертами.

Так в Новороссии на первом плане стоит пшеница (яровая и озимая), занимавшая в 1913 г. здесь больше места, чем на севере рожь (39,4% яровая пшеница, 9,4% озимая 39,4% всего 48,8%). На втором месте, также резко выдаваясь из всех других районов, стоит ячмень (30%). Этот район поэтому следует охарактеризовать лишь *двумя культурами как пшенично-ячменный*.

Нижне-Волжский район—царство яровой пшеницы (60,6%; на втором месте, далеко ей уступая, стоит рожь (22,8%). Следовательно это—*пшенично-ржаной район*, хотя точнее его следовало бы назвать только пшеничным.

На Сев. Кавказе опять свои особенности. Здесь на первом месте стоит не яровая, а озимая пшеница (35,4%), на втором — ячмень (22,3%, на третьем—яровая пшеница (22,5%). Из остальных культур выдающееся значение имеет *подсолнух*, распространенный больше, чем во всех других районах (4%), а также кукуруза (4,5%). Таким образом, это—*пшенично-ячменно-кукурузно-подсолнечный район*.

В Сибири пропорция культур — всего однотоннее: на первом месте пшеница (45,5%), на втором—овес—28,4, на третьем, далеко отступая назад (11,3%)—рожь. С натяжкой Сибирь характеризуется, как *пшенично овсяно-ржаная* область. Наконец, Степной край, как и Нижнее Поволжье—царство яровой пшеницы (65%). Все остальные культуры, и даже неизменный овес, отходят на второй план (13,9%).

Такова характеристика севооборотов отдельных районов. Как видно

из нее, почти каждый район имеет свое собственное земледельческое „лицо“ Это лицо, однако, не вечно: оно меняется в центральных и западных районах в сторону распространения более *интенсивных* культур и следовательно в сторону большого их *разнообразия*, а в районах юго-востока и востока — наоборот, в сторону усиленного развития одной *много—двух*, большею частью зерновых *экстенсивных* культур, имеющих преимущественно *рыночное* значение. Эти области—„пшеничные“ фабрики, как увидим дальше, заметно истощившие почву и подготовлявшие тот крах естественных рессурсов природы, который разразился здесь в 1921 г.

Итак, до мировой войны земледелие в различных областях и районах России, развиваясь вообще, двигалось различными путями: в западных и некоторых центральных районах, где (за исключением среднего Поволжья) оно вступило на путь интенсификации, а в южных и восточных — эволюции экстенсивного зернового хозяйства, пройденный уже в густо населенных областях. Но мировая война и особенно гражданская заставили все области России сойти с этих путей и отбросили их назад к *зерновому хозяйству потребительского типа*.

Это видно, прежде всего, по соотношению между посевами и сельским населением. Выше мы говорили, что в хозяйствах потребительского типа на 100 душ приходится от 50 до 70 дес. Применяя эту норму к плотности посевов в 1913 г., мы увидели, что все западные районы и часть центральных относились к районам с преобладанием хозяйств потребительского типа, юго-восточные представляли резко выраженный „товарный“ тип. К 1921 году эта разница между районами чрезвычайно сгладилась: во всех районах оказалось преобладание хозяйств потребительского типа.

На 100 душ сельского населения приходилось десятин посева (без кормовых трав и свекловицы).

Районы.	1916 г.	1921 г.
Нечерноземная полоса.		
Белорусский	62,7	39,5
Приозерный	42,8	29,7
Центр-промышленный	34,9	24,4
Северный	37,3	25,2
Приуральский	74,5	53,3
Всего нечернозем. полоса	52,3	35,7
Черноземная полоса.		
Украина	60,3	56,2
Центр-землед.	73,8	40,6
Средне-Волжский	77,4	51,9
Новороссийский	133,6	91,7
Нижне-Волжский	113,4	48,9
Итого черноземная полоса	73,8	50,0

Азиатская Россия.

Север. Кавказ	112,0	68,3
Сибирь	79,3	57,5
Степной край	92,9	55,0
Итого Аз. Россия	92,2	59,3
Всего Р.С.Ф.С.Р.	77,1	51,8

В нечерноземной полосе в 1921 г. не оказалось ни одного района (кроме Приуралья), в котором средняя плотность посева доходила бы до 0,5 дес. на душу—минимальной нормы потребительского хозяйства: большинство районов дают вдвое меньшую цифру. В общем, по нечерноземной полосе средняя плотность упала в $1^1/_2$ раза.

На такую же, приблизительно, величину сократилась она и в черноземной полосе, где более или менее товарный характер земледелия сохранился только в Новороссии, в которой после голода 1921 г. он, несомненно, также исчезнет. Другой товарный район—северный-Кавказ сократил посевную норму вдвое и еще до голодовки этого года приблизился к потребительской В Сибири и Киргизии также стала господствующей норма потребительского типа. И таким образом, к 1922 г., можно смело сказать, что вся земледельческая Россия нивеллировалась в сторону преобладания хозяйств *потребительского типа.*

Этот потребительский характер земледелия не мог не отразиться на пропорции культур в посевах. Для того, чтобы не загромождать наших очерков цифрами, приведем соответствующие данные только по полосам.

На 100 десятин посева приходилось [*]).

Культуры.	Нечерноз. полоса.			Черноз. полоса.			Азиат. Россия.			Вся Р.С.Ф.С.Р.		
	1913 г.	1917 г.	1921 г.	1913 г.	1917 г.	1921 г.	1913 г.	1917 г.	1921 г.	1913 г.	1917 г.	1921 г.
Рожь озимая	43,6	40,3	45,5	28,1	30,4	33,6	6,6	4,1	4,6	26,6	26,2	29,5
Пшен. „	0,2	0,3	0,3	5,2	8,3	7,2	14,3	11,3	12,7	6,2	7,6	7,1
Рожь яровая	0,6	0,4	0,5	6,1	0,3	0,2	2,2	1,8	2,4	0,6	0,6	0,7
Пшен. „	4,7	4,8	5,2	24,7	17,3	13,8	39,4	43,9	44,0	24,0	21,2	18,8
Овес	29,0	30,7	28,8	14,7	16,0	12,4	15,6	18,8	17,5	17,5	19,2	16,4
Ячмень	6,9	7,6	7,0	12,4	12,3	12,3	10,4	9,8	7,8	11,1	10,9	10 4
Гречиха	1,9	2,2	1,9	2,7	3,1	4,0	0,3	0,3	0,5	2,0	2 3	2,9
Просо	0,1	0,2	0,9	4,2	4,8	8,7	4,4	3,8	3.4	3,5	3,8	6.1
Кукуруза	—	—	—	1,0	1,2	1,7	1,7	1,7	3.0	1,0	1 1	1,7
Горох	1,0	1.7	0,8	1,0	0,4	0,4	0,2	0,2	0,2	0,8	0,4	0,4
Картофель	6,0	5,6	4,8	3,0	2,6	2.6	1,4	1,0	1,0	3.8	2,8	2,6
Чечевица	0,1	0,2	0,1	0.7	0,6	0,4	—	—	—	0,5	0,4	0.3
Лен	5,3	6,4	4,0	0.4	0,4	0,5	1,1	0,8	0,9	1.4	1,5	1,3
Конопля	0,6	0,6	0,2	0,8	0,3	0,5	0,4	0,4	0,5	0,7	0,6	0,5
Подсолнух	—	—	—	1,0	1,5	1,7	1,5	2,1	1,5	0,9	1,4	1,4

*) Без кормовых трав и свекловицы, по которым не было данных за 1920—21 гг.

На этой таблице наиболее ясно выступают следующие перемещения в пропорции культур:

1) Во всех полосах Европейской и Азиатской России за 1917—21 г.г. заметнее всего поднялась доля ржаных посевов: если бы мы могли привести порайонные данные—мы убедились бы, что это явление наблюдается решительно во всех районах. В некоторых районах, напр. в Центрально-промышленном, рожь захватила 55% всей посевной площади, в Центрально-земледельческом 52%, в Средне-Волжском 55%.

2) С пшеницей, особенно яровой, в черноземной полосе произошло обратное явление: посевы яровой пшеницы наиболее сильно упали в средне-Волжском районе с 15,7% в 1913 г. до 6% в 1921 г., в Новороссии с 39,1% до 26%, и в Нижне Волжском с 60,6% до 37,8%, т. е. в районах товарного земледелия, где пшеница являлась главным продажным хлебом. Заметно также упали посевы овса в наиболее овсяном районе черноземной полосы—центрально-земледельческом—с 27% до 15%. В нечерноземной полосе площади под овсом наиболее сократились в центрально-промышленном районе. Более других устояла, относительно, культура ячменя, господствовавшая в наиболее сохранившемся Новороссийском районе.

3) Из прочих культур в черноземной полосе сильно выросли относительно посевы *проса*, как более засухо-устойчивого злака, требующего к тому же немного семян для посева. По этим же причинам несколько раздвинулась площадь кукурузы: но все остальные интенсивные культуры дали понижение; и таким образом, за период войны и революции в земледелии России мы наблюдаем отход назад.

Итак, за последний период несомненно произошла *натурализация и экстенсификация* земледельческого хозяйства России.

Динамика посевов, урожаев и сборов отдельных культур.

Обратимся теперь к движению посевных площадей, урожаев и сборов по отдельным культурам. Этот анализ произведем по группам культур, установленных выше.

А) *Группа зерновых хлебов.* Эта группа, как мы видели, занимала в 1901—05 г.г. почти 92% всей посевной площади; к 1913 г. ее значение немного сократилось (на 1,8%), к настоящему моменту опять повысилось. В начале XX века на первом месте в этой группе стояла рожь (30,1%) по всей, РСФСР на втором—пшеница (яровая и озимая вместе)—26,5%; в 1913 г. на первом месте встала уже *пшеница* (30,2% против 26,6% ржи), к 1921 г. рожь опять выдвинулась на первое место (29,5% против 25,9% пшеницы); таким образом, соотношение двух главных культур в 1921 году оказалось тождественным с соотношением их в конце XIX и в самом начале XX века. Принимая по всей РСФСР абсолютные площади каждой культуры в 1913 г. за 100, мы получаем такие изменения площадей этих культур на протяжении XX века:

	Рожь озимая.	Пшеница озимая.	Пшеница яровая.
1901—05 г.г.	98	82	75
1906—10 „	97	87	85
1913 „	100	100	100
1916 „	89	109	83
1917 „	90	112	81
1920 „	72	73	66
1921 „	68	71	48

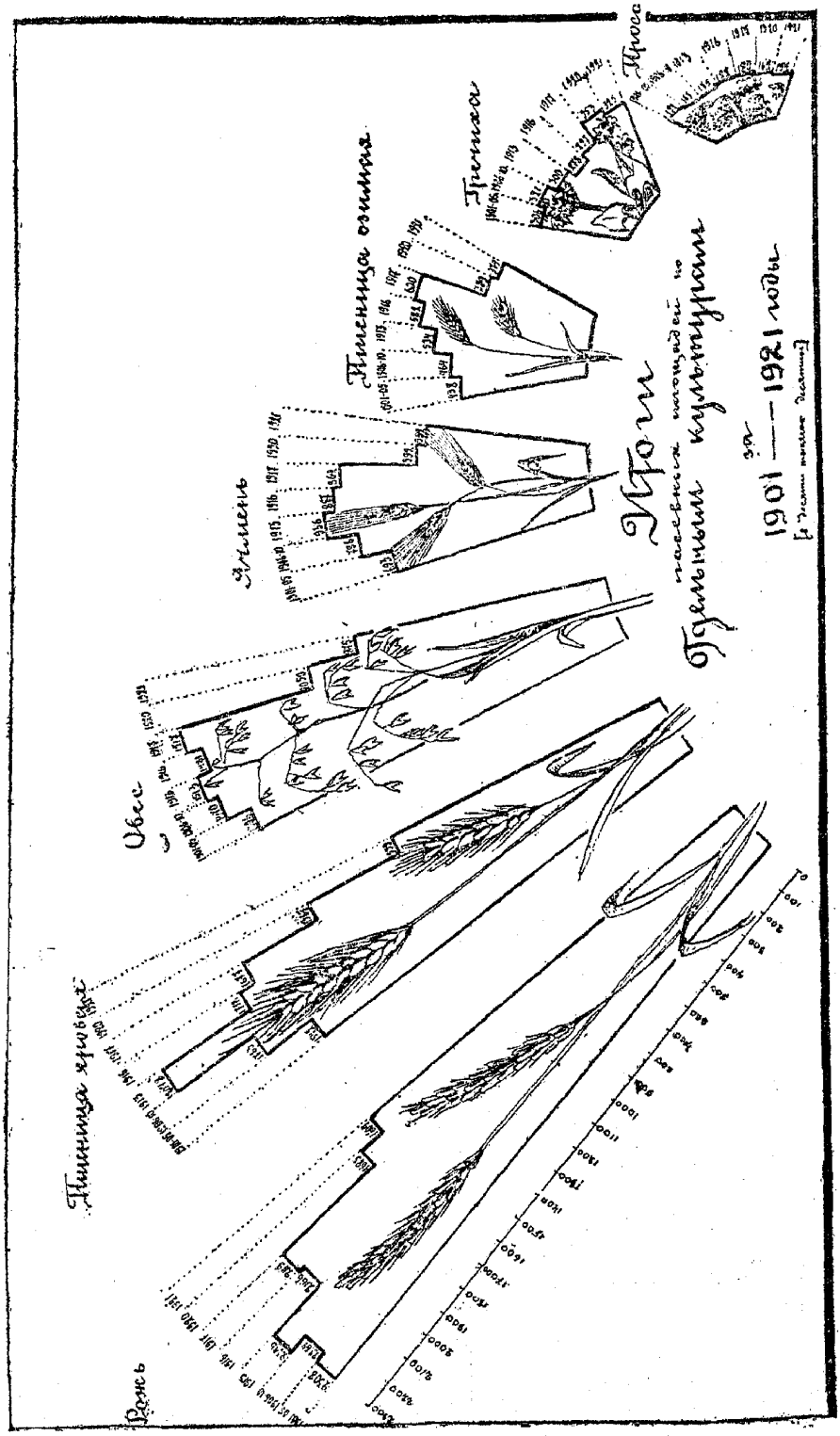
Наиболее резкий под'ем в довоенный период и наиболее сильное падение в послевоенный испытали посевы яровой пшеницы. Посевы ржи до 1913 г. абсолютно почти не поднялись, но зато после этого года упали всего лишь на $^1/_3$. Площадь озимой пшеницы росла и во время мировой войны; и лишь при гражданской сильно упала. Это дает надежду на возможность довольно быстрого ее возрождения, поскольку она базируется на территории наименее пострадавшей Украины.

Еще более, чем посевные площади, сократились валовые сборы этих хлебов, благодаря падению урожаев. Средние урожаи по всей Р.С.Ф.С.Р. за последние годы равнялись:

В пудах с одной десятины.

Годы.	Ржи озимой.	Пшеницы озимой.	Пшеницы яровой.
1911—15 гг.	59	66	47
1916 „	63	68	49
1917 „	43	50	40
1918 „	41	38	33
1919 „	39	41	39
1920 „	29	26	23
1921 „	33	25	26

Цифры 1921 г., выведенные по балловой оценке видов на урожай, должны быть сильно понижены после выяснения фактического неурожая. Но до сих пор точных сведений мы не имеем. Во всяком случае по пшенице они должны быть значительно ниже 1920 г. Если принять в расчет эту поправку, мы получим картину систематического падения урожаев с 1916 г. (исключение по пшенице представляет 1919 г.), которое зависит не только от влияния климатических факторов, но и от систематического ухудшения обработки полей, благодаря недостатку скота, инвентаря, семян и гражданской войне. Впрочем, нельзя отрицать и того, что показания крестьян об урожае значительно понижены против действительности в последнее время, ибо теперь они имеют большое фискальное значение в виду существования продналога. По отдельным районам процент падения урожаев в последнее пятилетие 1916—20 г.г. сравнительно с предыдущим составляет (принимая урожай 1911—15 г.г. за 100):


Урожаи
основных культур
за
1901 — 1921 годы
Пшеница яровая
Овес
Ячмень
Пшеница озимая
Гречиха
Просо
Рожь

Районы.	Рожь.	Пшеница.
Белорусский	71	82
Приозерный	88	85
Центр.-пром.	83	80
Северный	94	77
Приуральский	81	79
Всего нечерн. полоса	80	87
Черноземная полоса.		
Юго-западный	88	—
Московский	77	72
Центр.-земл.	78	74
Средне-Волж.	76	68
Новороссийский	77	82
Нижне-Волж.	62	50
Всего черноз. полоса	75	68
Азиатская Россия.		
Сибирь	78	106
Сев. Кавказ	75	75
Степной край	111	79
Итого по Аз. России	96	91
Всего Р.С.Ф.С.Р.	78	79

Таким образом, урожаи ржи и пшеницы понизились по всей территории Р.С.Ф.С.Р. почти на одинаковую величину—21—22%. Максимальное падение урожаев пшеницы наблюдалось в средне и нижне-волжском районах; ржи—в нижне-волжском. Заметное понижение (на 25%) мы видим также на Сев. Кавказе. Следовательно, на юго-востоке обнаружилась деградация земледелия еще до голодного 1921 года., что свидетельствует о вступлении его в полосу боле е или менее длительного аграрного кризиса.

Пшеница и рожь принадлежат к *продовольственным зерновым* хлебам, Следующая по площади подгруппа—*кормовых хлебов*—овса и ячменя. До мировой войны относительное значение этих культур изменялось в тех же направлениях, как ржи и пшеницы: пропорция посевов овса падает с 18,6% в 1901—5 г. до 17,5% в 1913 г. (ячменя—возрастает) с 9,3% до 11.1%· благодаря тому, что ячмень, посевы которого сосредоточивались в Новороссийском районе—районе товарного хлебного производства, вывозился, как концентрированный корм, в возростающем количестве в Германию. Во время мировой и особенно гражданской войны, посевные площади обеих культур, уступая свое место продовольственным и отчасти крупным хлебам (просо) начали падать особенно сильно.

Общее движение посевных площадей овса и ячменя в XX веке выражается такими цифрами (если принять площадь 1913 г. за 100):

Посевы.

Годы.	Овса.	Ячменя.
1901—05 г.г.	92	73
1906—10 „	97	83
1913 „	100	100
1916 „	98	93
1917 „	80	90
1920 „	69	62
1921 „	58	58

Рост посевной площади ячменя в 1913 г. был заметнее и сокращение ее выявилось позднее, чем овса, именно во время гражданской войны. Но в конце концов, относительная убыль посевов обеих культур в 1921 года сравнялась. Урожайность этих хлебов по 5-летиям в XX веке характеризуется следующими цифрами:

Годы.	Овес.	Ячмень.
1901—05	49	51
1906—10	50	51
1911—15	58	57
1916—20	45	38

Процентное отношение урожаев последнего пятилетия (1916—20 г.г.) к предыдущему (1911—15), принятому за 100 (78 и 67) показывает, что урожаи ячменя понизились на большую величину, чем овса. Значительная часть посевов овса сосредоточена в нечерноземной полосе и в Сибири, где падение урожаев вообще было менее заметно.

В итоге изменение урожаев 4-х главных хлебов за последние 5 лет дало такую картину:

Урожаи в пудах на 1 дес.

	Рожь озимая.		Пшеница яров.		Овса.		Ячменя.	
	1911—15 г.	1916—20 г.	1911—15 г.	1916—20 г.	1911—15 г.	1916—20 г.	1911—15 г.	1916—20 г.
Нечерн. пол.	56	45	54	47	54	43	56	42
Черноз. „	54	40	48	33	57	41	56	37
Сибирь	54	42	50	53	56	58	54	55

Последствия аграрного кризиса и ухудшения обработки полей, истощенных безудержной распашкой предыдущих годов, отразились на урожаях черноземной полосы гораздо резче, чем на нечерноземной. В Сибири урожайность некоторых хлебов даже поднялась под влиянием ряда благоприятных лет. Но уже в 1920 г. здесь наблюдался поворот к резкому ухудшению.

Изменения совершенно другого характера произошли с третьей категорией зерновых хлебов—*крупяных*—гречихи и проса, посевы которых заметно падавшие до мировой войны, стали в последние годы, наоборот,

сильно возрастать, в особенности проса, площадь которого увеличилась даже абсолютно:

Принимая площадь 1913 г. за 100, получаем:

Площадь посева гречихи и проса в XX веке.

Годы.	Гречиха.	Просо.
1901—05	109	102
1906—10	101	107
1913	100	100
1916	104	93
1917	103	99
1920	97	117
1921	87	108

В 1920 г. площадь посевов проса оказалась и максимальной на протяжении всего XX века. Об'ясняется это, повидимому, двумя причинами: 1) недостатком семян у населения: просо требует для посева семян в 4—8 раз меньше, чем остальные зерновые хлеба, 2) засухо-устойчивостью этой культуры, сосредоточенной почти целиком в черноземной полосе (3 мил. дес. из $3^1/_2$ мил. по всей Р.С.Ф.С.Р. в 1920 г.). Урожайность обеих культур понизилась за последнее 5-летие значительно меньше, чем остальных хлебов

Урожай на 1 дес. в пудах.

Годы.	Гречихи.	Просо.
1901—05	29	44
1906—10	32	46
1911—15	39	51
1916—20	34	42
% 1916—20 к 1911—15	87	83

В 1922 году можно ожидать дальнейшего расширения посевов проса на голодающем юго-востоке, или, по крайней мере, меньшего сокращения площади, чем по другим культурам. Поэтому надо думать, что эта полезная для засушливых районов культура, укрепит здесь завоеванные позиции на долгое время.

Таковы изменения посевных площадей и урожаев трех категорий группы зерновых хлебов. Из приведенных данных видно, что за время войны и революции наиболее сократились посевы и больше всего упали урожаи ячменя—одного из главнейших экспортных хлебов за границу, затем овса, пшеницы; меньше всего сокращение коснулось ржи и гречихи, а площадь посевов проса даже возросла. Как мы уже говорили, такие перемещения характеризуют процесс *натурализации* крестьянского хозяйства. С этой стороны интересно сопоставить данные о валовых сборах в Р.С.Ф.С.Р. и в остальном мире за 1913 и 1920 г.г. (последние взяты из сборника статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств. Изд. ЦСУ т. IX в. I).

Валовые сборы.

	В Р. С. Ф. С. Р. (в мил. пуд.)*). 1913 г.	1920 г.	Сокращение в %.	Мировые (в мил. квинталов.) 1913 г.	1920 г.	Сокращение в %.
Пшеница	1456	357	75	739	712	4
Рожь	1281	533	58	173	104	40
Овес	922	361	61	532	473	11
Ячмень	629	135	79	164	132**)	19

Отсюда видно, что в России больше всего упали сборы пшеницы и ячменя, а за границей, главным образом, ржи и отчасти—ячменя. На третьем месте и у нас, и за границей по степени падения стоит овес. Максимум падения сборов ржи за границей упал на Германию, где в 1913 г. собиралось 122 милл. квинталов с площади 6,4 милл. гектаров, а в 1920 г. только 50 милл. квинт. с площади в 4,3 милл. гект. Германия до войны сосредоточивала у себя более $^2/_3$ всего заграничного производства ржи. Во время войны и блокады она потеряла возможность ввоза искусственных удобрений из Америки, на которых держалась высокая урожайность германского земледелия—вот почему мы видим, что при небольшом, сравнительно, сокращении посевов, в силу падения урожайности, сборы главнейшей из зерновых культур Германии—ржи упали на 59% т.-е. также сильно, как и в России. Сокращение сборов ячменя за границей обнаружилось сильнее всего опять таки в Германии (37 милл. квинт. в 1913 г. и 18 мил. в 1920 г.) и в Венгрии (18 мил. и 4 мил.). Судя по этим цифрам, мы могли бы на ближайшие годы, по восстановлении нашего земледелия, расчитывать на экспорт ржи и особенно ячменя в Германию.

б) Группа корнеплодов.

Две основные культуры полевых корнеплодов—картофель и сахарная свекловица, с экономической точки зрения, имеют двоякого рода значение: культура картофеля только в некоторых районах приобрела товарный характер—именно в тех, в которых развилось винокурение и крахмально-паточная промышленность, в Белоруссии и в промышленном центре, а также в отдельных губерниях земледельческого центра и северной Украины. В этих районах рост посевных площадей картофеля до войны характеризовался следующими цифрами (в тыс. дес.).

Посевы картофеля в тыс. дес.

Районы	1901—5 г.	1906—10 г.	1913 г.
Белорусский	329	364	427
Центр.-пром	246	251	280

*) По Украине даны цифры 1921 г.

**) В 1920 г. за исключением Индии и Греции, по которым не было данных 1913 г.

Районы.	1901—5 г.	1906—10 г.	1913 г.
Центр.-землед.	531	539	594
Юго-запад. и Малорос. .	386	406	449
Итого	1492	1560	1750
По всей РСФСР	2321	2427	2797
% посевов 4-х районов к общему посеву РСФСР	64	64	63

Таким образом, в этих районах интенсивного земледелия сосредоточивались две трети полевых посевов картофеля.

Еще более сконцентрированы были посевы сахарной свекловицы, идущей почти целиком на сбыт на сахарные заводы. В 1914 г. из 701 тыс. дес. всего посева РСФСР, 569 тыс. или 81% находилось на Украине и лишь 132 тыс. (19%) в Великороссии. В силу своей сконцентрированности и исключительному товарному значению, а также благодаря тому факту, что $^3/_4$ посевов свекловицы находились в крупных частновладельческих хозяйствах, падение последних за 1913—21 г.г. было гораздо более резким, чем картофеля.

Площадь посевов в тыс. дес. (принимая посев 1913 г. за 100)

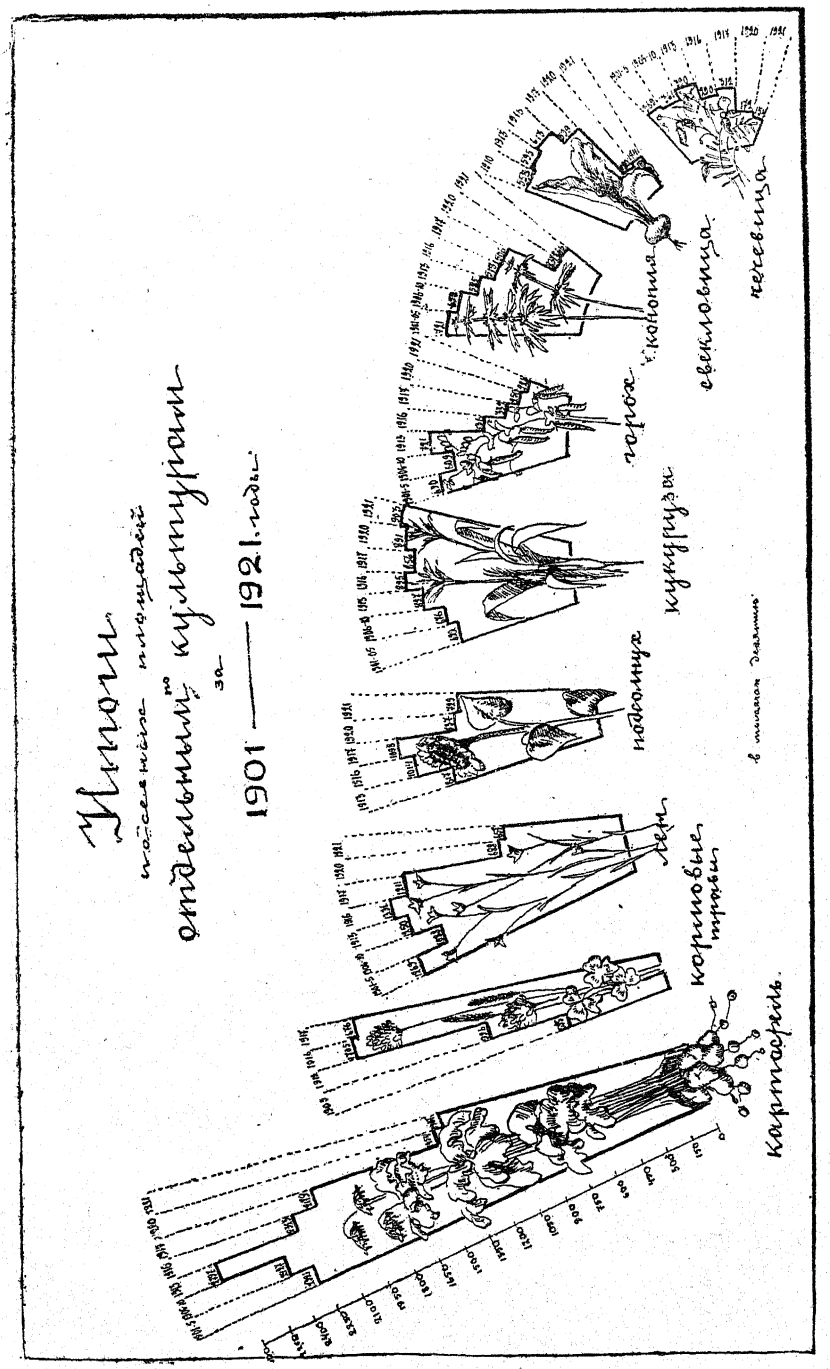
	Картофель	Сах. свекла	Картофель (% 1914 г.)	Сах. свекла.
1913	2797	701	100	100
1916	2323	613	83	87
1917	2179	539	78	77
1920	1454	180	52	26
1921	1408	185	50	27

Как видим отсюда, падение площадей посевов корнеплодов значительно сильнее, чем зерновых культур, при чем площадь под свеклой во время революции и гражданской войны сократилась относительно вдвое сильнее, чем под картофелем. Переход помещичьих плантаций свеклы к крестьянам повел почти к полному их уничтожению.

Еще более резко упали урожаи и валовые сборы:

	Урожаи картофеля (с 1 дес. пудов).	Урожай свеклы (берковцев с 1 дес.).
1901—05	391	—
1906—10	411	—
1911—15	496	84
1916—20	400	54
% отнош. урож: 1916—20 г. к 1911—15 г. г. . .	81	67

Как видим, падение урожаев свеклы так же, как и площади ее посевов, оказывается значительно более заметным, чем картофеля: ибо культура картофеля, как преимущественно крестьянская, не могла подвергнуться значительным пертурбациям и обработка этой культуры качественно не


Хлопок
Конопля
Свекловица
Картофель
Лен
Подсолнух
Кунжут
Конопляное
масло
Льняное
масло
Хлопковое
масло
Кунжутное
масло
Подсолнечное
масло
Свекловичный
сахар
Тростниковый
сахар
Табак
Чай
Кофе
Какао
Каучук
Гуттаперча
Шерсть
Хлопок
Конопля
Свекловица
Картофель
Лен
Подсолнух
Кунжут
Конопляное
масло
Льняное
масло
Хлопковое
масло
Кунжутное
масло
Подсолнечное
масло
Свекловичный
сахар
Тростниковый
сахар
Табак
Чай
Кофе
Какао
Каучук
Гуттаперча
Шерсть

ухудшилась так сильно, как помещичьей свекловичной культуры. Юго-западное частновладельческое хозяйство, развившее культуру свекловицы, выделялось до революции из остальных помещичьих хозяйств своей сравнительной интенсивностью. и гибель этого оазиса крупного интенсивного хозяйства не могла не отразиться в виде резкого ухудшения качества обработки сохранившихся плантаций свеклы и резкого падения урожаев.

Естественно, что в итоге перекрещивающегося влияния сокращения посевных площадей и падения урожаев, валовые сборы корнеплодов убыли на огромный процент.

Валовые сборы картофеля с 1901—5 г. г. до 1913 г. на территории РСФСР поднялись с 945 мил. пуд. до 1245 мил., сравнявшись в абсолютных числах со сборами главного продовольственного хлеба—ржи и оказавшись на 2-м месте во всем мире (после Германии). С 1913 г. по 1920 г. валовые сборы упали.

	В России (в мил. пуд)	Мировые (в мил. квинталов)*).
1913 г.	1245	948
1920 „	242	705
Сокращение в % .	81	26

Убыль сборов картофеля в России относительно втрое сильнее. За границей более всего упали сборы картофеля в Германии—этой классической стране картофельной культуры (с 541 мил. квинт. до 282 мил.—точно так же, как в России). Зато в Соед.-Штатах сборы картофеля поднялись с 90 мил. квинт. до 117 мил.

Аналогичная картина изменения сборов в России и во всем мире получилась по отношению к сахарной свекловице: в России мы наблюдаем с 1914 г. систематическое и резкое падение с каждым годом, но особенно заметное с начала революции.

Сбор в мил. берковцев.

В 1914 г.	61,8
„ 1915 „	56,1
„ 1916 „	44,2
„ 1917 „	37,6
„ 1918 „	17,7
„ 1919 „	11,8
„ 1920 „	9,3
„ 1921 „	3,1

Мировое производство свекловицы, поскольку можно судить по количеству выработанного сахара, также упало, но в меньших размерах.

Производство сахара (в тыс. тонн).

	1913—14 г. г.	1920—21 г. г.
В Германии	2738	1150
„ Австро-Венгрии	1710	700

*) Квинтал—6,1 пуда.

	1913—14 г. г.	1920—21 г. г.
„ Франции	800	250
„ Со-д.-Шт.	655	950
„ главнейших странах производства свек. сах. (кроме России)	7160	4330

В итоге производство свекловичного сахара за границей упало на 40% опять таки больше всего в Германии, затем в Австро-Венгрии и во Франции, а в Соед.-Штатах, наоборот, возросло. Убыль мирового производства свекловичного сахара была почти возмещена увеличением выработки тростникового сахара в тропических странах, где за рассматриваемый период оно увеличилось с 6982 тыс. метрических тонн до 9580 тыс.—на 2598 тыс. тогда как производство свекловичного сахара упало на 2830 тыс. тонн. Осталось без возмещения сокращение сахарного производства в России, равное в 1913—14 г.г.—1750 тыс. тонн.

Итак, культура корнеплодов в общем, претерпела падение не только в России, но и в Западной Европе; в последней,—благодаря войне, оторвавшей от полей миллионы рабочих рук. Центр культуры корнеплодов лежал в средней Европе, которая не могла к 1921 г. оправиться от последствий войны. Еще хуже обстояло дело в России, где к мировой войне прибавилась революция, уничтожившая не только крупнопоместные землевладение и хозяйства, занимавшиеся промышленным производством корнеплодных культур, но и *техническую переработку* этих культур на заводах. Только с восстановлением индустрии начнется у нас возрождение корнеплодов, играющих такую важную роль в интенсивных плодосменных севооборотах.

В). Группа масличных и волокнистых культур и кукурузы.

К этой группе относятся культуры льна, конопли, подсолнуха, а на юге Азиатской России—хлопка. В самом начале XX века—до 1910 года посевы льна и конопли испытали некоторое сокращение, благодаря конкуренции с льняными, более дешевых хлопчатобумажных тканей и появлению на мировом рынке джута, кокосовых веревок, забивавших наше производство пеньки. Но главной причиной некоторого падения у нас посевов этих культур явилось, видимо, истощение полей в губерниях старинного их распространения, в других же губерниях, наоборот, оно росло. Сокращение особенно было заметно в Приозерном районе и отчасти в западных, откуда упал и вывоз волокна; наоборот, и производство, и вывоз увеличились в промышленном центре и на севере. Однако, накануне войны производство льна, под влиянием, преимущественно, возраставшего спроса из-за границы, снова выравнилось.

Посевы в тыс. дес. в Р. С. Ф. С. Р.

	Льна.	Конопли.
1901—5	1269	721
1906—10	1088	658
1913	1250	585

Конопляные посевы, сконцетрированные в районах господства аграрного кризиса — центрально-земледельческом и средне-волжском, продолжали сокращаться.

На юге, особенно в Новороссии и в Кубани, быстро расцветает культура масличного подсолнуха, площадь под которым, так же как и льна, продолжает расширяться до 1916—17 гг..

Во время мировой и гражданской войны мы наблюдаем процесс сжимания этих культур, но менее резкий, чем корнеплодов.

	Посевы в тыс. дес.			Принимая 1913 г. за 100		
	Льна.	Конопли.	Подсолнуха.	Льна.	Конопли.	Подсолнуха.
1913 год	1250	584	817	100	100	100
1916 „	1337	518	1014	106	98	124
1917 „	1211	506	1098	97	87	135
1920 „	688	237	737	55	41	90
1921 год	657	296	729	53	42	89

Сокращение посевов льна и конопли произошло во время гражданской войны, от которой, сравнительно, весьма мало пострадали посевы подсолнуха, несмотря на то, что Новороссия и Кубань были ареной этой войны в продолжении 1918—20 гг.. Этот факт, повидимому, об'ясняется во 1-х тем, что в районах льняных и конопляных посевов, где гражданская война отразилась слабее, гораздо сильнее давили на эти культуры, с одной стороны, уничтожение индустрии [1]), с другой—натуральные налоги; во 2-х,—так же как и в культуре проса—небольшим количеством семян, требующихся для культуры подсолнуха. Как бы там ни было, эта последняя культура наиболее сохранилась в России, и ее *относительное* значение даже возросло. Наряду с сохранением в южных районах культуры подсолнуха, следует отметить развитие новой для русского земледелия и весьма распространенной на юге Европы и в Америке культуры кукурузы—одного из засухоустойчивых и крайне полезных растений, которое, повидимому, начнет распространяться у нас после революции.

Площади посева под кукурузой в XX веке у нас изменились следующим образом:

	В тыс. дес.	Принимая площадь 1913 г. за 100.
1901— 5 год	622	75
1906—10 „	677	82
1913 „	827	100
1916 „	895	108
1917 „	856	103
1920 „	891	108
1921 „	903	109

[1]) И еще более—внешнего рынка.

Следовательно—это *единственное* растение, культура которого у нас расширяется почти без перебоев (за исключением 1917 г., когда аграрные волнения в Бессарабии остановили ее рост), несмотря на все бедствия мировой и гражданской войны.

К сожалению - мы не имеем данных об урожаях и валовых сборах кукурузы на Украине за последние годы. Но в одном из главных центров этой культуры, на Сев. Кавказе, она понизилась очень мало (22,5 мил. пуд. в 1913 г., 20,2 мил., в 1920 г., 19,7 мил. в 1921 г.). Таким образом, можно сказать, что эта культура блестяще выдержала все потрясения минувшей эпохи.

Что касается льна и конопли, то их урожайность также понизилась не особенно сильно.

	Средний урожай на 1 дес. (семена).	
	Льна.	Конопли.
1901—5 год	25	30
1906—10 „	26	36
1911—15 „	26	38
1916—20 „	20	27
Падение в % в . . . последнее пятилетие сравнительно с предыдущим	77	71

Повидимому, благодаря тому отдыху, который получили пашни нечерноземной полосы, вследствие обшего уменьшения посевной площади. Что касается подсолнуха, то его урожаи и сборы испытали, невероятно сильное понижение, поскольку можно судить по тому же северному Кавказу, где валовые сборы его упали с 13,8 милл. пудов до 5,4 милл.

Валовые сборы льна и конопли (семян) составили в милл. пудов.

	Льна.	Конопли.
В 1913 год	33,4	25,6
В 1920 „	8,2	2,4

Падение, особенно сильное для конопли, об'ясняемое исключительно тем, что в черноземном центре в 1920 году был неурожай. Надо полагать, что средние размеры сокращения сборов конопли, при более благоприятных условиях, не были особенно ниже льняных. С 1922 года земледелие России—и в частности ее льно—и коноплеводство начинают, повидимому, восстанавливаться. Однако, Россия почти безраздельно царившая до сих пор на мировом льняном рынке, встретила себе конкуренцию со стороны некоторых стран, сильно развивших за последние годы свое собственное льноводство.

До войны (1909—13 гг.), по данным, приводимым в изданной за границей книге Лазеркевича [1]), производство льняного волокна равнялось:

---

[1]) См. Н. А. Лазаркевич „Льняное дело в Зап. Европе“ Изд. Центр. т-ва льноводов в Лондоне 1921 год.

В России 627 тыс. тонн. (83,4%).
В других странах 125 т. т. (16,6%).
В том числе в Зап. Европе 110 тыс.

Во время войны и после нее мировая продукция льна сильно расширилась.

Площадь под льном в тыс. гекатров.

	1909—13 г.	1920 г.
Франция.	18,4	28,1
Голландия. . . .	13,3	21,6
Бельгия	19,8	50,7
Великобритан. и Ирландия. .	21,7	61,2
Германия	15,0	80,0
Чехословакия . .	15,1	22,0
Всего. . . .	103,3	263,6

Урожай льняного волокна в Западной Европе в 1920 г. Лазаркевич оценивал в 240 тыс. тонн или около 15 милл. пудов. В России в 1914 г. было собрано, по его данным, 29 милл. пудов волокна, в 1917 г.—31 милл., в 1920 г.—13 милл. Таким образом, в настоящее время сбор льняного волокна в России и Зап. Европе сравнялся.

Последнее волокнистое растение *хлопок*. Об изменении посевов и сборов хлопка за последние годы мы имеем сведения только по Туркестану.

	Площадь в тыс. дес.	Сбор хлопка-сырца в тыс. пуд.
1913 г. . .	498	29625
1916 „ . .	714	47828
1917 „ .	425	25568
1920 [2] „ . .	102	3200
1921 „ . .	110	—

Как известно, до войны русское хлопководство, сконцентрировавшееся в Туркестане и Закавказьи (в последнем под хлопком было свыше 100 тыс. дес.), давало около половины обработанного волокна, потребного для нашей мануфактурной промышленности (12 милл. пудов из 24 мил. потребности).

Вторую половину нам доставляли Соед. Штаты. Когда мировая война отрезала нас от них, производство хлопка в России дошло до 18 милл. пудов к 1916 г., покрывая $^3/_4$ потребности. Но в виду того, что в Туркестане хлопковые посевы на орошенных землях увеличились за счет пшеницы и риса, т. е. продовольственных культур местного населения, а площадь орошенных земель не расширилась — эта гипертрофия хлопководства грозила населению жестоким голодом, в случае перерыва подвоза пшеницы из Европейской России. Перерыв произошел во время гражданской войны—он и потряс сильнейшим образом наше хлопководство, потерявшее, с другой

[2] Данные посевов 1920—и 21 гг. без Хивы и Бухары, в которых в 1913 г. засевалось 92 тыс. дес., в 1916 г.—136 тыс. десятин.

стороны, сбыт на закрытые мануфактурные фабрики центра. Поэтому исключительно рыночная высокоценная культура хлопка потерпела такой же жестокий крах, как и культура свекловицы.

Производство хлопка в других странах также не расширилось. Хлопок производится преимущественно в Соед. Шт., Египте и Индии.

	Площадь посевов в тыс. гект.		Сбор в миллионах квинталов.	
	1913 г.	1920 г.	1913 г.	1920 г.
В Соед. Шт.	15010	14724	30,7	28,2
Индии . . .	10125	8505	9,2	6,5
Египте . . .	724	768	3,4	2,7

Таким образом, нужда в восстановлении собственного хлопководства у нас с возрождением нашей мануфактуры будет велика, тем более, что в Индии за время войны собственная мануфактурная промышленность чрезвычайно расширилась.

Г) Группа кормовых трав и бобовых.

На этих группах нам не придется особенно останавливаться, ибо в экономическом отношении их значение, особенно бобовых, не столь велико: зато с агрикультурной точки зрения, для рационализации севооборотов и интенсификации земледелия их положительная роль высоко оценивается агрономами.

Как мы видели выше, посевы кормовых трав в интенсивном земледелии западно-европейских стран имеют очень большое значение, которое вызывается переводом скота на стойловое содержание. У нас, помимо восстановления естественного плодородия почвы, подорванного истощающими землю однообразными зерновыми хлебами, помимо необходимости развития скотоводства, которое достаточно обосновано предыдущим изложением, введение кормового клина диктуется еще требованием освободить отдельные крестьянские хозяйства от принудительного севооборота, связывающего их при через полосной системе подворных и общинных форм землепользования. Естественные кормовые угодья у нас, в значительной мере, распаханы, в особенности в черноземной полосе, где ощущается в них наиболее настоятельная нужда.

		Площадь лугов в тыс. дес.	Сбор сена в милл. пудов.
Черноземная полоса	1901—10 г.г.	8988	721
(без юго-зап. р.) .	1911—15 „	7158	697
Нечерноземная . .	1901—10 „	8634	942
полоса	1911—15 „	10468	929
Азиатская Россия .	1901—10 „	8443	765
	1911—15 „	10751	897
Всего по Р.С.Ф.С.Р. . .	1901—10 „	26060	2428
	1911—15 „	28377	2523

Площади лугов увеличились в нечерноземной полосе и в Азиатской России, где в кормах такой нужды нет, ибо там луговые пространства были довольно велики. Наоборот, в черноземной полосе, где в XX веке площадь посевов в шесть слишком раз превосходила луговую, а площаль пашни в десять раз, где нужда в кормовых средствах была особенно велика—там, благодаря новым распашкам, луга сжались еще сильнее. Тем не менее, посевы кормовых трав в мирную эпоху XX века сосредоточивались преимущественно *в нечерноземных* районах.

Площадь посевов кормовых трав в тыс. дес.

Районы.	1901 г.	1912 г.	1916 г.	1917 г.
Нечерноземная полоса.				
Белорусский	114	206	246	254
Приозерный	54	88	142	185
Центр.-промышлен.	93	152	202	278
Северный	2	10	4	6
Приуральский	3	36	98	67
Итого нечерноз. пол.	266	492	709	791
Черноземная полоса.				
Юго-западный	91	106	159	152
Малороссийский	32	106	234	218
Центр.-земледельч.	77	110	225	200
Средне-Волжский	28	19	69	76
Новороссийсский	16	73	119	86
Нижне-Волжский	9	13	78	47
Итого черноз. пол.	252	425	884	779
Азиатская Россия.				
Сев. Кавказ	24	—	71	2
Сибирь	12	—	36	25
Киргизия	2	—	7	12
Всего Р.С.Ф.С.Р.	556	997	1705	1677

В 1912 г. свыше 150 тыс. дес. посевов кормовых трав оказалось только в Белоруссии и центр-промышл. районе, свыше 100 тыс.—в 3-х западных районах черноземной полосы. Правда между 1912 и 1916 гг., в этих районах особенно сильно эволюционируют площади под кормовыми травами, но уже в 1917 г. здесь начинается обратный процесс деградации, которого в нечерноземной полосе *не наблюдается*. Наоборот, там посевы трав за 1916 г. сильно возросли.

Таким образом, хотя наростание травосеяния констатируется до 1916 г. во всех западных районах, как нечерноземной, так и черноземной полос, но в этой последней оно представляется явлением неустойчивым, выказывающим признаки деградации уже к 1917 г. Что случилось с травосеянием за время гражданской войны—трудно сказать, т.-к. цифры переписи 1920 г. в этом отношении отрывочны и, повидимому, мало достоверны. Можно

указать лишь, что они дают очень сильное сокращение повсюду, особенно в губерниях с широким развитием травосеяния, как напр.:

Посевы в тысячах десятин.

	В 1917 г.	1920 г.
Витебская губ.	101	34
Московская „	64	22
Смоленская „	132	47
Псковская „	92	33
Тульская „	38	8
Тамбовская „	43	6
Подольская „	75	33

Повидимому, все же большая убыль произошла там, где травосеяние менее укрепилось, т.-е. в районах черноземного центра и юго-востока, где в настоящее время, во имя создания засухо-устойчивых севооборотов, необходимо напрячь все усилия к на возможно более широкому его развитию. Быть может, вследствие сокращения посевных площадей и возможности, наряду с искусственным, естественного залужения пашень, это удастся скорее и легче, чем можно бы было ожидать, в силу недостатка семян кормовых трав, ощущаемого сейчас повсюду.

Таково положение группы кормовых трав. Группа бобовых не пользовалась у нас вниманием земледельцев, хотя в глазах агрономов эти азотособирающие растения должны иметь большое значение.

Площадь в тыс. дес.

			Принимая 1913 г. за 100.	
	Горох.	Чечевица, бобы.	Горох.	Чечевица, бобы.
1901— 5 г.г.	655	366	96	95
1906—10 „	576	357	84	93
1913 „	670	387	100	100
1916 „	403	289	60	74
1920 „	203	172	35	44
1921 „	208	152	32	39

Эти культуры мало привлекали внимание организаторов с.-х. промышленности и сбыт их был не широк. Несомненно только развитием сбыта можно достигнуть более широкого распространения их на крестьянских полях.

Выводы.

Изложенные выше процессы эволюции отдельных культур, приводят к следующим основным выводам:

1) Культуры, имеющие более рыночное значение, как-то: из зерновых хлебов—ячмень, пшеница; из корнеплодов—свекловица; из масличных и волокнистых—лен, конопля, хлопок—под влиянием растущих *до войны* рыночных отношений, увеличивались быстрее, а после войны и революции,

в силу разрыва этих отношений, упали больше, чем остальные продовольственные хлеба, выдвинувшиеся на первый план во время гражданской войны. Отсюда ясно, что рынок в XX веке для земледелия России играл важную, во многих случаях, первенствующую роль.

2) Рыночные отношения являлись одним из главных факторов, толкавших земледелие западных и центральных районов к интенсификации, и юго-восточных и восточных к экстенсивной безудержной распашке пустующих земель, послужившей одной из причин неурожаев и аграрного кризиса в этих районах после революции.

3) Мировая, гражданская война, продразверстка и неурожаи более всего отразились максимальным сокращением масличных, трав и корнеплодов, т.-е. более интенсивных культур.

4) Однако, наряду с сокращением этих культур наблюдаются некоторые благоприятные предпосылки *в трансформации* севооборотов на юго-востоке, в виде систематического расширения посевов засухо-устойчивых растений, как-то: проса и, особенно, кукурузы, распространение которой у нас представляется особенно желательным.

ГЛАВА IX.

Скотоводство.

Общее движение скотоводства в России по видам и возрастам.

Выше, в главе VII, в общих чертах была уже очерчена эволюция скотоводства, как в России, так и за границей. Мы знаем, что эта эволюция была гораздо слабее земледельческой, что земледелие и скотоводство, начиная со второй половины XIX века, находились в состоянии „антитезиса", что первое вытесняло последнее, и рост количества скота *отставал* от роста населения. К сожалению, вплоть до переписей 1916—17 гг. данные о количестве скота у нас весьма мало достоверны. Поэтому *до* этого периода мы считаем возможным в дальнейшем изложении опираться, главным образом, на земско-статистические материалы и данные военно-конских переписей, как наиболее точные.

В нашем труде „Закономерность аграрной эволюции т. 11 (см страниц. 481—482) мы использовали специальное исследование государственных крестьян в 1850-х гг., сопоставив его результат с цифрами земской статистики в 1880-х гг. по 98 уездам 19 губ. При расчете на 1 двор это сопоставление дало повсюду относительную убыль.

	На 1 двор.		Мелкого
	Лошадей.	Кр. рог. ск.	(овец, коз, свиней).
1850-е гг	2,5	2,9	8,3
1880-е гг	2,1	2,7	6,2
Сокращен. в %%.	—15	—6	—25

Б. государственные крестьяне более обеспечены землей и скотом, чем б. помещичьи. У помещичьих относительная убыль скота была, конечно, значительнее, так как этот разряд гораздо малоземельнее государственных, а потому распашка земель и сокращение кормовых площадей еще более вытесняли скотоводство. Но несомненно, что и у помещичьих и у государственных крестьян сокращение отдельных *видов* скота происходило в одном и том же направлении: больше всего падало количество овец и коз, затем шли лошади, меньше всего убывал относительно крупно-рогатый скот. Абсолютное же число его должно было вырасти довольно заметно.

Те же самые тенденции в развитии скотоводства мы видим при сравнении между собой земских переписей 80-х и 900-х гг., которое можно было произвести по 52 уездам (см. Ibibem стр. 501).

Число уездов в которых:

Средняя обеспеченность на двор:	Рабочих лошадей.	Коров.
повысилась.	6	22
понизилась до 10%.	13	18
на 10—20%.	23	9
20—30%	8	2
Свыше 30%	2	1

Повышение обеспеченности двора рабочими лошадьми мы наблюдаем лишь в 6 уездах, а коровами в 22-х. Повышение или слабое понижение обеспеченности молочным скотом имело место в 3/4 уездов, а сильное понижение обеспеченности рабочими лошадьми в 2/3 уездов. Таким образом, крестьяне, теряя, сравнительно, с ростом числа отдельных самостоятельных хозяйств, рабочих лошадей, или увеличивали, или сохраняли на прежнем уровне свою обеспеченность молочным скотом.

Изменения в количестве лошадей по более точным цифрам военно-конских переписей в мирную эпоху XX века имели следующий характер (в абсолютных числах по Европейской России): (в пределах границ. Р. С. Ф. С. Р.).

В тысячах голов.

	Рабочего возраста (4-х лет и старше).	Молодняка.	Жеребят.	Всего.
В период 1890-х год. .	13536	1365	1089	15990
„ 1901—6 „ . .	15177	2028	1301	18506
„ 1912 „ . .	15450	1977	1083	18510

С 1890-х до 1900 гг. число лошадей абсолютно увеличилось на $2^1/_2$ миллиона. Но этот прирост об'яснялся двумя исключительными моментами: 1) в результате неурожаев 1891—2 годов количество лошадей в пострадавших губерниях за период 1891—93 гг. уменьшилось на 17,1% [3]).

[3]) См. П. А. Вихляева „Очерки из русской сельско-хозяйственой действительности, стр. 32".

В последующий период конца 1890-х и начала 1900-х гг., здесь происходило просто восстановление прежнего состава конской рабочей силы, поскольку оно было необходимо для земледелия. 2) В районах широкого распространения воловьей рабочей силы—именно на Украине и в Новороссии, благодаря переходу с деревянных сабанов на железные плуги и сокращению кормовых площадей, лошади стали вытеснять волов. В этих районах абсолютное количество лошадей продолжает увеличиваться и в период 1906—12 гг., но это вовсе не значило, что общее количество рабочего скота здесь возрастало. Так, например, по Полтавской губ. с 1900 по 1910 г. количество рабочих лошадей увеличилось на 75 тыс., но число волов убавилось с 259 тыс. до 170 тыс., т.-е. на 89 тыс. Поэтому, если бы мы имели полные сведения о числе рабочих волов за указанные годы по всем губерниям, где применяется пахота на волах—еще большой вопрос—получилось ли бы в итоге даже абсолютное приращение рабочего скота.

Из предыдущих об'яснений уже a priori можно сделать тот вывод, что увеличение количества лошадей должно было падать преимущественно на черноземные и в особенности на *Украинские* районы. Так и произошло на самом деле.

Общее количество лошадей в тысячах.

	в 1890-х гг.	1901—6 гг.	1912 г.
В нечерноземной полосе	5229	5760	5090
В черноземной (без Украины) . . .	6259	7695	7543
На Украине (с Новороссией) . . .	4502	5052	5877
Всего в черн. п. . .	10761	12747	13420

В то время, как в первый период в черноземной полосе количество лошадей увеличилось всего на 530 тыс., а в последующей упало на 670 тыс. и стало абсолютно меньше, чем в 1890-х гг., в черноземной без Украины оно, поднявшись на 1,4 милл. голов в первый период, во второй покатилось назад, хотя значительно слабее, на Украине, выросши в первый период на 550 тыс., во второй оно поднялось на 825 тыс. Следовательно, во второй период, приблизительно *после революции 1905 года, количество лошадей продолжало расти в возрастающей прогрессии только на Украине*; в остальной части черноземной полосы, восстановивши свои 17% убыли после голодных годов, местное коневодство остановилось на точке замерзания, а в нечерноземной полосе пошло даже на убыль.

Принято считать, что количество лошадей, как исключительно рабочего скота, зависит от размеров посевных площадей и колеблется параллельно с ними. Это положение, судя по нашим данным, оказывается неправильным.

На 100 дес. посева приходилось лошадей.

	В нечерн. пол.	В черн. пол. (без Украины).
В 1901— 5 год. . . .	37,4	20,9
В 1912—13 „	32,2	27,8

В нечерноземной полосе количество лошадей на 100 дес. посева убыло на 5,2 единицы, в черноземной без Украины (где все-таки на юго-востоке так же шла замена волов лошадьми)—на 3,1 единицы. Ясно, что в XX веке соотношение между ростом посевов и количеством лошадей было нарушено каким-то новым привходящим фактором. Этот фактор,—давно уже действовавший в странах европейской культуры, сокращая там конскую рабочую силу—*введение усовершенствованных орудий в земледелие.*

К сожалению у нас нет подобных данных о введении усовершенствованных орудий в России до 1910 г., а после 1910 г. есть лишь цифры переписи 1920 г. Сравнивая оба эти периода, получаем (в тысяч.).

	По нечерноземной полосе.		По черноземной. (без Украины).	
	1910 г.	1920 г.	1910 г.	1920 г.
Орудий вспашки: сох, косуль, сабанов.	4278	2336	3555	2072
Железных плугов.	361	1898	1289	1444
Сеялок.	7	15	56	76
Уборочных машин.	23	48	168	205
Молотилок: конных. . . .	104	57	118	73
Молотилок: паровых. . . .	0,4	0,6	3,5	2,6

На 100 дес. посева приходилось:

	По нечерн. полосе.		По черноозем. полосе (без Украины).	
	1910 г.	1920 г.	1910 г.	1920 г.
Орудий вспашки: сох, косуль, саб.	28,1	24,6	14,0	11,7
Железных плугов	2,4	19,4	4,9	7,9
Сеялок	0,04	0,2	0,2	0,4
Уборочных машин.	0,01	0,3	0,4	0,9
Молотилок: конных	0,7	0,6	0,5	0,4
Паровых	0,02	0,01	0,01	0,01

Мировая и гражданская война отрезали Россию от Европы и Америки, откуда мы получали половину усовершенствованных орудий; другая половина производилась в России. Но еще к 1917 г. наше внутреннее *производство с.-хоз. машин сократилось на 90%*. Поэтому земледельцы в России с 1914 г. остались при тех орудиях, какие у них были приобретены до войны. И тем не менее мы видим, что за 1910—20 г. не только относительное, но и абсолютное количество усовершенствованных орудий возросло, особенно—железных плугов в нечерноземной полосе. Отсюда видно,

как быстро развивалась *„машинизация“* России в XX веке до войны [1]). Она и явилась главной причиной сокращения конского запаса России.

В главных странах европейской культуры за рассматриваемые периоды произошли следующие изменения в числе лошадей:

(В тысячах голов).

	1901—2 гг.	1905 г.	1912—13 гг.
Великобритания и Ирландия	1991	2107 (1907)	1866
Германия	4195	4346	4523
Франция	2903	3163	3230
Канада	1577 (1895 г.)	1923	2692
Аргентина	4447	5462	9427
Соединенные Штаты	13507	18719	20509

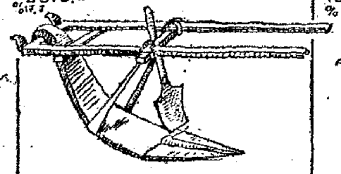
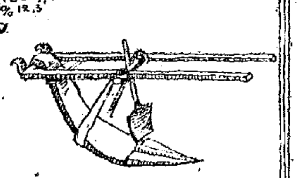
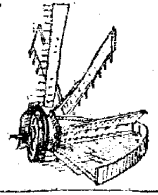
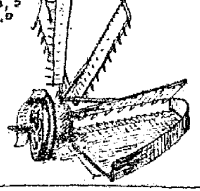
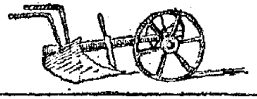
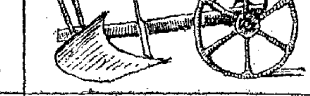
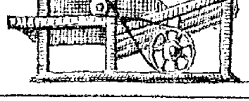
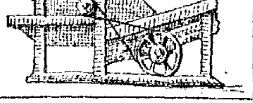
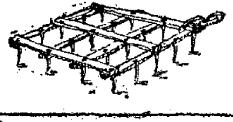
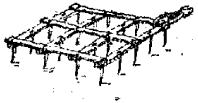
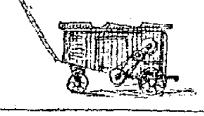
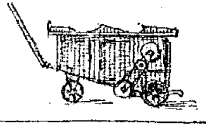
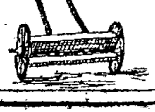
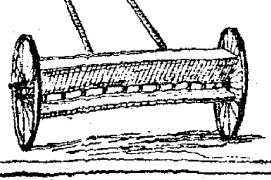
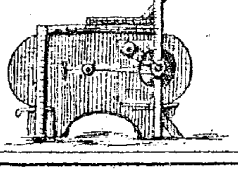
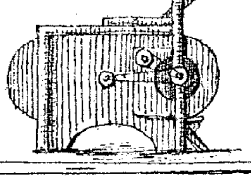
Абсолютное число лошадей в Зап. Европе, так же как и в европейской России, после 1905 г. пошло на убыль: в заокеанских странах с редким населением и быстро растущим земледелием, оно продолжало увеличиваться: в Канаде (1901—11 гг.) на 70%, в Соединенных Штатах на 45%, так же как у нас в Сибири, где с 1897 г. по 1917 г. число их возросло с 6594 тыс. до 8654 тыс., т.-е. на 31%.

Однако, в Зап. Европе и в Европейской России с одной стороны, в заокеанских странах и Сибири с другой, словом, повсюду, как уже было отмечено, наблюдается гораздо более сильный абсолютный и относительный рост главного вида продуктивного скота крупно-рогатого., Так в тех же самых странах за границей, за те же периоды, количество крупного рогатого скота изменилось (в тыс. голов):

	1900—1 гг.		1905—7 гг.		1912—13 гг.	
	Коров.	Всего кр. рог. скота.	Коров.	Всего кр. рог. скота.	Коров.	Всего. кр. рог. скота.
Великобритания (с Ирландией)	4079	11415	4144	11632	4384	11875
Германия	10458	18939	10966	20630	11320	20994
Франция	7819	19521	7516	14316	7807	14807
Канада	2409	5576	2737	7132	2740	6656
Соед. Штаты	16292	43902 (1895)	19794	66862	20497	56527
Аргентина	—	21701	—	25845	—	29120

[1]) Почти весь прирост количества с.-хоз. орудий и машин, обнаруженный переписью 1920 г., должен быть отнесен к довоенному периоду, ибо с начала войны привоз с.-хоз. инвентаря из—за границы прекратился, а внутреннее производство упало к 1917 г. в 10 раз.

Сельско-хозяйственный инвентарь за 1910 и 1920 годы по Р.С.Ф.С.Р.

	1910	1920 (в 1920 годовых ценах)	1910	1920	
Сохи	8575,2 %61,7 	4604,0 %12,5 	220,9 %0,5 	365,3 %0,9 	Жнейки
Плуги	2250,6 %4,6 	4272,3 %11,1 	273,3 %0,4 	179,1 %0,3 	Молотилки конные
Бороны	13229,* %27,2 	8525,5 %22,2 	41,0 %0,008 	3,6 %0,009 	Молотилки паровые
Сеялки	48,3 %0,1 	126,6 %0,3 	916,4 %1,8 	834,9 %2,2 	Веялки

В Зап. Европе наблюдается любопытное явление: в то время, как за 1905—13 гг. количество лошадей сократилось—число коров и крупного скота, наоборот росло. В заокеанских же странах за этот период крупнорогатое скотоводство развивалось, повидимому, медленнее земледелия. Однако, надо полагать, что цифры молодняка за 1912 г. в Соединенных Штатах недостоверны.

О движение крупного рогатого скотоводства в Европейской России в XX веке мы можем судить только по земским переписям, сопоставленным по 152 уездам с переписью 1916 г. Это сопоставление в относительных величинах дало такие результаты:

Количество коров на 100 д. сельск. населен.	Число уездов по земским переписям 1896—1913 гг.	По переписям 1916 г:
От 9,6 до 15,0	49	29
„ 15,1 „ 19,8	29	50
„ 20,2 „ 25,0	29	22
„ 25,4 „ 29	15	12
„ 29 и выше	30	27

Произошло, как констатировал П. А. Вихляев [1]), географическое *выравнивание* соотношений между количеством коров и населением. Особенно резко бросается в глаза выпадение крайней малоскотной группы, в состав которой преимущественно входили уезды Полтавской и Тульской губ. В наибольшей степени увеличилось число уездов со *средней* обеспеченностью коровами (от 15 до 20 голов коров на 100 д. населения), что соответствует средней норме потребительского скотоводства (1 корова на 5—6 душ, т.-е. на крестьянскую семью). При относительном увеличении количества коров в центральной черноземной полосе, в северных и промышленных губерниях наблюдается относительное сокращение, особенно заметное по губерниям Владимирской, Ярославской и Костромской. Наблюдаемое сокращение произошло в результате крупного недорода кормов 1914 г. и исключительной дороговизны кормовых средств в 1915 г..

Таким образом, случаи сокращения относятся уже к моменту мировой войны. Если мы их исключим—можно предполагать, что до войны происходило не только выравнивание, но и общее относительное *возрастание* числа коров. Еще более рельефно возрастание *молодняка* крупного рогатого скота.

Группы по % молодняка в круп. рогат. скоте	Число уезд. в 1896–13 г.	в 1916 г.	Принимая 1896 г. за 100
От 5 до 20,4 %	35	6	17
„ 20,5 „ 27 „	68	24	35
„ 27,1 „ 29,2 „	17	19	112
„ 29,4 „ 35,5 „	34	67	197
Свыше 35,5 до 41,6	17	56	329

[1]) См. „Труды совещания по организации посевной площади в 1917 г. Изд. земского союза М. 1914 г. доклад Вихляева“ „Изменения в количестве крупного рогатого и мелкого скота“.

Произошла огромная „подвижка вверх“ в перегруппировке уездов по количеству молодняка, которой выражается, по словам П. А. Вихляева „запасливость крестьянского хозяйства“.

Как мы видим из приведенных цифр, западно-европейское и заокеанское продуктивное скотоводство отличалось тем, что количество молодняка (вместе с нетелями и подтелками) в стаде крупного рогатого скота превышало почти повсюду число взрослых коров. В мирную эпоху XX века русские крестьяне также вступили на этот путь „запасливости“, т. е. сохранения в своих хозяйствах молодняка, тогда как раньше они, не будучи в состоянии содержать его, за недостатком кормовых средств и денежных ресурсов, пускали под нож, или отпускали на рынок. Во время мировой войны, когда, благодаря выгодной рыночной кон'юнктуре на сельско-хозяйск. продукты, крестьянство накопило большое количество денежных средств, эта „запасливость“ достигла особенно широких пределов, и в 1916 г. по всей Р. С. Ф. С. Р. пропорция различных возрастов в стаде крупно-рогатого скота приблизилась к европейской.

На 100 голов общего количества крупного рогатого скота приходилось:

Волов и быков	8,4
Коров	43,9
Молодняка	19,6
Телят	28,1

Количество коров составляло меньше половины всего состава стада. „Если крестьянам, писал тогда проф. Вихляев, будет открыта возможность вырастить тот огромный запас молодняка, который им оставлен, то восстановление мясного капитала страны будет до облегчено“.

Такое же *омоложение* наблюдалось и в конском составе между 1912 и 1916 г.

Количество в тыс. голов (по Р. С. Ф. С. Р.).

	Рабочих лошадей.	Молодняка.	Жеребят.	Всего.
В 1912 году	21757	3096	1796	26649
„ 1916 „	23890	3736	3396	31022
Прирост в %	10	21	89	16

Но этот процесс „омоложения“ состава стад крупного скота, как увидим дальше, увы оказался недолговечным. Гражданская война свела на нет это прогрессивное явление в нашем скотоводстве.

Итак до мировой войны, и во время нее мы наблюдали в эволюции русского крупного скотоводства два основных процесса: 1) относительный рост крупного рогатого скота и, наоборот, — относительное сокращение лошадей.

2) „Омоложение“ состава стад крупного скота (как рогатого, так и конского), развивается особенно во время мировой войны, благодаря по-

вышению благосостояния крестьян и полученной, вследствие этого, возможности сохранять молодняк для выращивания в своих хозяйствах.

Переходим к *мелкому* скоту. Как уже указывалось нами, насколько можно судить по официальным цифрам, в Европейской России, как и во всем мире, движение овцеводства и свиноводства шло в противоположных направлениях: количество овец сокращалось в Европе и Европейской России абсолютно, а в экстенсивных заокеанских странах и в Сибири его рост *отставал* от роста населения. Так в Америке (в Соед. Штатах и в Аргентине вместе) количество овец с 1891 — 1900 до 1910 гг. увеличилось с 131 миллиона до 139 милл.—всего на 6%: в Сибири с 1897 до 1917 г. количество овец и коз увеличилось абсолютно с 13,6 милл. до 20,3 миллионов—на 50%, но на 100 душ населения в первом периоде оказалось 166 голов, во втором—только 141.

Сокращение овцеводства в Европейской России в XX веке подтверждается и разработанными П. А. Вихляевым земскими материалами.

Число взрослых овец на 100 душ.	Число уездов, в 1896—13 г.	1916 г.
До 20 голов	13	30
20,2 — 26,9	27	18
27,1 — 30,6	14	9
30,9 — 43	26	30
43,1 — 51	13	15
51 и выше	39	30

Увеличилось особенно количество малоовечьих уездов (до 20 голов на 100 душ), а число многоовечьих уменьшилось.

Обратный процесс наблюдается в Европе, за океаном и отчасти в России—по отношению к *другому виду* мелкого скота—*свиньям*.

За границей в мирную эпоху XX века свиноводство эволюционировало едва ли не быстрее (в процентном отношении), чем разведение крупно-рогатого скота: средний ежегодный прирост свиней достиг там 1,5%. В Европейской России, по тем же материалам земской статистики, свиноводство в общем, повидимому, так же росло, но несколько неровно, развиваясь только в тех районах, где оно и раньше получило широкое распространение.

Группы уездов по числу свиней на 100 душ населения.	Число уездов 1896—1913 г.	1916 г.
До 10 голов	43	33
10,1 — 19,3	43	41
Свыше 20 гол.	21	33

„Направление в развитии свиноводства,—говорит проф. Вихляев,—представляет тип территориальной дифференциации: в уездах со слабым развитием свиноводства относительное количество свиней сократилось, в уездах с *сильным* развитием свиноводства эта отрасль получила дальнейшее развитие". В общем, повидимому, произошло не только абсолютное, но и *относительное* повышение свиноводства. Тоже мы видим и в Сибири.

	Количество свиней в т. голов.	На 100 душ населения.
В 1897 г. . . .	1133	13,8
„ 1917 „ . . .	3368	23,3

Хотя сибирское свиноводство находится еще в зачаточном состоянии, быстрый рост его в XX веке связан с развитием сибирского маслоделия, благодаря которому на „обрате“ (снятое молоко) крестьяне стали откармливать довольно большое количество свиней.

И так, в XX веке до революции русское скотоводство эволюционировало, в общем, в том же направлении, как и за границей: в направлении усиленного развития мясо-молочного скота крупно-рогатого и свиней, сокращения шерстного — овец и относительного уменьшения рабочего — лошадей. В то же время в составе стад крупного скота, мы видим процесс омоложения. Однако, все эти, в общем, прогрессивные процессы развивались у нас еще сравнительно слабо, ибо на наше скотоводство давили гипертрофия экстенсивного зернового земледелия и аграрный кризис.

Отсталость нашего скотоводства сравнительно с заграничным характеризуется следующими отношениями между количеством скота и населения накануне войны, заимствованными из „сборника статист. сведений“ м-ва земледелия (год IX).

На 100 жителей приходилось:

	Лошадей.	Крупн. рог. скота.	Овец и коз.	Свиней.
Россия (вся) 1913 г	20,9	30,7	50,6	9,9
Германия (1914) г.	5,1	32,2	13,2	37,4
Великобритания (1914). . .	3,9	26,2	61,6	8,5
Бельгия (1913)	3,6	24,7	—	18,9
Дания (1914).	20,5	88,8	20,1	90,0
Франция (1915).	5,6	31,0	37,3	13,9
Аргентина (1912)	130,9	404,3	1219,7	40,3
Канада (1915).	37,1	75,1	25,3	38,5
Соед. Штаты (1915). . . .	21,5	59,0	54,3	65,4
Австралия (1913)	51,1	235,7	1751,2	16,4

Разница между структурой русского и заграничного скотоводства на этой таблице выступает очень рельефно: у нас число крупного рогатого скота только в $1\frac{1}{2}$ раза больше количества лошадей, а число свиней вдвое меньше. За границей, повсюду, как в европейских, так равно и в заокеанских странах крупный рогатый скот превосходит наличность лошадей в 4—10 раз (за исключением Канады, где имеется пропорция 2: 1), а количество свиней было больше числа лошадей (кроме Аргентины и Австралии) в 3—7 раз. Следовательно *продуктивное* скотоводство развито гораздо больше нашего.

Это первое, бросающееся в глаза отличие, особенно рельефное в европейских странах с интенсивным сельским хозяйством. Благодаря этому отли-

чию, напр. крошечная Дания, имевшая всего $2^1/_2$ миллиона голов крупного рогатого скота, вывезла в 1913 г. за границу 5,6 милл. пудов масла на 104,3 милл. рублей, а Россия с ее 52,4 миллионами голов (в 20 раз больше) экспортировала только 4,8 мил. пуд.

Второе отличие: экстенсивные заокеанские страны выгодно отличаются от России чрезвычайно широким размахом своего скотоводства, далеко оставляющим за собой не только Европейскую Россию, а и Сибирь.

В Сибири (с Киргизией) в 1917 г. на 100 душ населения было:

Лошадей	19,9 гол.
Крупн. рог. скота . .	91,7 „
Овец и коз	140,7 „
Свиней	23,3 „

По количеству свиней на 100 душ населения все заокеанские страны превосходят Сибирь, а Австралия и Аргентина далеко оставляют ее за собой почти по всем видам скота (Австралия, кроме лошадей и свиней). Особенно заметно превосходство двух последних стран по отношению к овцеводству.

Таким образом, наше скотоводство, сохраняя слишком большие еще запасы рабочего скота, отстает от стран интенсивной культуры по видам продуктивного скотоводства, а от экстенсивных стран—преимущественно по овцеводству. Между тем, имея в своем распоряжении около полумиллиарда десятин пустынных пространств Киргизии, юго-востока и Туркестана, мы могли бы поставить свое овцеводство не хуже австралийского, а в Европейской России, по крайней мере, в нечерноземной полосе, у нас природные условия позволили бы поднять молочное скотоводство до уровня датского.

Но если до 1917 г. мы все же имели перед собой картину некоторой интенсификации скотоводства в России, то короткий период революции и гражданской войны подорвал в этом отношении наши надежды на долгий срок. Мы уже отмечали в VII главе абсолютное падение нашего скотоводства в период 1916—21 гг. Но еще тяжелее факт истребления за этот последний период накопленных ранее запасов молодняка крупного скота.

Принимая 1916 г. за 100, получаем (по Р.С.Ф.С.Р.):

	1917 г.	1920 г.	1921 г.
А) *В конском стаде.*			
Рабочих лошадей	95,1	80,2	76,5
Молодняка (1—4 г.)	77,6	68,4	86,6
Жеребят	86,6		63,4
Б) *В стаде крупн. рог. ск.*			
Волов и быков	92,7	72,9	70,9
Коров	97,4	91,4	89,5
Молодняка	93,8	50,3	59,6
Телят	95,6	61,3	67,2

К 1920 г. количество молодняка лошадей сократилось на $^1/_3$, а крупно рогатого скота—наполовину, тогда как рабочих лошадей на 23,5%, коров на $10^1/_2$%. Некоторым утешением служит то обстоятельство, что к 1921 г. молодняк как будто начал вновь возрождаться. Но голод 1921 г. должен снова задержать этот процесс возрождения на юго-востоке.

Общий состав стад за этот последний период изменился в сторону увеличения значения лошадей и крупного рогатого скота.

На 100 голов всего скота приходилось:

	Лошадей.	Кр. рог. скота.	Овец и коз.	Свиней.
В 1917 г.	16,4	27,4	44,5	11,7
„ 1920 „	19,4	29,8	39,0	11,8
„ 1921 „	19,5	31,4	38,0	11,1

Изменение это произошло, главным образом, за счет овец, которых беспощадно истребляли и в мирную эпоху и во время войны и революции.

Чтобы закончить общую характеристику падения скотоводства, приводим цифры количества скота на 100 душ населения:

На 100 душ сельских жителей приходилось:

	Лошадей.	Кр. рог. скота.	Овец и коз.	Свиней.
В 1916 г.	30,1	51,7	80,7	18,1
„ 1921 „	23,0	37,1	45,0	13,1
Относительная убыль в % . . .	24	28	49	27

Сравнительно с населением, более всего сократились овцы, затем крупно рогатый скот и свиньи, а меньше всего—лошади, в составе которых, как мы видели, однако, рабочие лошади пострадали гораздо больше, чем коровы.

Выводы.

Вышеизложенная эволюция русского скотоводства показывает нам, что:

I. В мирную эпоху XX века русское скотоводство, как и за границей, двигалось по пути относительного развития продуктивного скотоводства (молочного и мясного), слабого развития рабочего скота, остановившегося накануне войны, и сокращения овцеводства.

2. Во время мировой войны и накануне ее к этим положительным фактам прибавилось омоложение состава стад крупного скота, т.-е. увеличение запасов сверхремонтного молодняка, что давало надежды на быстрое возрождение скотоводства в будущем.

3. Однако, революция и гражданская война уничтожили накопленные запасы молодняка и вновь поставили перед русским скотоводством основную задачу его возрождения и развития.

4. Такое печальное положение скотоводства в настоящий момент требует особенно бережного к нему отношения, ибо, как мы указали выше в VII главе, восстановление нашего сельского хозяйства на устойчивой базе возможно лишь путем *синтеза*, т.-е. гармонического сочетания эволюции двух его основных отраслей—земледелия и скотоводства одновременно

Характеристика скотоводства в России по районам.

Переходим теперь к характеристике положения скотоводства в России по отдельным районам. Эту характеристику мы можем дать только по с.-х. переписям 1916 и 1920 г.г., т.-к. полных и точных сведений по всем видам скота, как мы указывали на предыдущий период, у нас нет. Поэтому для установления *нормальных* типов скотоводства по районам нам придется воспользоваться переписью 1916 г., хотя и эта последняя, произведенная во время войны, представляет, как видно из предыдущего, известное отклонение от мирного периода.

Принимая общую сумму всего скота за 100, распределение отдельных видов скота по районам дает такую картину.

Районы.	Лошади.	Кр. рог. скот.	Овцы и козы.	Свиньи.
Нечерноземная полоса.				
Белорусский	14,6	22,8	39,3	23,3
Приозерный	15,4	39,8	38,4	6,4
Центр.-промышл. . .	16,7	35,2	40,6	7,5
Северный	16,4	45,8	33,7	4,1
Приуральский	15,6	30,5	42,2	11,7
Всего нечерн. п. . .	15,7	32,2	40,1	12,0
Черноземная полоса.				
Украина (вся)	19,9	31,5	31,8	16,8
Центр.-земледельч. . .	9,1	19,8	55,8	15,3
Средне-Волжский . .	19,9	21,6	57,2	6,3
Нижне-Волжский . .	14,9	25,3	54,9	4,9
Всего черноз. п. . .	16,9	25,5	46,7	10,9
Итого Евр. России . .	16,5	27,5	44,8	11,2
Азиатская Россия.				
Сев. Кавказ	13,4	25,1	50,8	10,7
Сибирь	21,5	33,6	32,7	12,2
Степной край	16,7	23,9	56,6	2,8
Всего Аз. России. . .	17,8	27,8	46,4	8,0
Итого Р.С.Ф.С.Р. . .	17,0	27,5	45,3	10,2

Для более точного установления районных *типов* скотоводства возьмем еще другой признак—отношение количества скота разных видов к сельскому населению.

На 100 душ сельского населения приходилось в 1916 г.

Районы.	Лошадей.	Крупн. рог. скот.	Овцы и козы	Свиньи.	Всего скота в пер накр *)
Нечерноземная полоса.					
Зап. (Белорусский п.) .	18,3	28,7	49,4	29,4	62,5
Приозерный	19,9	51,4	49,7	8,3	81,7
Центр -Промышл. . . .	16,2	34,3	39,5	7,3	58,9
Всего центр . . .	17,3	39,4	42,5	7,6	65,7
Северный	20,0	55,9	41,2	5,0	84,0
Приуральский	26,0	50,8	70,5	19,6	93,5
Всего сев.-вост. . . .	24,8	51,8	64,6	16,6	82,6
Всего нечерн. п. . . .	19,9	40,7	51,1	15,2	72,9
Черноземная полоса.					
Украина (с Новоросс.) .	42,4	67,1	67,7	35,8	129,7
Центр.-землед.	21,6	30,6	86,6	14,1	70,1
Средн.-Волжск. . . .	24,3	35,1	92,9	10,2	77,4
Всего центр. . . .	24,0	32,8	89,6	12,3	74,7
Юго-вост. (Н.-Волж.) .	40,9	69,6	150,9	13,4	139,1
Всего черн. п. . . .	26,1	39,3	54,5	16,8	78,7
Итого Евр. России . .	24,1	39,9	65,2	16,3	79,0
Сев. Кавказ	36,3	68,2	137,6	28,9	134,6
Сибирь	63,7	99,7	97,2	36,2	189,0
Степной край	67,9	96,9	229,9	11,3	205,9
Всего Аз. России . . .	57,9	90,5	150,7	26,2	184,5
Итого Р.С.Ф.С.Р. . .	30,1	51,7	80,7	18,1	99,8

Вторая таблица раз'ясняет и подкрепляет первую. Исходя из них обеих, мы можем наметить в общих чертах, такие районные типы скотоводства.

I. В нечерноземной полосе. Западный Белорусский район отличается сравнительно слабым *общим* развитием скотоводства, имея на 100 душ сельского населения только 62,5 единицы скота в переводе на крупный, против 110 единиц в среднем по всей Р.С.Ф.С.Р. Вероятно, однако, что мировая война, особенно сильно отразившаяся на Белоруссии, ставшей в 1916 г. ее ареной, сильно понизила в ней количество скота против мирного времени. Сверх того, по целому ряду местностей скот оказался не переписанным. Однако, и в таком, так сказать „искалеченном" виде, мы замечаем в Белорусском скотоводстве одну черту, резко отличающую ее от других районов. Эта черта—относительное развитие *свиноводства*, особенно заметное на первой таблице, выделяет этот, ныне западный пограничный район, из всей

*) Принимая количество лошадей и крупн. рог. скота за 1, овец за $^1/_6$ свиней за $^1/_4$.

остальной России и приближает его к польскому и германскому типу скотоводства. В этом отношении Белорусский район является *переходным* от центральной к Европе.

В следующих двух *центральных* районах нечерноземной полосы на первый план выдвигается крупный рогатый скот, хотя и эти районы нельзя причислить к многоскотным. В Приозерном районе скота по отношению к населению оказывается больше, чем в московско-промышленном, ибо луговые пространства распаханы меньше, да и население сидит не так густо. Коневодство здесь относительно более развито, чем в Белоруссии, но меньше, чем на северо-востоке. Вообще, количество лошадей по отношению к населению довольно правильно повышается по направлению с запада на восток, что, как мы уже указывали, свидетельствует о вытеснении рабочего скота продуктивным по мере интенсификации сельского хозяйства.

Северный район—еще более многокоровный: здесь дает себя знать Вологодская губ. с ее молочным скотоводством, но и количество лошадей здесь велико. По земским переписям до войны на 100 душ крестьянского населения в Вологодской губ. приходилось:

Лошадей.	Быков и коров.	Нетелей, бычков.
16,2	35,5	6,7

Здесь сказывается характерное отличие нечерноземного молочного скотоводства: незначительный процент молодняка крупно-рогатого скота.

На 100 голов всего крупно-рог. скота в 1916 г. приходилось:

Районы.	Волов и быков.	Коров.	Молодняка.	Телят.
Белорусский	0,7	60,8	14,4	24,1
Приозерный	0,8	59,3	11,0	28,9
Северный	1,3	58,5	12,7	27,5
Центр.-промышл. . . .	0,8	53,9	11,1	34,9
Приуральский	2,4	47,3	26,0	24,3

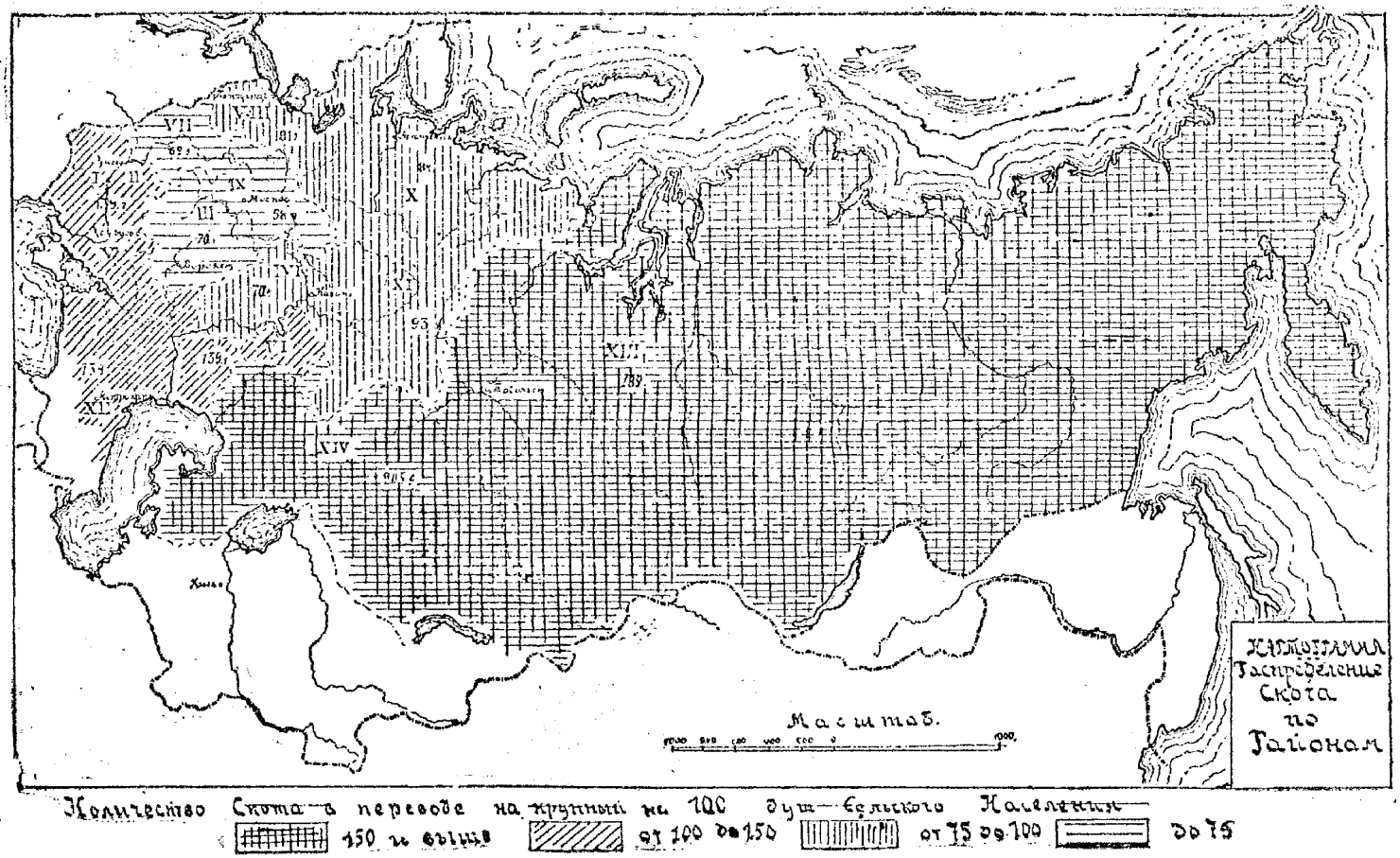
Правильность относительного уменьшения процента коров в стаде и соответственного увеличения доли молодняка и телят по направлению с запада на восток вполне отчетливая.

Отсюда мы видим, что в западной и северной части нечерноземной полосы (в районах белорусском, приозерном, северном и центрально-промышленном), где процент коров в стаде *более* 50%, крупно-рогатое скотоводство принадлежит к типу *молочного*, при котором, как говорит проф. Челинцев, „мясное направление“ подавлено *), что видно также из ничтожного процента волов. Только приуральский район отличается меньшим процентом коров и большим—молодняка. Увеличивается, хотя немного, и процент волов.

По земским переписям на 100 душ крестьян приходилось:

	Быков и коров.	Нетелей, бычков и подтелков.
В Пермской губ.	21,1	12,2
„ Вятской „	26,0	10,3

*) См. его брошюру „Направление крупно-рогатого скотоводства в России“.


Картограмма
Распределение
скота
по
районам
Масштаб.
Количество скота в переводе на крупный на 100 душ сельского населения
150 и более
от 100 до 150
от 75 до 100
до 75

Коров в $1\frac{1}{2}$ раза меньше, а молодняка в $1\frac{1}{2}$—2 раза больше, чем в Вологодской губ.

Итак, в белорусском районе мы наблюдаем развитие свиноводства, в центральных нечерноземных и северных районах—*молочное* скотоводство, в Приуралье—переход к мясному скотоводству и усиление *коневодства*.

Чтобы покончить с характеристикой скотоводства нечерноземней полосы, приведем еще оценку районов по трем признакам—показателям, данным проф. Челинцевым. Показатели эти следующие:

Районы.	% крупно-рогатого молодняка не старше 1-го года к коровам.	% свиней к крупн. рог. скоту.	% овец к крупн. рог. скоту.
Петроградский . . .	12,8	14,5	59,4
Новгородский-Псковский	15,9	14,4	86,2
Подмосковный . . .	24,4	37,2	185,0
Северный	25,5	3,7	76,2
Вятско-Пермский . .	95,5	28,2	152,9
Литовско-Белорусск.	30,2	109,2	150,7

Районы, выведенные проф. Челинцевым, как мы указывали в начале очерков, близки к нашим, но все же не вполне совпадают с ними. Однако, и по этим районам получается тот же результат: резко выраженное *молочное* направление на западе, в центре и на севере нечерноземной полосы, *мясное* направление на северо-востоке и исключительное развитие свиноводства в Белоруссии.

В нечерноземной половине России распространена великорусская, мало мясистая порода крупно-рогатого скота, дающая, хотя немного, но густое жирное молоко. Культурное отродье этой породы—ярославский, дающий втрое больше молока. На Сев. Двине распространено отродье голландской породы—холмогорский скот. В общем, в нечерноземной полосе молочный скот качественно выше, чем в черноземной. Средний годичный удой здесь около 60 пудов.

В западных районах *черноземной* полосы, наряду с крупным рогатым скотом, играют большую роль свиньи. Средняя плотность скота здесь выше, чем в нечерноземной полосе и в центральных районах черноземной. В скотоводческом отношении это — наиболее интенсивные районы. По земским переписям на 100 голов крупн. рог. скота приходилось:

Губернии.	Волов и быков.	Коров.	Молодняка.	Телят.
Киевская (1912 г.)	9,2	42,9	14,1	33,8
Волынская (1910 г.)	8,3	51,4	10,3	30,0
Харьковская (1913 г.)	19,8	36,4	18,3	25,5
Полтавская (1910 г.)	26,5	35,2	12,3	26,0

По признакам проф. Челинцева, в двух украинских районах процент крупно-рогатого молодняка старше 1-го года к коровам — близок к проценту литовско-белорусского района, но % свиней ниже.

Районы.	% крупн. рог. молод. к коров.	% свиней к крупн. рог. скоту.	% овец к крупн. рог. скоту.
Юго-западный	30,2	60,9	63,9
Малороссийский	29,7	75,9	121,9

В восточной Украине овцеводство значительно более развито, чем в западной. Там же вдвое больше процент волов в стаде. Таким образом, восточная Украина отличается от западной большим распространением овцеводства и уклоном крупно-рогатого скотоводства в сторону *мясной* продукции, особенно заметной в Полтавской губ.

Еще более заметны эти отличия в *экстенсивном* Новороссийском районе.

По земским обследованиям в Новороссии состав стада крупно-рогатого скота равнялся:

Губернии.	% волов и быков.	Коров.	Молодн. от 1 г.	Телят.
Екатеринославская	19,3	36,5	22,2	22,0
Таврическая	20,4	37,6	23,0	19,0

Признаки проф. Челинцева еще ярче характеризуют мясное направление скотоводства в Новороссии.

% крупн. рог. молодняка к коровам	60,7
% свиней к крупн. рог. скоту	50,1
% овец к крупн. рог. скоту	148,8

Процент свиней к крупно-рогатому скоту здесь меньше, а процент молодняка к коровам и процент овец гораздо больше.

Итак, все три украинских района характеризуются, прежде всего как *многоскотные*. Но, при общем развитии скотоводства, каждый район вырабатывает свой тип. Ближе всего к типу *молочного* скотоводства — юго-западный район, который одновременно является многосвинным; восточная Украина отличается также развитием свиноводства, но в крупно-рогатом стаде начинает превалировать *мясное* направление, которое берет окончательно верх в Новороссии, где наряду с ним на первый план выдвигается овцеводство высокого качества. В Новороссии господствует цингайская и волошская породы овец. От цингайской получается до 7 фунтов хорошей, похожей на мериносовую, шерсти, которая высоко расценивается. Мяса у нее немного, но зато оно вкусно и легко нагуливается, а кожа идет на сафьян [1]). Волошская овца также отличается своей шерстью. Крупно-рогатый скот на Украине — серый, особой породы: крупный, выносливый — он отличается рабочими качествами, но молочность его низка.

В центрально-земледельческом районе и средне-волжском плотность скотоводства ниже средней обще-русской. Беспредельная распашка полей при экстенсивном зерновом земледелии свела на-нет степное гулевое ското-

---

[1]) В. Кистяковский. Учебник эконом. географии.

водство, господствовавшее здесь в XVIII веке и не дала взамен ничего. По земским переписям оказалось.

На 100 душ населения.

Губернии.	Лошад. раб.	Волов.	Коров.	Молодн.	Овец взр.	Свиней.
Тульская	16,0	—	12,6	4,2	63,2	7,3
Тамбовская . . .	14,1	0,1	13,5	4,9	51,6	5,4
Орловская . . .	18,0	—	13,8	2,3	52,8	6,1
Симбирская . . .	15,5	—	14,9	4,0	49,1	7,8
Уфимская	31,9	0,9	25,3	7,4	109,5	10,9

По Челинцеву северо-черноземный район в 1916 г. имел:

% крупн. рог. молодняка к коровам 23,9
% свиней к крупн. рог. скоту 36,9
% овец „ „ „ „ 291,8

И по земским переписям и по Челинцеву устанавливается бедность скотом этих районов, за исключением Уфимской губ., которая относится к Заволжью и должна принадлежать, по всем признакам, к другому району. При общей бедности скотом, относительно выдвигалось лишь овцеводство; в крупно-рогатом стаде скорее было, хотя слабо выраженное, молочное направление. Но здесь, как указывает В. Кистяковский в своем курсе заморенный скот приспособился к хроническому голоданию, измельчал и при этом потерял все молочные и мясные свойства. В иных местах он так ослабевает за зиму, что весной нужно вытаскивать его на траву: это т. наз. „тасканки“ или „горемычки“.

Уфимскую губернию вместе с Оренбургской проф. Челинцев правильно относит в особый район, скотоводческие признаки которого таковы:

% крупн. рог. молодняка к коровам 48,6
% свиней к крупн. рог. скоту. 33,0
% овец „ „ „ „ 191,2

Следовательно, этот район — мясной, многоовечий и малосвинный по терминологии проф. Челинцева. Вместе с тем *коневодство*, как и в других экстенсивных районах востока, здесь начинает выдвигаться на первый план.

В следующем районе — Нижне-волжском, мясное направление становится еще более выпуклым.

% молодняка к коровам. 76,5
% свиней к крупн. рог. скоту. 37,2
% овец „ „ „ „ 185,0

Еще более развита мясо-шерстная продукция на Сев. Кавказе. Процент коров в стаде крупно-рогатого скота здесь падает до 33,3, процент волов и быков подымается до 16,7, молодняка и телят — до 50%. На 100

душ населения приходится около 140 овец. Сюда из Новороссии во второй половине XIX века передвинулись „таврические" овцеводы со своими мериносовыми стадами. Но в XX веке и их отсюда погнала в киргизские степи начавшаяся хищническая распашка целинных залежей.

В киргизских степях экстенсивное „гулевое" скотоводство держится, главным образом, на туземном хозяйстве. Здесь следует различать два главных типа скотоводства, ясно вырисовывающихся по статистическим материалам (перепись 1917 г.).

На 100 душ населения приходится:

	Лошад.	Кр. рог. ск.	Овец и коз.	Свиней.	Вербл.
Северные степи	82,8	122,6	193,9	14,2	2,8
Южные степи	114,3	109,1	499,4	4.5	6,8

В северных степях, где сосредоточены русские переселенцы и туземцы киргизы перешли к полуоседлому быту, количество коров и свиней на 100 душ населения больше, а лошадей, верблюдов и особенно овец значительно меньше. По материалам экспедиции по исследованию степных областей состав стад в Тургайской обл. варьировал в северных и южных уездах следующим образом:

На 100 голов всего скота (у киргиз).

	Лош.	Кр. рог. ск.	Вербл.	Овцы.	Козы.
Северный.					
Кустанайский уезд.	31,2	23,0	1,2	35,8	8,7
Южный.					
Иргизский уезд	15,0	10,3	9,3	58,0	7,4

Ясно, что не только русские, а и киргизы в северной половине степей развивают стада крупно-рогатого скота, а в южной — овец и верблюдов.

В крупно-рогатом скотоводстве здесь повсюду господствует *мясное* направление.

На 100 голов кр. рог. скота.

Волов и быков	14,6
Коров	34,6
Молодняка	21,5
Телят	29,3

Степной край — наиболее многоскотный район по всей России, где на 100 душ населения приходится 209 единиц скота — вдвое более среднего.

В Сибири овцеводство вдвое слабее, чем в Степном крае, но количество коров и особенно свиней больше, а число лошадей одинаково со Степным краем. Здесь, благодаря развитию маслоделия, в крупно-рогатом скотоводстве наблюдается тенденция к молочному направлению.

На 100 голов кр. рог. скота приходится:

Волов и быков	3,9
Коров	49,1
Молодняка	23,7
Телят	23,3

Таковы, в общих чертах, типы скотоводства по районам. На основании приведенных данных мы можем сделать такие выводы.

1. В общем, по направлению с запада на восток и в нечерноземной и в черноземной полосах наблюдается переход от молочного направления и развития скороспелого мясного скота в виде свиней, к чисто мясному и шерстному скотоводству, что характеризуется уменьшением процента коров в стаде кр. рогатого скота и возрастанием абсолютного и относительного количества овец.

2. Молочное направление в нечерноземной полосе и в Сибири выражено гораздо более сильно, чем в черноземной полосе и в Степном крае.

3. Наиболее оскудельми, в скотоводческом отношении, являются районы земледельческого центра, где лишенные достаточных кормовых средств для содержания крупного скота крестьянские хозяйства пытались отыграться на овцах. Но как раз в этих районах уже к 1921 г. произошло максимальное падение овцеводства.

На 100 душ населения приходилось:

	Овец и коз.	
	1916 г.	1921 г.
В Центральном районе	86,6	35,6
В Средне-Волжском	92,9	39,7
Всего в земл. центре	89,6	37,6

т.-е., более чем в два раза, тогда как количество лошадей и коров убавилось здесь не более, чем на 25%. Теперь эти районы имеют меньше овец, чем даже нечерноземные.

4. По своей многоскотности, выдаются два крайних географических полюса России: юго-западные (украинские) и юго-восточные — азиатские и сибирские. Как мы уже указывали в VII главе, на разных районах России мы можем наблюдать живую историю смены трех фазисов аграрной эволюции: фазис-тезиса — гармонического сочетания экстенсивно-мясо-шерстного скотоводства и табунного коневодства с переложным земледелием господствовавший на редко населенном востоке, — сменяется вторым фазисом „*антитезиса*“ в центре, где экстенсивное зерновое трехполье вступило в борьбу со скотоводством и подорвало его, и третий фазис „*синтеза*“ — на юго-западе, где переход к интенсивному земледелию одновременно воскресил в новых формах скотоводческое хозяйство.

Задача ближайшего будущего — создать гармонию скотоводства и земледелия, как при интенсивных, так равно и при *экстенсивных* системах сельского хозяйства, ибо пример Америки показывает, что при этих послед-

них системах, борьба между земледелием и скотоводством вовсе не является непреложным „имманентным“ законом аграрной истории, и может быть предотвращена разумной творческой работой человека.

ГЛАВА X.

Второстепенные сельско-хозяйственные промыслы.

Рыболовство.

Россия — континентальная земледельческая страна. Тем не менее она обладает несколькими бассейнами вод, исключительными по рыбным богатствам, и потому, несмотря на плохую постановку эксплоатации этих бассейнов, до войны она *была второй страной в мире по количеству добываемой рыбы после Великобритании и первой в мире по ценности этой добычи.*

В 1913 году было добыто рыбы:

		В миллион. рублей
В Великобритании.	70	118
„ России.	64	168
„ Соед. Штатах.	55	146
„ Японии	45	60
„ Канаде.	40	58

В бассейнах России водится много рыбы ценных пород — красной, лососевых и др. Однако, согласно данным работы Хрулева „Финансы России и ее промышленность“, мы ввозили из-за границы рыбных товаров на гораздо большую сумму, чем вывозили. В 1903 г. нами было вывезено (за границу) всякого рода рыбных продуктов на 7.124.000 рублей, а в 1912 г. на 7.243.000 руб., но зато в 1903 г. было привезено (из-за границы) рыбы, устриц и прочих рыбных товаров на 24.004.000 руб., а в 1912 г. — уже на 38.202.000 руб. Таким образом, в 1903 г. мы заплатили заграницe за рыбные товары 17 миллионов чистоганом, а в 1912 г. — 31 милл. Главная причина этого — плохая обработка нашего рыбного материала, который сушится и солится грубыми способами для приготовления впрок, между тем, как за границей его приготовляют в виде консервов или замораживают, или, наконец, засаливают и вялят сложными способами, благодаря которым вкусовые свойства ценных пород сохраняются. Однако, из приведенных цифр улова и ввоза из-за границы, мы можем заключить, что *внутреннее* потребление рыбы и рыбных продуктов в России и в мирное время было велико, тем более, что в эти цифры не входили зачастую уловы и потребление на местах „для себя“, которые с трудом поддаются регистрации. Теперь, после огромного сокращения нашего скотоводства, единственный способ возместить недостаток белкового и жирового питания страны — это

поднять наше рыболовство. В самом деле, по расчетам С. Н. Прокоповича (см. опыт исчисления народного дохода) только по 50 губ. Европейской России мясная продукция в 1913 г. равнялась 147 милл. пудов, в 1921 г. она упала (по всей РСФСР) до 57 милл. пудов. После неурожая 1921 г. сократившего скот на юго-востоке более чем на половину, падение мясной продукции должно быть еще значительнее.

Подкрепление мясного питания рыбным становится тем более необходимым, что, во имя возрождения нашего, столь сильно упавшего, скотоводства, следует воздерживаться в ближайшие годы от натурального налога на скот и вообще принять меры к возможному сокращению убоя скота.

Что касается рыбных запасов наших водных бассейнов, то здесь специалисты указывают, наоборот, на необходимость *усиленной* добычи рыбы, ибо за последние годы, в виду сокращения рыболовства и размножения рыбы, уже наблюдаются некоторые признаки перенаселения рыбных бассейнов, благодаря которому может нарушиться равновесие между наличием кормов и количеством рыбы в воде. Недоловы минувших лет привели к *укрупнению* вылавливаемых сейчас особей. Так в Астраханском районе вобла в 1917 г. весила в среднем 10 пудов в 1000 штук, осенью 1920 г. вес ее доходил до 20 пудов в тысяче. Молодей сельди в устье Волги оказывалось в $2^1/_2$—3 раза больше, чем в прежние годы. Увеличилась также молодь осетровых. В кубанском районе сазан, весивший обычно 5—7 фунтов, сейчас дает средний вес в 7—10 фунтов и т. д.[1]). И последние сведения о начавшемся весеннем улове рыбы настоящего 1922 года дают картину неожиданного изобилия. Так в течение всей путины 1921 г. на территории Астраханского края было поймано 6.350.000 пудов; сейчас только на 7-ое мая— 7.300.000 пудов. Между тем массовый ход сельди с мая месяца только начался.

Отсюда можно надеяться, что то падение уловов, которое происходило за последние годы, сменится новым, небывалым доселе под'емом, если только на развитие рыболовства будет устремлено то внимание, которого заслуживает этот промысел по своему народно-хозяйственному значению. По имеющимся официальным данным улов рыбы в бассейнах территории РСФСР (за исключением Дальне-Восточных, Мурманского и некоторых других), равнялся:

в 1913 г.	43.149	тыс. пуд.
„ 1920 „	10.407	„ „
„ 1921 „	16.468	„ „

Осенью 1921 и весной 1922 гг. предполагалось улов довести до 23 миллионов пудов, но теперь, надо полагать, что он будет больше; однако, следует принять в расчет, что один из самых рыбных — Дальне-Восточный бассейн, пока остается для нас потерянным.

Рассмотрим, вкратце, движение нашего рыболовства по отдельным бассейнам.

---

[1]) М. И. Тихий. „Наша рыбопромышленность и ее нужды".

1. Каспийско-Волжский. Это — самый крупный бассейн по количеству добычи рыбы. По официальным сведениям улов равнялся (в тыс. пуд.):

	Красной рыбы.	Лососев. пород.	Сельди.	Прочих (вобла, судак, сазан и др.).	Всего.
1913 г.	1.647	12	15.081	21.691	38.431
1914 „	946	13	14.940	18.163	34.062
1915 „	883	14	16.190	28.375	45.463
1920 „	—	—	—	—	7.327
1921 „	—	—	—	—	13.678

Как указывают эти цифры, главную роль, по количеству улова, играют породы черных рыб (вобла, судак, сазан) и селедка, добыча которых растет. Добыча красной рыбы, наоборот, падает. Уменьшение заловов красной рыбы, которая добывается преимущественно на Уральском участке, в водах казачьего войска, наблюдается уже со второй половины XIX столетия, при чем оно происходит, повидимому, не столько вследствие хищнических приемов лова, в общем у казаков довольно рациональных, сколько благодаря обмелению некоторых рукавов Урала.

Икры в 1913 г. было добыто 229 тыс. пуд., в том числе красной 65,5 тыс. пуд. Добыча рыбы и икры с каждым годом также падала, благодаря уменьшению размеров рыбы. В Волжском районе размножению рыбы весьма препятствовало загрязнение Волги нефтью, которая утекала с баржей при перевозках в огромном количестве — до 15 милл. пудов. Нефть образовывала в мелких заливах, где размножается рыба, непроницаемую пленку, от которой пропадали мальки. Хищнические способы лова, лов в запретное время, употребление частых сетей и т. д. также способствовало нерасчетливому истреблению рыбных богатств.

А между тем, по своим рыбным запасам, Каспийский бассейн легко мог бы давать вдвое больше рыбы при рациональной постановке дела. Проф. Н. М. Книпович, путем кратких предварительных исчислений в отношении Каспийского моря, приходит к выводу, что „если принять за промысловый Каспий часть его, имеющую глубины менее 50 метров, то цифру, выражающую рыбо-промысловую производительность его (14,38 килограм. на 1 гект. водной площади), придется удвоить (28,76 килогр. на 1 гект.)." Следовательно, без ущерба для основного рыбного запаса в воде, Каспийский бассейн может давать 60—70 милл. пуд. ежегодно.

2. Второй по размерам добычи — *Дальневосточный бассейн,* который начал ускользать из-под русской власти уже вскоре после японской войны. Дальневосточный бассейн делится на несколько районов, из которых самые важные — Охотско-Камчатское побережье и Амурский лиман. После заключения рыболовной конвенции с японцами в 1907 г., последние получили одинаковое с русскими право ловить рыбу на море. Благодаря этому, в 1916 г. 84% всех рыбных промыслов на Тихоокеанском побережьи оказалось в японских руках. Сверх того японцам повезло: лососевые рыбы, которые

раньше массами шли в Амурский лиман для нереста (икрометания), теперь поворотили в реки Охотско-Камчатского района.

	Улов рыбы в тыс. пуд.	
	В Амурском районе.	В Охотско-Камчатском.
1910 г.	4.300	2.700
1913 „	3.100	4.500
1916 „	2.000	6.800

Сильно увеличился лов сельди и на Сахалине (13 милл. штук в 1914 г. и 44 милл. в 1917 г.); Сахалин с 1918 г. также захвачен японцами. За 10 лет с 1907 до 1916 г. японцы выловили и обработали в наших водах 43 милл. пуд., которые и увезли к себе. Нужно иметь в виду, что главный улов здесь — ценные породы кеты и горбуши. Следует еще отметить, что способ обработки рыбы японцами („стоповой" засол на открытом воздухе на циновках, на горькой морской соли), гораздо хуже русского (нежный засол в чанах на хорошей соли), так что русские не могут есть той горько-соленой древесины, в которую японцы превращают нежную кету. Накануне Войны в Амурский район приехали крупные рыбопромышленники из России, которые улучшили приемы обработки и стали доставлять на рынки Москвы и других городов свыше 1-го милл. пуд. кеты и около 150 тыс. пуд. кетовой икры. Предполагалось поставить холодильное и консервное дело, но мировая война все это приостановила. Рыбопромышленники стали уходить: их место довольно удачно заняла кооперация, но начавшаяся гражданская война оторвала Дальний Восток от Сибири.

3. Следующие по размерам добычи, но остающиеся далеко позади первых двух — морские бассейны — Черноморско-Азовский и Беломорско-Мурманский. Общее количество добытой рыбы в тыс. пудов составило:

	На Азовском море и в Дону.	На Черном море.	На Белом море.
1912 г.	620	232	1676
1913 „	991	462	1306
1914 „	1173	360	774
1920 „	196	239	406
1921 „	525	225	648

На Мурмане средний ежегодный улов колеблется с 1880-х г.г. по 1913 г. от 387 тыс. пуд. до 950 тыс. пуд., хотя норвежские и английские суда в тех же почти водах вылавливали по нескольку миллионов пудов. В южных морях — Азовском, Черном и на Дону ловится понемногу красная рыба (около 30 тыс. пуд. всего), сельди — 80—100 тыс. пуд., остальная — черная. В Беломорском районе и на Мурмане главные породы ловимых рыб — треска и сельдь. Кроме Черного моря, в котором рыбы вообще мало, и по своей глубине оно неудобно для ловли, в остальных морях, несомненно, размеры улова могут быть еще повышены.

4. Бассейны Ледовитого океана. Но во много раз легче увеличить добычу в низовьях Сибирских рек, впадающих в Ледовитый океан — Оби, Енисея и Лены. В бассейне Оби насчитывается всего 42 вида рыб, из которых 12 относятся к лососевым, 3—к осетровым. Здесь есть ценные породы, водящиеся только в Сибири: нельма, таймень, хариус; сиговые — м ксун, сырок и др. Главное рыболовство, как и повсюду — в весеннюю путину (т. наз. „вонзь"). Входя для икрометания в Обскую губу и в дельту Оби, рыба расходится по бесчисленным притокам и озерам, разбросанным по тундрам, где она не ловится почти никем и зимой часто погибает, т. к. более мелкие озера промерзают до дна.

Большинство рыбных промыслов на Оби находится в пользовании местных инородцев, которые до революции сдавали их в аренду рыбопромышленникам. Обработка рыбы здесь гораздо хуже, чем в Приамурье,— „стоповым" способом, при котором нежное и вкусное мясо моксунов и нельмы превращается в твердые „пласты", находящие себе сбыт только на Урале. Всего из Обского бассейна вывозится до 700—800 тыс. пудов, из которых в соленом виде около 400—500 тыс., остальные—зимой в замороженном состоянии. Общая добыча в Обском бассейне определяется, в среднем, до $1^1/_2$ миллионов пудов. В Енисейском бассейне, где те же породы и те же способы лова и обработки — добывается около 400 тыс. пуд., а вывозится от 100 до 200 тыс. пуд. (в 1911 г. 175 тыс.). Наконец, на Лене промышленное рыболовство еще совсем в зачатке и хотя вылавливается 250—300 тыс. пуд., но вывезилось не больше 25 тыс.

По вычислению специалистов, только низовья Оби и Енисея могут дать, при самых небольших затратах, 4—5 милл. пудов добычи. Но для рациональной постановки рыбопромышленности здесь требуется широкая постановка консервного и холодильного дела. Консервное производство начиналось и рыбопромышленниками и кооперацией, но, как и на Дальнем Востоке, революция и гражданская война его приостановили. Во всяком случае, необходимо иметь в виду, что наши Сибирские и Дальне-восточные бассейны содержат в себе первые в мире запасы лососевых (вторые—в Соед. Штатах с вдвое меньшей добычей) и консервирование их для экспорта в Европу могло бы повысить народный доход России на десятки миллионов рублей.

6. Внутренние речные и озерные бассейны.

Кроме Волги и Дона, речные воды внутри Европейской России доставляют небольшие уловы в 400—500 тыс. пудов малоценных рыб; некоторое значение имеет рыболовство на Ладожском озере (50—70 тыс. пуд.)—сигов и лососей, в псковских озерах (снетки)—но в общем, внутреннее рыболовство в Европейской России имеет только местное значение. В Азиатской России крупную роль играет, прежде всего, *Аральское* рыболовство. Добыча рыбы за 6 лет с 1905 до 1910 г. здесь поднялась с 285 тыс. пуд. до 2004 тыс.; в 1915 г. здесь было выловлено 1586 тыс., в 1921 г.—270 тыс. За Аральским, наиболее заметный улов дает рыболовство на озерах Зайсане—(свыше 100 тыс. пуд.) и Балкаше (тоже). Величайшее пресноводное озеро Сибири—

Байкальское — рыбой очень бедно. Много рыбы (до 400 тыс. пуд. в течение года) вывозилось из Барабинско-Чановской группы озер; но рыба эта малоценных пород — щуки, язи, окуни и т. д. Что касается речных вод Сибири, то их рыбные богатства довольно велики: но промысловая эксплоатация почти отсутствует.

Итак, несомненно, что рыболовные запасы водных бассейнов России, если включить в их число и Дальневосточный, могли бы в ближайшие годы доставить для питания населения и для вывоза за границу свыше 100 миллионов пудов, из которых 15—20% ценнейших осетровых, лососевых, белорыбицы, сиговых, обработанных в виде консервов или свежие в реффрижираторах, доставили бы нам немногим меньший доход при экспорте, чем мы получали до сих пор от вывоза масла или яиц.

Пушной промысел.

Еще большее значение для нашего экспорта мог бы иметь другой промысел наших окраин — охота на зверя пушного и морского. В средние века охота играла заметную роль даже в центральных районах Европейской России: по мере истребления зверей, она все больше отодвигалась на север и восток и сейчас надо предполагать, что около 80—90% всей добычи пушнины в России падает на Сибирь, а в самой Сибири — большая часть на север Тобольской, Томской, Енисейской губ. и Якутской обл. Однако, и в самой Сибири, в течении XX века заметно падение добычи пушнины, как по количеству, так и по ценности. Самый ценный пушный зверь древности—бобер, исчез из Сибири, так же, как ранее из Европейской России. Добыча соболя, которого еще в XVII столетии сибирские инородцы доставляли Москве в виде „ясака“ (дани) в количестве 200.000 штук, упала к концу XIX века до 40—50 тыс., а в XX веке до 10—20 тыс. Все же еще в XX веке Сибирь является первой страной в мире по добыче пушнины, как показала всемирная охотничья выставка в Вене в 1910 г. Согласно таблице, демонстрировавшейся на выставке, из 126 миллионной добычи пушнины во всем мире (в рублях) 55 милл. падает на Сибирь.

В 1901—4 г.г. на Ирбитскую ярмарку поступило:

Соболя	22 тыс.
Песца	56 „
Крестоватика	13 „
Горностая	420 „
Куница	74 „
Лисицы	76 „
Белки	12000 „
Зайца	2350 „
Сурка	1500 „
Хорька	1050 „
И пр. всего на сумму	34.916 тыс. р.

К этому надо прибавить, что инородцы севера для своих нужд употребляют несколько миллионов штук зверя, что, минуя русские рынке через

границу в Китай уходят: кроме беличьих и заячьих шкур, десятки тысяч маральих рогов, шкур косули, джейпрана, оленя и лося, струи кабарговой; наконец из устьев Оби, Енисея и Лены, бесконтрольно уходит в Америку неизвестное, но несомненно значительное количество пушнины. Но в XX веке охотничий промысел в Сибири значительно сократился. Так, судя по цифрам привоза на Ирбитскую ярмарку, количество добычи белки за 1901—10 г.г. убыло на 40% песца с 64 тыс. до 40 тыс., лисицы с 263 тыс. до 132 тыс и т. д. Во время войны и революции охотничий промысел упал здесь еще более, за прекращением экспорта за границу и запрещением продажи огнестрельных припасов. Так вывоз пушнины из 4-х губерний: Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской равный в 1913 г. 10 тыс. пудов, упал к 1916 году до $1^1/_2$ тыс. пудов—более, чем в шесть раз

Но еще до того времени, как пушной промысел стал заметно падать, можно было подметить то же явление, как и в русском рыболовстве. Хотя Сибирь была первой страной в мире по добыче пушнины, хотя большая часть добытой пушнины экспортировалась за границу—однако, *ценность* нашего вывоза была *ниже* стоимости импорта: за 1903—10 годы нами было вывезено пушных товаров на 41.585 тыс. рублей, а ввезено на 59.024 тыс. руб. на $17^1/_2$ милл. руб. более. Этот факт, чрезвычайно ярко характеризует все неустройство нашей народно-хозяйственной жизни еще до войны и является следствием двух главных причин: во 1-х, качественного и количественного падения промысла в XX веке, во 2-х, неправильной и вредной для народного хозяйства постановки внешней торговли пушниной. Главными добытчиками пушнины являются инородческие племена русского севера. За последние годы охотники стали истреблять не только взрослых зверей, а и молодняк, иначе говоря, уничтожать *основной капитал природы*. Молодой песец, например, выросши, произвел бы на свет детенышей, дал бы, так сказать, проценты на тот капитал, который представляет его шкура. Убивать недорослого зверя—все равно, что убивать курицу, несущую золотые яйца. Это убийство не только сильно сокращает число зверей, оно обесценивает и самые меха, потому что шкура недорослого зверя оценивается в половину и четверть обычной цены. По приблизительному подсчету сами охотники в 1918 г. потеряли, благодаря истреблению молодняка, на рынке 15 милл.

Главная причина этого избиения лежит в *закабаленности* инородца, не вылезающего из долговой петли, которую накинули на него торговцы кулаки—русские и более богатые его родичи. Торговцы применяют к охотникам, так называемую заборную систему. Они раздают им в кредит „в забор" то, что нужно инородцу: хлеб, чай, сахар, мануфактуру, охотничьи принадлежности и, конечно, плохую, разведенную и смешанную с махоркой водку и табак. За этот товар, который расценивался, при заборе, торговцами в несколько раз дороже, чем он стоил на ближнем рынке, охотники обязывались отдавать торговцу всю пушнину, какую он добудет. А по каким ценам он отдается—видно из следующих цифр:

В середине 1917—18 г.г. пушнина сбывалась по ценам:

	На местах инородцами.	Стоявшая тогда цена на рынках Сибири.	Во сколько раз рыночная цена выше местных.
Песец	23 р. 56 к.	85 р. — к.	3,6
Белка	— „ 45 „	2 „ 50 „	5,6
Горностай	2 „ 62 „	9 „ — „	3,4
Лисица	19 „ 98 „	60 „ — „	3,0
Сохатина	8 „ 05 „	55 „ — „	6,8
Колонок	1 „ 92 „	7 „ — „	3,6

Один исследователь севера Т. Тугаринов подсчитал, что 210 тунгузских хозяйств, получивших за свою пушнину 23.594 руб., должны бы были выручить, если бы продали ее на самых близких рынках—75.791 руб., т.-е. втрое больше. Таким образом, на заборе и на пушнине торговец «зарабатывал» 600—800% чистого барыша. При этом он старался так опутать инородца-охотника, чтобы тот, отдавши торговцу всю свою пушнину, остался бы у него все таки в долгу, за забранный товар.

Тот же Тугаринов дает такой расчет денежных доходов и долгов 329 семей инородцев при расчете с ними торговцев.

		На 1 хозяйство.
Выручено всего за пушнину	46.729 р.	142 р.
Осталось неоплаченных долгов торговцами .	42.334 „	129 „
Сколько выручили бы охотники, продав пушнину на рынке	156.798 „	477 „
За покрытием долгов у них должно бы было остаться чистого барыша	114,464 „	348 „

Таким образом, сбывая всю пушнину через посредников торговцев, вместо того, чтобы иметь чистого барыша по 348 руб. на хозяйство, охотники оказались задолженными, в среднем по 120 руб.

Вот эта самая долговая петля, из которой инородец старался выпутаться, во чтобы то ни стало и заставляла его не щадить ни взрослых зверей, ни звериный молодняк, раз он ему попадется на ружье или самострел. Дело в том, что главное достояние инородцев—не в пушнине, а в оленьих стадах. Потерявший свое оленье стадо инородец погибает без пищи, одежды, жилища, или обращается в последнего нищего, или бездомного батрака. А когда инородец залезает в неоплатные долги—торговец отбирает у него стадо, которое перепродает богатому родичу охотника, обделывающему вместе с торговцами разные темные делишки. Вот по какой причине инородцы не только убивали без разбора зверей всякого возраста, истребляя звериное богатство, но и сами вырождались, нищали и вымирали.

Второй причиной дефицита нашего пушного баланса являлась система торговли пушниной.

От мелкого торговца скупщика, собирающего пушнину на месте в полярной тундре, пушнина переходила к более крупному оптовику живущему

в центральных рынках Сибири. Оптовик, собрав и рассортировав пушнину, отправлял ее на главные российские ярмарки—Ирбитскую и Нижегородскую, где ее покупали агенты заграничных, особенно германских капиталистов, которые до войны отправляли большую часть скупленной пушнины в Германию, в Лейпциг. Там на скорняжных заведениях ее перерабатывали в меха для шуб, на дамские муфты, накидки, боа. Эти боа и накидки шли опять в Россию и за них то наши дамы приплачивали чистым русским золотом Так была протянута между инородцем охотником и мировым потребителем целая цепь посредников-капиталистов. которые одни наживали огромные барыши на этом товарообмене, сами же производители этих больших ценностей—инородцы нищали, голодали и вымирали.

Для того, чтобы улучшить их положение и тем самым избавить их от необходимости истреблять без разбора звериный молодняк, надобно, во-первых, избавить их от кабалы местных торговцев „тунгусников", во-вторых,—выбросить в мировом товарообмене цепь торговых посредников, забиравших в свои карманы всю долю народного дохода от этого весьма прибыльного промысла.

Бороться с истреблением молодняка какими бы то ни было запретами — бесполезно. Царское правительство запрещало бить соболей и неросльх песцов,—но из этих запретов никакого толка не выходило, потому что уследить за выполнением закона в безбрежных тундрах нет никакой возможности.

Надобно самих инородцев поставить так, чтобы они не нуждались в безудержном истреблении зверей, и тогда через короткое время количество пушной добычи опять станет возростать.

С тех пор, как в Сибири широко разрослась и укрепилась кооперация— северные кооперативные союзы делали попытку вырвать инородца из торговой кабалы, а затем через кооперативные центры наладить самим отправку пушнины за границу.

Так в 1918 г., когда началась гражданская война, и торговцы бежали с севера, оставив его на голодную смерть, кооперативный союз „Закупсбыт" двинул на Тобольский север 360 тыс. пудов муки, 800 тыс. арш. мануфактуры, мыла, чаю, сахару, масла и т. д. всего товаров на 7 милл. руб. Другой союз—Енисейский поставил дело еще шире: он не только двинул товаров на 2 милл. по цене в 5—10 раз дешевле рыночной, но еще распределил между населением 4000 пудов пороху, 800 пудов дроби — сберегая на огнестрельных припасах населению $5^1/_2$ милл. Союз устроил за полярным кругом фактории—род гостиниц, куда заезжают инородцы, где их кормят и где они сбывают пушнину и получают товары. Пушнину инородцы сбывают на комиссию. Северные союзы в 1917—18 г.г. собрали 2100 тыс. шкур белки на $6^1/_2$ милл. и прочей пушнины на 3 милл. Белку они отправили в Америку, где она была продана по цене 5 рублей, тогда как на рынке стояла цена 3 руб. 50 коп. Таким способом, кооперативы выручили для населения около миллиона. В 1919 г. второй оборот с пушниной в Америке был еще выгоднее для населения, так как белка поднялась в цене на Нью Иоркском рынке за год почти в четыре раза. Успех коопе-

ративных продаж за границей отчасти об'ясняется тем, что кооператоры постарались установить „стандарт", т. е. посылали товар односортный, не испорченный подмесью плохих шкурок. Русские же торговцы всегда старались в партию хорошего товара подсунуть плохие, бракованные экземпляры, чем иностранцы были очень недовольны. Поэтому и цены за русскую пушнину давали очень низкую.

Оленеводство.

В тех же самых окраинных северных районах, наряду с двумя основными промыслами местного населения—рыболовством и охотой, на первый план выдвигается *оленеводство*. Для жителей полярной тундры олень—главная основа его существования. Дикие звери являются для него только средством товарообмена: их ценные шкуры он выменивает на разные нужные ему товары. А олень его кормит, поит, одевает, обувает, из оленьих шкур он даже устраивает себе жилище. Жирное, напоминающее сливки, молоко оленя служит прекрасным питьем и идет на изготовление очень вкусного сыра. Мясо, костный жир и мозг идут в пищу; даже из мягких молодых рогов делается студень. Из костей и твердых рогов выделываются всевозможные домашние орудия: ножи, вилки ложки, иглы. Копыта заменяют стаканы и чашки. Жилы употребляются, как нитки. Кишки идут на приготовление кровяных колбас из крови того же оленя. Из сала делают свечи. Наконец, олень—прекрасное вьючное и ездовое животное. Словом, ни одно домашнее животное Сибири не приносит такой пользы своему хозяину, как олень. Он бегает 10—12 часов подряд, делая по 100 верст. И главное—его не надо прикармливать: он питается жалким мхом северных пастбищ—ягелем.

По отдельным губерниям северные олени распределяются, приблизительно, в таком числе:

	(В тыс. голов.)
В Тобольской губ.	515.000
„ Енисейской „	95.000
„ Якутской „	287.000
На Камчатке и Чукотском носу	176.000
В прочих губерниях . . .	6.200

На севере Европейской России оленей по позднейшим сведениям около 700—800 тысяч; главный район их распространения — низовья Печоры. За последние годы оленеводство стало падать, благодаря эпизоотиям и вымиранию самих инородцев. Гражданская война и на севере произвела большие опустошения.

У северного оленя есть родич — благородный олень, встречающийся в диком виде в нагорных лесах Сибири. От Алтая до Байкала распространена одна его разновидность—*марал*. У марала самой ценной его принадлежностью считаются рога, ради которых их разводят в особых загородках,

называемых маральниками, так как эти рога—„панты“ продаются за высокую цену в Китае, где из них приготовляют укрепляющее лекарство.

Мараловодством занимаются не только на Алтае и в соседних с ним районах Семипалатинской области, но и на юге Енисейской и Иркутской губерний и в Забайкалье, где вместо маралов разводится другой вид оленя—изюбров. А в Приморской области выводится третий вид оленя — „аксис“ (пятнистый олень), панты которого ценятся очень высоко.

Маралов ловят при помощи вырытых ям — западней, вырываемых на тех тропинках, по которым они ходят. Затем в маральниках самки дают приплод. Маральники огораживаются с расчетом, чтобы на каждое животное приходилось по 1 десятине пастбища. На зиму им приготовляют сено. Панты спиливаются раз в году. Когда маралы стареют и панты их становятся слишком твердыми и негодными на вывоз, их убивают. За границу—почти исключительно в Монголию и Китай, в 1916—18 г.г. вывозилось пантов на сумму свыше 900 тыс. рублей.

Садоводство, огородничество, бахчеводство и проч. мелкие культуры.

Три перечисленных сейчас промысла—рыболовство, охота, оленеводство являются главными в тех районах, где сельское хозяйство по природным условиям невозможно, или отодвигается на второй план, но в общей народной экономии их значение было до сих пор второстепенным. Однако, в ближайшем будущем, как уже указывалось, эти промыслы должны приобрести гораздо больший удельный вес, как в силу сокращения некоторых основных элементов сельского хозяйства, в частности скотоводства, так и вследствие того обстоятельства, что для получения необходимых товаров и средств производства из за границы, нам потребуется оплатить их усиленным *сбытом* своих продуктов: а т. к. сбыт земледельческих и скотоводческих продуктов, благодаря потрясению сельского хозяйства, в прежних размерах будет возможен еще не скоро, то отсюда становится необходимым усиление сбыта и переработки продуктов рыболовства, охоты и северного оленеводства. Первые два промысла имеют, главным образом, *товарный* характер: большая часть их продуктов отчуждается на сбыт. Эта самая особенность сближает их со многими побочными сельско-хозяйственными промыслами, продукты которых также в значительной степени предназначаются для рынка, а не для непосредственного потребления самих производителей. Из этих промыслов, *садоводство* очень мало распространено в северной части России, а в Сибири его совсем не существует, за крайне редкими исключениями. Главные центры его распространения: среднее и нижнее Поволжье, Крым, Кавказ и Туркестан. Здесь оно приобретает торгово-промышленное значение, а в остальных районах если и существует, то имеет преимущественно потребительский характер. В среднем и нижнем Поволжьи садов около 65 тыс. дес. На первом месте здесь стоят яблоки, на втором груши. На южных окраинах — в Крыму, на Кавказе и в Туркестане, где площадь под садами достигает, вероятно, сотен тысяч десятин (к сожалению, ни одна перепись их не учла), плодовые культуры чрезвычайно разнооб-

разны: наряду с яблоками и грушами, употребляемыми в свежем виде, большое значение получают персики и абрикосы (свежие, сушеные и в консервах), сливы, сушеные на чернослив, а на крайнем юге—в Батумской обл.—японские мандарины. Мандариновая культура началась очень недавно, но успела широко распространиться только на „Русской Ривьере"—в окрестностях Батума. В 1907 г. здесь было только 26 тыс. деревьев, в 1913 г. уже 240 тыс. Наряду с мандаринами здесь стало развиваться *чайное* дело. Центр производства—бывшее удельное имение на ст. Чаква в 10 вер. от Батума. Отсюда чайная культура стала перебрасываться не только на усадьбы соседних дачевладельцев, но даже и на крестьянские участки. В 1912 г. в Батумском округе под чаем было 714 десятин. из них у Удельного ведомства 450 дес., у фирмы К. и С. Попова—105 дес., у остальных плантаторов числом 112—159 дес., в том числе у крестьян—50 дес. По мнению специалистов размеры чайных плантаций могут быть расширены здесь до 33.000 дес., и производство чая доведено до 27 милли нов фунтов, т. е. до $^1/_4$ нормального довоенного потребления чая в России.

Вся площадь под садами достигала до войны 600 тыс. дес. Гораздо более широкое значение имеет у нас *огородничество*. По неполным сведениям переписи 1920 г. под огородами находилось (на усадебных землях):

Нечерноземная полоса.

Белоруссия (без Минской губ.) . . .	108,9	тыс. дес.
Приозерный район	20,0	„ „
Центр-промышленный	41,0	„ „
Северный	9,1	„ „
Приуральский	33,3	„ „
Всего нечерноземная полоса . . .	212,3	тыс. дес.

Черноземная полоса.

Центр-земледельческий	556,9	„ „
Средне-Волжский	248,5	„ „
Нижне-Волжский	48,5	„ „
Крым	2,8	„ „
Всего черноз. пол. (без Украины) .	856,6	тыс. дес.
Северный Кавказ	28,0	„ „
Сибирь	39,4	„ „
Степной Край	25,0	„ „
Всего Азиатская Россия	92,4	тыс. дес.
Итого по Р. С. Ф. С. Р. (без Украины, с Новороссией, Минской губерн., Дагестанской обл.)	1161,3	„ „

По двум губерниям современной Украины—Одесской и Донской обл. перепись 1920 г. дает 45,6 тыс. дес. Отсюда можно полагать, что на всей Украине количество огородов должно быть не менее полумиллиона десятин, а по всей территории Р. С. Ф. С. Р. (с Туркестаном и Закавказьем) до 1,8—1,9 миллионов десятин.

К усадебному огородничеству следует добавить полевое-*бахчеводство*, распространенное почти исключительно в черноземной полосе. По переписи 1916 г. под бахчевыми и огородными растениями в поле находилось:

В Центр-земледельческом районе . . .	30,2	тыс. дес.
„ Средне-Волжском	13,4	„ „
„ Нижне-Волжском	48,2	„ „
„ Новороссийском.	276,2	„ „
„ Юго-западном.	3,5	„ „
Малороссийском.	46,8	„ „
Всего в Европейской России. . .	444,8	тыс. дес.

В Сибири и Степном Крае по переписи 1917 г. бахчей было 26 тыс. дес., а по переписи 1916 г. (вместе с Дальним Востоком)—44 тыс. дес. Предполагая, что на Северном Кавказе и в Туркестане бахчеводство развито так же, как и в Новороссии, можно допустить, что общая площадь под огородами и бахчами по всей территории Р. С. Ф. С. Р. приближалась в 1916—20 гг. к 3 милл. десятин. При этом, в противоположность общему падению сельского хозяйства и садоводства-огородничество за время революции в некоторых районах (в особенности в пригородных в нечерноземной полосе) не только не сократилось, а даже расширилось.

По переписи 1920 г. главными районами развития огородничества являются в нечерноземной полосе — западный, в черноземной надо предполагать Украина, а за ней земледельческий центр и Поволожье. Последняя область обращает на себя, в этом отношении, усиленное внимание исследователей, ибо возрождение юго востока связывается с развитием мелиоративного дела, которое является рентабельным только при широком распространении садово-огородных культур. Известные основанияя для этих надежд дает быстрое распространение этих культур в XX веке в Новороссии и в Низовом Поволожьи, где по данным проф. Рыбникова [1]) с 1880-х гг. их площадь расширилась в 3—6 раз. Впрочем, большая часть огородных культур, главные из которых—картофель и капуста, на далекое расстояние не перевозятся. По данным переписи 1290 г. из всей зарегистрированной площади под огородами на территории Р. С. Ф. С. Р. было:

Под картофелем.	512,9	тыс. дес.
„ льном	24,0	„ „
„ коноплей.	273,0	„ „
„ капустой	64,3	„ „
„ табаком	5,9	„ „

Следовательно, картофель, конопля и капуста—три основных огородных культуры, из которых конопляная сосредоточена в центрально-земледельческом районе. Зато главный продукт бахчеводства—арбуз приобрел широкое значение на рынке.

Табачное хозяйство развивалось довольно широко не на одном только юго-востоке. До войны общая площадь под табаком и валовой с бор в пудах по областям характеризовались следующими цифрами:

	Посев (в дес.).		Сбор (в тыс. пуд.).	
	1901—10 г.	1913 г.	1901—10 г.	1913 г.
Великороссия	9966	12894	1131	1940
Украина (с Крымом) . . .	23631	18788	2615	2803
Кавказ	8422	13239	509	780
Кубань	12647	7678	872	584
Сибирь	769	464	66	73
Туркестан	63	75	5	5
По всей Р. С. Ф. С. Р. .	58895	55793	5403	6355

По отдельным районам наблюдаются колебания по годам, но в общем по всей Р. С. Ф. С. Р. до войны вся посевная площадь варьировала между 55 и 60 тыс. дес., а сбор между 5,5 и 6,5 милл. пудов. По доходности табачных плантаций следует резко различать раойны Европейской России и Сибири, в которых выращиваются грубые, низшие хотя зеленые сорта табаку,—главным образом махорка, и Кавказ, Крым и Туркестан, где господствуют желтые высшие сорта, т. наз. турецкие. Если мы выделим на приведенной табличке районы с высшими сортами, то окажется, что посевная площадь их достигает кругло 20 тыс.—приблизительно $^1/_3$ всей, а сбор—1,4—1,3 милл. пуд.—всего $^1/_4$ общего сбора. Следовательно, урожайность табака высших сортов несколько ниже, чем простой махорки. Россия была до войны первой страной в Европе по табачному производству: но за океаном ее опережали Соед. Штаты (20 милл. пудов), Британская Индия (12 милл. пуд.). В Европе после России шла Венгрия (4 милл пуд.), Германия (2 милл. пуд.) и Турция (с Азиатской—2 милл. пуд.).

Во время мировой войны табаководство не падало, как остальные интенсивные культуры в России, благодаря большому спросу на табак со стороны армии. В 1916 г. площадь под табаком достигла 64077 дес., в 1917 г.—60972 дес. Падение, и при том необыкновенно сильное, ощущается с начала революции. Перепись 1920 г. (без Украины и Кавказа) дает всего 5152 дес.—вчетверо менее довоенной цифры, а в 1921 г. и эта площадь сокращается до 2520 дес. при сборе в 207 тыс. пуд. Надо думать, впрочем, что последние цифры сильно преуменьшены, так как одного огородного табака по переписи 1920 г. оказалось 5,9 тыс. дес. Но все же несомненно, что посевы и сборы табака за время революции упали в несколько раз.

Табачное производство до войны представляло довольно крупную отрасль народного дохода. Один акциз на табак давал казне 50 миллионов рублей.

Еще более важное значение для южных районов России имела специальная культура *виноградарства*. К сожалению, данных о современном состоянии этой культуры у нас нет. Но и старые цифры мало достоверны. В пределах прежней Империи (вместе с Бессарабией) насчитывалось до 250 тыс. дес. виноградников с производством около 30 милл. ведер вина. Сравнительно с другими странами, производящими вино, эта цифра оказывается весьма незначительной. По Кистяковскому накануне войны в важнейших винодельческих странах было:

	Виноградников тыс. дес.	Вина милл. ведер.
Во Франции	1500	500
„ Италии	3500	350
„ Испании.	1200	150
„ Австро-Венгрии . . .	450	75
„ Португалии	300	35
„ Германии	100	25

Таким образом, наше виноградарство и виноделие стояло ниже, чем в маленькой Португалии и лишь немного превышало германское.

Наиболее развито было (свыше 10 тыс. дес.) виноградарство в губерниях:

Таврической	10308 дес.
Донской обл.	15543 „
Терской	10850 „
Бакинской	10850 „
Елисаветпольской	16486 „
Кутаисской	28212 „
Тифлисской	58570 „
Эриванской	11252 „
Самаркандской	20011 „

Таким образом, центром виноградного производства являлось Закавказье и главным образом Грузия, из которой, впрочем, вывоз вина был сравнительно незначителен. Производство на сбыт внутрь России концентрировалось в Крыму и Бессарабии.

Птицеводство. Пчеловодство. Шелководство.

Из второстепенных промыслов, относящихся к животноводственной отрасли, на первое место следует поставить *птицеводство*. Русское птицеводство до сих пор, к сожалению, не обратило на себя большого внимания и базировалось на крестьянском хозяйстве, создавшем мелкий (не более 4 фунтов весом) маломясистый тип кур, несущих 50—60 яиц в год, также весьма небольшого калибра. Но зато эти куры не требуют ни особого корма, ни тщательного ухода. В 1920 г. впервые при сельско-хоз. переписи регистрировалось птицеводство в России, при чем оказалось, по неполным данным, в 43 губ. около 37 милл. кур, и в десятеро меньше

проч. птиц.—Около 40% кур сосредоточивается в центрально-земледельческом районе и среднем Поволжьи. Однако, если судить по тому, что один вывоз яиц за границу в 1913 г. составил 3572 милл. штук, количество кур и прочей птицы в России было гораздо больше. До войны птицеводство, особенно в черноземной полосе, несомненно развивалось очень быстро.

Голод 1921 г., несомненно, подорвал очень сильно южное и юго-восточное птицеводство. Главный недостаток нашего птицеводства—его низкопородность. Требуется создание племенных рассадников. Эта отрасль хозяйства при правильной постановке даже в нашей крестьянской среде могла бы дать еще более высокий доход, чем напр., рыболовство, так как довоенный экспорт яиц за границу приносил около 100 милл. руб. народного дохода. Но до сих пор она находилась в забросе.

Следующая за птицеводством отрасль, также вполне доступная крестьянскому хозяйству—*пчеловодство*. По данным 1910 г. на территории РСФРС было:

	Пасек (тысяч).	Ульев (в тыс.).			Продано со всех ульев.	
		Колодки.	Рамочн.	Всего.	Меда (тыс. п.).	Воска (тыс. п.).
Нечерноз. полоса .	76,5	609,3	201,1	810,4	262,0	39,4
Черноз. полоса . .	146,3	3049,2	553,4	3602,6	1287,0	138,3
Всего Евр. Рос. . .	222,8	3658,5	754,5	4413,0	1549,0	177,7
Азиат. Рос. . . .	36,3	990,1	192,5	1182,6	227,4	26,2
Итого РСФСР . .	159,1	4648,6	947,0	5595,6	1776,4	203,9

$5^1/_2$ милл. ульев—весьма незначительная величина, если принять в расчет простор лугов и лесов России. Особенно слабо поставлено пчеловодство в Азиатской России, где его возможность гораздо шире, чем в Европейской, в которой луга, в большинстве случаев, распаханы.

В 1910 г. только 20% ульев было рамочных. В силу этого, как видно из приведенных цифр, средняя производительность одного улья едва достигла 14 фунтов меда и менее 2-х фунтов воска, что давало всего около 3-х рублей дохода на улей, а следовательно, по всей России—около 17 милл., между тем в Соед. Штатах, где пчеловодство гораздо менее распространено доход от него достигает 50 милл. Самыми пчеловодными губерниями (свыше 300 тыс. ульев) в 1910 г. являлись: Полтавская, (305 тыс.), Воронежская (350 т.), Уфимская (321 т.), Кубанская обл. (325 т.) и Томская (собственно Алтай—524 т.). Перепись 1920 г. обнаруживает в этих губерниях резкий упадок—Уфимская до (116 т.), Алтайская (182 т.). При сильной количественной убыли, которая, надо полагать, приходится, главным образом, на последние годы, перепись 1920 г. выявляет заметный технический прогресс в пчеловодстве, ибо число рамочных ульев почти повсюду доходит до $1^1/_3$ и половины, а кое-где даже сравнялось с числом колодок. Крестьяне-пчеловоды охотно совсем бы перешли на рамочное пчеловодство, тем более, что

отсутствие сахара на рынке делает его выгодным, но вся беда—в отсутствии сейчас нужных материалов и центробежных машинок.

Относительно последней отрасли—*шелководства* наши сведения весьма неполны. Главные шелководные районы — Закавказье и Туркестан. Существовало шелководство и в Европейской России вплоть до Московской губ.

В 1913 г. было в Европейской России:

Оживлено грены	21523 золотн.
Собрано коконов	6565 пудов.

В 1914 г. на Кавказе:

Оживлено грены	27048 короб.
Собрано коконов	320850 пудов.

В Туркестане сбор коконов в 1912 г. достиг 252.000 пудов. Таким образом, общий сбор коконов накануне войны составил кругло 580.000 пудов, из которых получается около 60 тыс. пудов шелка-сырца. К сожалению шелкомотальное дело было очень мало развито в России и значительная часть коконов уходила без обработки из Закавказья и Туркестана за границу. Из за границы же мы получали большую часть грены. Таким образом, начало и конец нашего шелководства находились в руках европейских предпринимателей.

ГЛАВА XI.

Внешняя торговля сел.-хоз. продуктами.

Внешний рынок, как фактор, организующий сельское хозяйство.

Незадолго до мировой войны, в русской экономической литературе поднялся спор о том, какой из двух основных факторов воздействия человека на природу в сельско-хозяйственном производстве является первостепенным: *уплотнение* сельско-хозяйственного населения, или *развитие рынка* для сельско-хозяйственных продуктов. Одни авторы (П. Лященко, С. Прокопович) выдвигали на первый план роль рынка, другие (А. Н. Челинцев, А. И. Скворцов), наиболее важным фактором эволюции считали рост и уплотнение сельского населения. В главе IV мы отчасти выяснили значение фактора уплотнения населения на сельско-хозяйственную эволюцию. Чем больше растет и сгущается население, чем больше нужно добывать из земли насущнейших продовольственных средств, тем больше затрат капитала и труда ему приходится вкладывать в одну и ту же площадь. Повышение затрат на единицу площади—одно из главных средств для увеличения количества продуктов, получаемых с единицы площади, т.-е. для развития производительности земли. Но сельское хозяйство значительно отличается

от индустрии тем, что в нем далеко не всякое увеличение затрат сопровождается пропорциональным развитием производительности земли, т.-е. человеческий труд не с одинаковой щедростью оплачивается природой. В одной из своих статей [1]) проф. А. Н. Челинцев указывает на три теоретически возможных последствия процесса сельско-хозяйственной эволюции: 1) *увеличение* заработка каждого хлебороба, 2) *сохранение* доходности сельского хозяйства на прежнем уровне и 3) *уменьшение* заработка от земли на каждого работника и едока. „В последних двух случаях, говорит автор,— приобретение несомненного сельско-хозяйственного прогресса (в виде роста трудоемкости сельского хозяйства и увеличения продуктивности единицы хозяйственной площади) останутся в скрытом виде и мы имеем дело тогда с *потенциальным прогрессом сельского хозяйства.* С ним то, в большинстве случаев, и сталкивается наблюдатель сельского хозяйства в Европейской России". Автор признает, что в Европейской России рост и уплотнение земледельческого населения, а, следовательно, и увеличение затрат труда и капитала на единицу площади, сопровождаются непропорционально малым ростом продуктивности хозяйственной площади, в силу чего заработок всех лиц, участвующих в производстве, уменьшается и крестьянское население беднеет. Чтобы „потенциальный" стихийный прогресс сельского хозяйства стал явным, т.-е., чтобы он сопровождался не обеднением, а обогащением масс, необходимо, чтобы, параллельно с ростом населения и увеличением затрат, происходил под'ем производительности труда, т.-е. каждая новая затрата оплачивалась соответственным увеличением количества и рыночной стоимости добытых продуктов. Производительность земли и производительность человеческого труда должны находится в состоянии устойчивого *равновесия*—в этом равновесии и лежит ключ к гармоническому развитию производительных сил в сельском хозяйстве.

Таким образом, для развития производительных сил еще не достаточно одного уплотнения земледельческого населения и увеличения затраты капитала и труда. Нужно, чтобы эти затраты производились *рационально*, чтобы труд окупался соответственным под'емом сел. хоз. продукции. Что уровень под'ема сельско-хозяйственной продукции далеко не всегда связан с уровнем плотности земледельческого населения — видно из следующего сопоставления:

	На 100 д. обрабатываемой земли приходится сел. нас.	Урожайность главных зерновых хлебов в пудах с 1 дес.
Европейская Рос.	91 [2])	46
Австро-Венгрия	126	80
Франция	84	85
Германия.	107	108
Великобритания.	79	126

[1]) В трудах Вольно-Экономич. О-ва 1912 г., № 3—4, стр. 78.

[2]) В Европ. Рос. цифры относятся к 1910 г. Площадь пашни определена по посевной, увеличенной на площадь пара (на 50%), данные Германии—1901—5 г.; Франции—1906—8 г.; Великобритании—1911 г.; Австро-Венгрии—1900—8 г. В Великобритании в обрабат. площадь включены луга.

В Великобритании, где плотность земледельческого населения наименьшая—урожайность, т.-е. производительность земли оказывается максимальной. Европейская Россия, которая, если сделать расчет населения на *посевную* площадь, окажется *первой* страной по плотности сел. населения, по производительности земли отстает от всех Европейских стран в два—три раза. Отсюда, наиболее острой, самой жгучей потребностью сельского хозяйства в России является *рационализация* наблюдающегося сейчас стихийного стремления крестьян к ломке старых способов хозяйства и содействия им к переходу на более интенсивные системы земледелия, способные восстановить нарушенное убыстренным ростом населения равновесие между производительностью земли и производительностью человеческого труда. Для интенсификации земледелия один необходимый элемент — соответственная плотность, т.-е. потребные запасы физического труда и отчасти капитала имеются на лицо. Но одного этого элемента недостаточно. Переход к интенсивным системам, в пределах стран Европейской культуры, обусловливается не только уплотнением земледельческого населения, но и ростом городов и индустрии—т.-е. *развитием рынка*.

В интенсивном фазисе сельского хозяйства земледелец связывается с рынком, как покупатель продуктов индустрии и как продавец своих продуктов. Трудовому крестьянину, ведущему экстенсивное зерновое хозяйство рыночные продукты нужны в ограниченном количестве: ни семян, ни навоза он не покупает, соху, борону ладит сам. Если размеры его хозяйства, как напр., на юге и юго-востоке, становятся относительно крупными—он приобретает плуги и уборочные машины и только. Продаются же в нормальной социально-политической обстановке только излишки продуктов, остающихся за покрытием собственных нужд. Не то в интенсивном хозяйстве: тут усиливается и покупка усовершенствованных орудий, разных семян, удобрения и продажа своих продуктов. Свеклу, картофель, лен, множество второстепенных торговых растений самый мелкий трудовой земледелец производит нестолько для себя, сколько на рынок. Туда же отвозит он и выкормленного теленка, свинью, птицу. И к развитию меновых отношений его теперь вынуждает уже не тяжелые подати, ни аренда и купля земель, как у нас, а самый *тип* хозяйства, характер севооборота.

И так, развитие рынка составляет непременное условие перехода к интенсификации. Однако, не следует преувеличивать значения рынка для земледелия, к чему у нас многие имеют большую склонность. Даже в интенсивном фазисе, целый ряд средств производства и продуктов остается вне рыночного оборота: достаточно указать на такую промышленную страну, как Англия, где в 1908 году из всех произведенных сел.-хоз. продуктов, оцениваемых в 125 милл. фунтов, на долю проданных пришлось всего 46 милл. Две трети продуктов ушли на корм скоту, поддержание плодородия почвы и личное потребление. Пока продовольственные продукты будут вырабатываться на полях, а не на фабриках, пока будет существовать трудовое хозяйство, до тех пор сел.-хоз. производство не может превратиться в исключительно меновое, во 1-х, потому, что потреблять продовольственные продукты самому производителю выгоднее, чем покупать их на рынке, во 2-х, потому,

что в сельском хозяйстве есть целый ряд так назыв. нерыночных продуктов (навоз, солома, отбросы, грубые корма), которые, в силу своей громоздкости и дешевизны, на рынок попадают очень редко.

У нас в России индустрализация населения начала развиваться усиленным темпом только в XX столетии: внутренний рынок еще не велик, но ему приходит на подмогу рынок внешний, мировой.

До сих пор в нашей литературе не выяснено достаточно влияние внешней и внутренней торговли на сельско-хозяйственное производство. Между тем оно, по крайней мере, в XX веке начинает довольно заметно различаться, именно, в том отношении, что внешний рынок пред'являет все больший и больший спрос на продукты *интенсивного* земледелия и скотоводства, благодаря чему внешняя торговля более, чем внутренняя, способствует интенсификации сельского хозяйства.

Так относительно хлебной торговли,—главной отрасли нашей внутренней и внешней торговли, проф. Лященко констатирует: „что при всех комбинациях в отдельные годы, в зависимости от тех или иных факторов и условий производства и рынка, общий ход вывозного и внутреннего сообщений представляется прямо противоположным.

Перевозки всех хлебных грузов составляли:

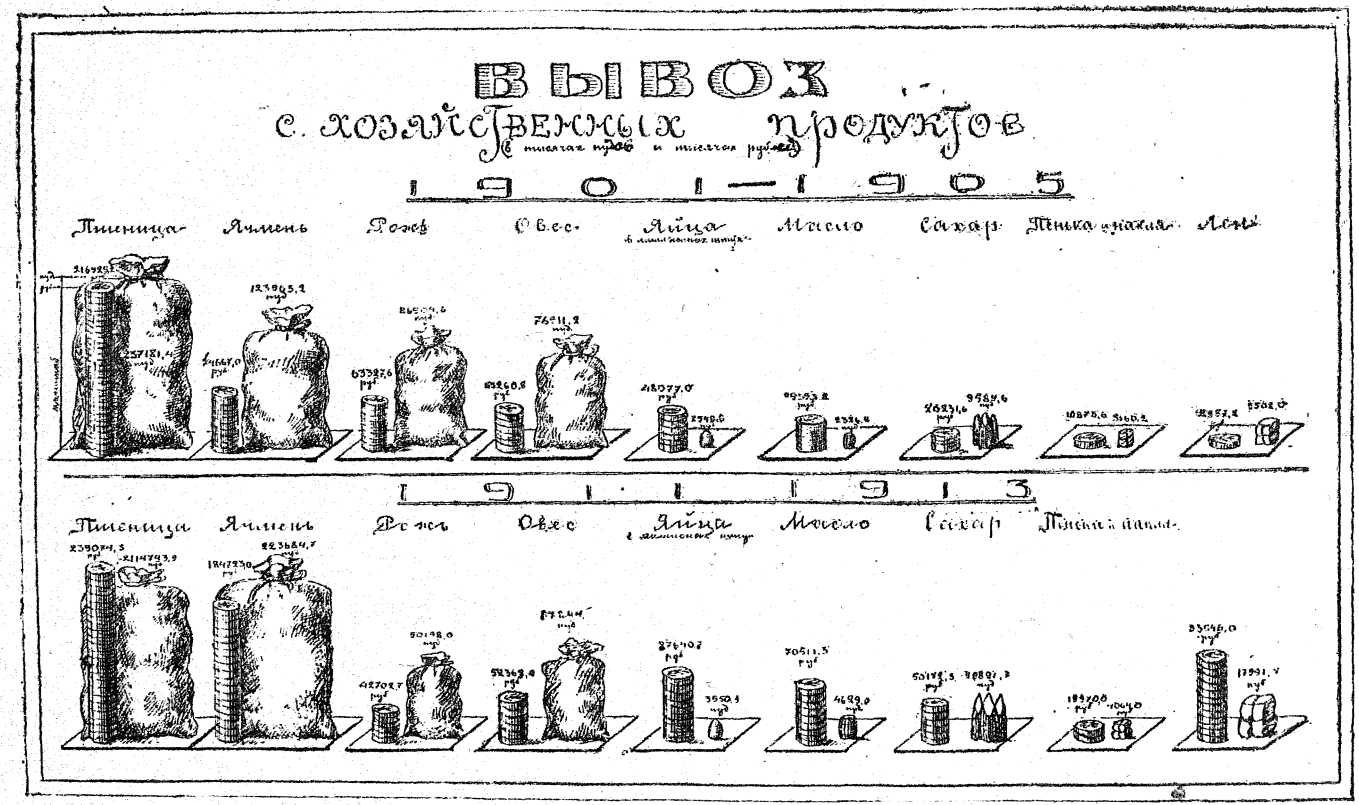
В среднем ежегодно.	Вывозные (за границу).		Внутренние.	
	Милл. пуд.	%	Милл. пуд.	%
В 1895 г. . . .	375	63	220	37
„ 1900 „ . . .	336	53	297	47
„ 1908 „ . . .	316	42	441	58

„Вывозное сообщение, заключает проф. Лященко, 15 лет назад превосходившее внутреннее почти вдвое, 10 лет назад сравнявшееся с ним, за последние годы уже значительно уступает ему[1]). Наряду с относительным падением вывоза продуктов экстенсивного земледелия-зерновых хлебов, растет экспорт продуктов интенсивных культур и скотоводства, а также экспорт продуктов технической переработки с.-х. сырья (муки, сахара и т. д.)

Вывоз за границу:

	В миллионах руб.			В % к итогу.		
	1901—5 г.г.	1906—10	1911—13	1901—5 г.г.	1906—10	1911—13
Хлеба в зерне . . .	416	497	543	56,9	53,2	45,7
Проч. предм. земл. .	191	246	356	26,1	26,3	29,9
Продук. животноводства и птицеводства.	115	178	277	15,7	19,1	23,3
Рыболовства пчеловодства и шелков. .	9	13	13	1,3	1,4	1,1
Всего с.-х. продук. .	731	934	1189	100	100	100

[1]) Лященко. Хлебная торговля на внутренних рынках Европ. Рос. С. П. 913 г., стр. 11.



Примечание к графику: В цифрах и графике вывоза льна за 1901—1905 год вкралась ошибка, а именно: вместо льна-волокна был взят вывоз льна-семени. Вывоз же льна-волокна в это пятилетие составил в среднем 13.686.000 пудов на сумму 62.138.000 рублей.

Эта таблица в высшей степени показательна: при общем под'еме экспорта с.-х. продуктов за 13 лет, круглым счетом в полтора раза, вывоз продуктов интенсивных культур, с. х. индустрии и животноводства увеличился почти вдвое и, составляя в 1901—5 г.г. всего 43,1% сельско-хоз. экспорта, дошел в 1911—13 г.г. до 54,3% т.-е. превысил *половину* всего экспорта. Население Западной Европы, обладающее большими покупательными средствами, чем русское, приобретает у нас все в больших и больших количествах более дорогие, чем хлеб, продукты интенсивного земледелия и скотоводства и, тем самым, стимулирует интенсификацию нашего сельского х-ва.

Так, если принять перевозки и вывоз 1901 г. за 100, в 1913 г. мы получаем следующие цифры, характеризующие рост тех или иных грузов.

	Все перевозки по жел. дорогам.	Вывоз за границу.
Хлебных грузов. . . .	160	140
Мяса, сала, птицы . . .	146	260
Масла	165	240
Яиц	176	179
Волокна льняного . .	—	195

Рост вывоза решительно всех продуктов, кроме хлебных грузов, превышает процент увеличения всех перевозок.

Итак, 1) Общее развитие рыночных отношений является непременным условием перехода к интенсификации, к рационализации сельского х-ва, что ведет к развитию производительных сил в сельском х-ве.

2) Внешний рынок в России оказывает сильное влияние на развитие интенсивного сельского хозяйства.

На протяжении всего XIX столетия баланс внешней торговли России складывался в общем для нас благоприятно.

Внешняя торговля России в XIX—XX столетиях.

В миллионах золотых руб.

Годы.	Ввоз.	Вывоз.	Оборот.
1802	40,9	45,8	86,7
1803 –7	38,6	40,8	39,4
1812—20	38,1	53,5	91,6
1821—30	51,1	58,3	109,4
1831—40	63,4	76,2	139,6
1841—50	85,2	97,2	182,4
1851—60	113,1	123,5	225,6
1861—70	184,5	184,9	369,4
1871—80	367,7	339,3	707,0
1881—90	249,9	392,1	642,0
1891—95	304,0	415,4	713,4

Импорт превышает экспорт лишь в первые два десятилетия после освобождения крестьян, когда началось приобщение России к мировому хозяйству. После 20 лет усиленного ввоза в Россию иностранных фабрикатов и средств производства, Россия начала выбрасывать на Европейский рынок все растущее количество с.-х. продуктов и в последнюю четверть XIX века наш внешний торговый оборот сразу вырастает вдвое, причем экспорт превышает импорт на значительную величину.

В XX веке до войны сохраняются те же основные черты нашей внешней торговли: активность торгового баланса и общий рост ее размеров.

В миллионах рублей.

Годы.	Ввоз.	Вывоз.	Общий оборот.	(Баланс) Перевес вывоза над ввозом.
1901—5	632,2	941,4	1573,6	+ 309,2
1906—10	910,3	1204,6	2114,9	+ 294,3
1911—13	1235,8	1543,3	2779,1	+ 307,5

Однако, если мы высчитаем, какой процент по отношению к общему обороту составлял наш активный баланс, то окажетея, что он *падал* с каждым пятилетием.

Процент суммы, характеризующей активность нашего баланса к общему обороту равнялся:

В 1901—5 г.г. 19,6
„ 1906—10 „ 13,5
„ 1911—13 „ 11,1

На протяжении одного десятилетия активность нашего баланса упала относительно почти вдвое, при увеличении общего оборота почти на 80% и при всех стараниях самодержавного правительства удержать его на большой высоте, т. к. в активном балансе старая власть находила главную точку опоры для устойчивости наших финансов. Объясняется это падение тем, что в XX веке, как мы видели, стала развиваться усиленным темпом *индустриализация* России, которая, в связи с общим ростом рыночных отношений, вызвала усиление привоза из-за границы средств производства: фабрикатов, полуфабрикатов и сырых материалов для русских фабрик и заводов.

В самом деле, если мы сравним балансы 4-х основных групп товаров, по которым вело таможенное ведомство учет внешнего грузооборота России, то увидим следующую картину:

Баланс (в милл руб.) внешней торговли по основным группам (+ или —).

Группы.	В 1901—5 г.г.	1906—10 г.г.	1911—13 г.г.
Жизненные припасы. .	+ 465,7	+ 531,9	+ 674,7
Животные	+ 11,3	+ 14,3	+ 17,1

Сырье и полуобработан. материалы	— 43,0	— 42,9	— 48,2
Изделия фабрич.-заводс. и ремеслен.	— 124,8	— 209,0	— 336,1

Отсюда ясно, что *активность нашего баланса держалась, как и следовало ожидать, исключительно на продуктах с.-х-ва:* жизненных припасах и животных; две последние группы-фабричное сырье, полуфабрикаты и изделия давали всегда минус, причем и относительно и абсолютно этот минус возростал на большую сумму, чем плюс от экспорта с.-х. продуктов. Так активный баланс этих продуктов в 1906—10 г.г. превысил таковой же в 1901—5 г.г. на 50 милл. или на 12%, а пассивный баланс предметов и продуктов индустрии поднялся на 84 миллиона или на 50%. В следующий период 1911—13 г.г., хотя, благодаря высокому урожаю 1913 г. активный баланс с.-х. продуктов в абсолютных числах несколько обогнал пассивный—продуктов индустрии, но в процентном отношени все же второй превысил первый ровно вдвое (26% и 52%). Таким образом, падение активности нашего баланса до мировой войны *есть следствие развития промышленности и торговли в России.* Особенно печалиться об этом не приходилось, т.-к. усиленный ввоз фабрикатов и средств фабрично-заводского производства увеличивал производительные силы нашей страны. Если мы посмотрим с этой стороны, каков внешний торговый баланс в самой богатой стране Европы—Великобритании, то окажется, что он всегда отличался *пассивным* характером и притом пассивность эта была довольно больших размеров (в милл. фунтов стерлингов).

Годы.	Вывоз.	Ввоз.
1902	283	528
1905	330	565
1907	426	646
1910	430	678

Ввоз в Великобританию в XX веке иногда на половину, а иногда даже почти вдвое превышал вывоз. И от этого население Великобритании не беднело, а богатело, ибо оно собирало к себе продукты производства своих колоссальных колоний. Промышленные страны зачастую отличаются пассивным балансом своей внешней торговли; и потому сокращение активности нашего торгового баланса в связи с происходившей индустриализацией России никакой опасности для нашего народного х-ва не представляло. Гораздо важнее, с народно-хозяйственной точки зрения, тот факт, что наш внешний оборот, если его сравнить с населенностью страны и национальным доходом, составлял ничтожную величину. В середине 1900-х годов на душу населения приходилось (в рублях) внешнего оборота:

В Бельгии	650	руб.
„ Голландии	350	„
„ Великобритании (с колониями)	210	„

В Германии . . . . . 110 „
„ Австро-Венгрии . . . . . 38 „
„ России . . . . . 12 „

В Великобритании внешний торговый оборот равнялся почти половине всей суммы национального дохода, в Германии и во Франции — около 40%, а в России всего 12% — одной восьмой части. Это свидетельствовало об очень слабой связи нашего народного хозяйства с мировым. Но связь эта очень быстро росла. В 1890-х г.г., когда сумма внешнего оборота едва превышала 700 милл., она составляла едва 9% ко всему национальному доходу. В 1913 г. этот процент поднялся уже до 15%. Из предыдущих цифр видно, что абсолютно, за 10 лет—с 1890-х г.г. до 1913 г., внешний торговый оборот вырос в четыре раза, тогда как *мировой* оборот внешней торговли поднялся за этот период с 32 миллиардов до 71 миллиарда (1911 г.) т. е. увеличился в два с половиной раза. Таким образом, ясно, что Россия *догоняла* культурный мир по оборотам своей внешней торговли. По быстроте роста внешней торговли мы опережали не только Европейские страны но даже Соед. Штаты Америки, где с 1900 по 1913 г. сумма оборота поднялась с 4,6 миллиардов рублей до 8,6 миллиардов. Только рост внешней торговли в Японии, которая также являлась страной быстро развивающейся индустрии, соответствовал, по своей быстроте, нашему: за 1901—16 г.г. внешний торговый оборот Японии поднялся с 508 милл. иен до 1884 милл.: но на душу населения у японцев в 1916 г. приходилось уже 33,6 иен, т. е. вдвое больше, чем у нас (иена почти равна довоенному руб.).

Мировая война сразу нарушила наши возраставшие связи с мировым хозяйством: она их не уничтожила совсем, но сократила в абсолютных размерах и главное, превратив активный баланс в пассивный, стала выкачивать из России денежные золотые запасы.

Оборот внешней торговли в годы войны составил (в милл. руб.).

Годы.	Ввоз.	Вывоз.	Сумма оборота.	Баланс.
1914	1098,0	956,1	2054,1	— 141,9
1915	1138,4	401,9	1540,3	— 736,5
1916	1398,5	476,5	1875,0	— 922,0
1917	1372,8	464,0	1536,8	— 908,8

Если мы примем в соображение, что покупательная стоимость нашего рубля к концу 1917 г. упала более, чем в 25 раз, то из приведенной таблицы станет очевидной не только все возрастающая пассивность нашего торгового баланса, но и резкое падение общих размеров внешнего торгового оборота.

Насколько сократились размеры последнего, можно более отчетливо видеть по данным о вывозе и ввозе с. х. продуктов и средств с. х. производства, приведенным не в денежной оценке, а в единицах *веса*—в тысячах пудов.

А. Вывоз.

	В 1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Землед. продукт. т. п. . .	763323	444939	57920	60646	13937
Прод. животнов. т. п. .	21690	12641	5713	1056	308
Прод. рыболовст., пчелов., шелков и пр.	1649	1162	826	426	53
Лесных материалов . . .	463812	213137	50349	55187	30623
Средств. с. х. произ. . .	2896	2011	1599	—	—
Итого тыс. пуд. . . .	1253270	673890	116404	117315	44921

Б. Ввоз.

Землед. продуктов . . .	83222	71577	51276	17527	12717
Прод. животнов. т. п. . .	143620	11255	6488	5552	2230
Прод. рыболов., пчеловодства и проч.	22594	11940	3882	5172	4246
Лесных материалов . . .	59333	48839	45479	87713	66247
Средст с. х. произв. . . .	42725	30033	4446	393	1726
Итого тыс. пуд. . . .	222237	176644	111572	116357	87166

Вывоз земледельческих продуктов с 1913 г. по 1917 г. по весу упал круглым счетом в 55 раз, продуктов животноводства - в 70 раз, рыболовства в 30 раз, лесных материалов—в 15 раз. *Ввоз* земледельческих продуктов продуктов животноводства и рыболовства, хотя также сократился, но приблизительно только в 7 раз, а ввоз лесных материалов, в нашу страну — первую в мире по лесной площади—даже увеличился. Зато ввоз с. х. машин, средств для борьбы с вредителями и проч. средств с. х. производства, столь важных для нашего с. хоз.-ва, упал в 25 раз, как раз в то время, когда внутреннее производство сельско-хозяйственных машин, составляющих главную статью ввоза средств с. х. производства из за границы, сократилось также в 10 раз. Русское сельское хоз-во осталось без средств производства: это одна из многих причин, почему оно унас стало так быстро деградировать. В результате, мы видим, что вместо средств с. х. производства, относительно увеличивается импорт *продуктов* с. хоз-ва, а ввоз лесных материалов возрастает даже абсолютно. Таким образом, не только внешняя торговля сократилась количественно, не только активный баланс ее превратился в пассивный, но уже началась трансформация России из страны, кормящей Европу, в страну, которая должна прокармливаться сама ввозом из за границы.

Эти отрицательные стороны нашего внешнего торгового баланса, проявившиеся во время мировой войны, резко и отчетливо обнаружились в последний период гражданской войны и блокады.

Оборот внешней торговли в тыс. пудов (только предметов сельского хоз-ва).

Годы.	Вывоз.	Ввоз.	Баланс.
1918 (только предметов с. х-ва)	1007	1501	494
1919	52	520	468
1920	676	5371	4695
1921	12963	55304	42341

Сравнительно с периодом мировой войны, мы видим в эту эпоху одно отличие: блокада, установленная Антантой, оказывает на нашу внешнюю торговлю свое подавляющее влияние в 1919 г., когда, благодаря разрыву наших сношений с миром, общий хлебный оборот сводится до 572 тыс. пудов—цифры, недостаточной для прокормления населения среднего города в России. С 1920 г. начинается частичный прорыв блокады—оборот поднимается в этом году до 6 милл. пудов и в 1921 г. — до 68 милл. Внешняя торговля с заграницей восстанавливается, но в диаметрально *противоположном* направлении, чем то, которое господствовало до войны: вместо страны *вывозящей* с. х. продукты, мы становимся страной, ввозящей их все в больших количествах.

Ввоз предметов с. хоз-ва из за границы (в тыс. пуд.)

	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Продуктов земледелия . .	675	171	1010	16026
„ животноводства	107	—	100	960
Рыболовства, пчеловодства и пр.	579	—	137	2552
Лесных материалов . . .	—	—	—	92
Средств с.-х. произв. . .	140	3	454	2499
Всего	1501	174	1701	22129

В 1921 г. мы уже ввозили к себе 16 милл. пудов земледельческих продуктов, около 1 милл. продуктов животноводства, $2^1/_2$ милл.—рыбных продуктов. Правда, мы перестаем ввозить лесные материалы и увеличиваем импорт с. х. машин и прочих средств с. х. производства до $2^1/_2$ милл. пудов, но пока пассивный баланс оборота с. х. продуктов не сменится активным — до тех пор, конечно, нельзя говорить об оздоровлении нашей внешней торговли. Этого оздоровления нельзя предвидеть в 1922 году, на балансе которого отразятся последствия исключительного неурожая прошлого года—его начала можно ожидать только с 1923 г., когда, при благоприятных условиях, вывоз некоторых, по крайней мере земледельческих продуктов, начнет, вероятно, заметно расширяться. Но пассивный характер нашего внешнего баланса, надо полагать, сохранится на долгий промежуток времени, принимая во внимание нашу страшную нужду в средствах с. х. производства и в фабрикатах.

Экспорт и импорт отдельных продуктов и средств производства.

Переходим к анализу внешней торговли отдельными продуктами сельс. хоз-ва. А) *Вывоз зерновых хлебов.* Первое место в вывозе с. х. продуктов у нас, естественно, занимали зерновые хлеба. С начала XX века вывоз и баланс зерновых хлебов изменялся следующим образом: (в милл. пудов).

Годы.	Вывоз *).	Баланс.
1901— 5 г.	559,2	+554,1
1906—10 „	559,4	+493,8
1911—13 „	600,8	+578,8

Общая сумма нашего экспорта зерновых хлебов, выростая заметно, сравнительно с XIX веком, когда она даже в 1890-х г.г. достигала цифры 300—400 милл. пудов, в XX веке, перестает значительно расти в весовых единицах, хотя в денежной оценке, благодаря повышению мировых цен на хлеб, сохраняется картина довольно заметного под'ема.

Ценность экспорта зерновых хлебов (в милл. рублей).

В 1901— 5 г.	434,0
„ 1906—10 „	513,3
„ 1911—13 „	564,5

Вывоз зерновых хлебов сильно колебался по годам. Максимальный экспорт был в 1911 г., когда он достиг 824 милл. пудов. По отдельным хлебам экспорт и баланс (за вычетом ввоза) в XX веке до войны равнялся (зерно):

(В миллионах пудов).

	1901—5 гг.		1906—10 гг.		1911—13 гг.	
	Вывоз.	Баланс.	Вывоз.	Баланс.	Вывоз.	Баланс.
Пшеница . . .	231	230	228	222	202	194
Рожь	77	76	42	37	41	33
Ячмень	124	123	181	180	224	222
Овес	77	77	57	56	58	56
Гречиха	2	2	1,7	1,5	4	4
Просо	1	0,9	1,4	0,5	1,9	0,9
Кукуруза . . .	36	35	36	35,5	55	54

Валовой и чистый вывоз (баланс) пшеницы, ржи, овса—падает, ячменя, гречихи, кукурузы—растет, проса—(чистый вывоз)—без перемены. Если мы примем чистый вывоз 1901—5 гг. за 100, то получим в 1911—13 гг. такие соотношения.

*) Хлеб в зерне и муке.

Пшеница	83
Рожь	43
Овес	73
Гречиха	200
Кукуруза	154
Ячмень	180
Просо	100

Больше всего уменьшился экспорт ржи, затем овса и, наконец, пшеницы. Из хлебов, экспорт которых повысился, если не считать гречихи, вывозимой всего в количестве 4 милл. пудов, на первом месте стоит ячмень, экспорт которого поднялся на 80%, на втором — кукуруза. Центр производства обеих культур лежит в районах черноморского побережья — на Сев. Кавказе и в Новороссии, значение которых, как хлебных житниц за границы становится первостепенным. За 1909—13 гг. экспортировалось из этих районов зерна (в миллионах пудов):

	Пшеницы.	Ячменя.
Из Новороссийского .	186	180
Сев. Кавказа	42	37
Всего Евр. России . .	257	219

Почти весь заграничный вывоз двух главных хлебов нашего экспорта направлялся из указанных районов, которые отдавали Европе третью часть своей пшеничной продукции, и около 60%—ячменной. Отсюда ясно, что на производство хлебов в этих районах заграничный спрос должен был оказывать в XX веке огромное влияние. Но спрашивается куда направлялся этот спрос и, следовательно, какая европейская страна повлияла на очерченные выше изменения в составе нашего экспорта? Ответ на этот вопрос мы находим в специальном исследовании проф. П. И. Лященко: „Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением". Здесь мы находим следующую таблицу.

Принимая за 100 общую сумму вывоза 4-х главных хлебов (ржи, пшеницы, ячменя, овса) получаем такую картину изменений доли нашего экспорта по отдельным странам.

	В Англию.	Францию.	Италию.	Германию.	Голландию.
1886—90 г. г. . . .	42,8	7,3	6,6	12,6	11,0
1891—5 „ „ . . .	31,9	10,4	7,6	11,9	10,5
1896—900 „ „ . . .	21,9	10,2	9,5	17,7	17,9
1901—5 „ „ . . .	22,8	7,7	10,9	18,3	20,5
1906—10 „ „ . . .	18,9	7,1	8,8	25,3	22,1
1911 „ „ . . .	14,6	6,6	7,2	34,4	21,8
1912 „ „ . . .	13,6	9,6	10,2	30,0	23,6
1913 „ „ . . .	10,0	8,0	11,6	31,9	24,1

Следует иметь в виду, что благодаря большой дешевизне морского фрахта, а также системе таможенных пошлин, значительная часть нашего экспорта в Германию шла не прямо в нее, а через Голландию, чем и об'ясняется странный, на первый взгляд, факт такой крупной роли этой маленькой страны в нашем экспорте. Поэтому для правильного представления о роли Германии в нашей внешней торговле хлебом необходимо к доле Германии прибавить если не всю, то большую часть доли экспорта, приходящуюся на Голландию. Тогда станет совершенно очевидным тот факт, что Германия, которая в конце 80-х гг. далеко отступала на второй план в нашем зерновом экспорте перед Англией, к моменту войны захватила в свои руки его большую половину, оттеснив Англию, обратившуюся за нужным ей хлебом в Соед. Штаты, Аргентину и в свои колонии. Еще в 1901—5 гг. Англия, нуждающаяся преимущественно в пшенице, которую она импортирует к себе в количестве 320 миллионов пудов, получила из России 14,3% ее, а в 1913 г.—лишь 4,3%. Вывоз второго экспортного хлеба России—ячменя в Англию также сократился почти вдвое.

Таким образом, Германия стала хозяином нашего внешнего зернового рынка. Этим и об'ясняется факт падения нашего экспорта ржи, отчасти пшеницы и рост вывоза ячменя и кукурузы. В 1901—5 гг. Германия ввозила к себе 127 милл. пудов пшеницы, в том числе 45 милл. пуд. из России (36,4%) и 37 милл. из Соед. Штатов: в 1913 г. из 155 миллион. пудов всего импорта она из России получила только 32 милл. (20,4%), а из Соед. Штатов—61 милл. Наоборот, ячменя из России в 1901—5 гг. она получила 55,5 милл. из 81,3 милл. общего ввоза (68,3%) и в 1913 г., 169 милл. из 198 милл. всего (85,4%). Если прибавить, что ввоз ячменя из России в Голландию за этот период удвоился (дойдя до 40 милл. пуд), то станет очевидным, что Германия явилась монопольным обладателем нашего ячменя на внешнем рынке. Получая пшеницу из Америки, она меньше нуждалась в ней, также как и Англия—отсюда сокращение экспорта нашей пшеницы за границу. К счастью для нас, к нашей твердой пшенице весьма пригодной для изготовления макарон, пред'являет все больший спрос Италия, доля которой в пшеничном экспорте из России повышается с 13,6% до 29% к 1913 г., и Италия становится первой страной по размерам вывоза пшеницы из России; вывоз в Германию и Голладнию вместе составляет всего 28,3%.

Влияние Германии несомненно сказывается также на понижении нашего экспорта ржи и овса. Несмотря на то, что с конца 80-х гг. до 1913 г. площадь под этими культурами в Германии увеличилась весьма незначительно, благодаря высокому под'ему техники обработки и широкому применению искусственного удобрения, валовые сборы за этот период удвоились [1].

---

[1]) Цифры заимствованы из книги Гельферриха „Развитие народного хозяйства Германии“ М. 1920 г.

	Площадь под посевом (в тыс. гектр).		Валовой сбор. в) тыс. тонн).	
	1883–7 г.	1909—13 г.	1883—7 г.	1909—13 г.
Рожь	5830	6227	5868	11309
Овес	3785	4381	4201	8593
Ячмень	1738	1609	2233	3343

Отсюда ясно, что Германия стала удовлетворять свою потребность во ржи и овсе внутренним производством, благодаря чему общий ввоз ржи в Германию понизился с 1901—5 г. до 1913 г. с 45 милл. пудов до 21 милл., а овса с 32 милл. до 30 милл. Ячмень же, необходимый для прокормления сильно возросшего скотоводства Германии, наряду с другими концентрированными кормами, стал получаться ею почти целиком из России С другой стороны, немцы, увеличив в массе свое благосостояние, начали предпочитать пшеничный хлеб, выпеченный из американской муки, ржаному из русской. Наоборот, они сами стали ввозить рожь и ржаную муку в Россию и Финляндию и, накануне войны, этот импорт дошел до 7 милл. пудов. Здесь кстати следует сказать о характерной особенности нашего экспорта зерновых продуктов. Значительная часть вывоза заокеанских и европейских стран производится не только в зерне, а и в *муке*. Вывоз из России наоборот, почти исключительно зерновой.

Процент вывоза муки пшеничной к зерну [2]) (среднее за 1905—10 гг.)

Из России	2,1
„ Соед. Штатов	76,4
„ Аргентины	4,7
„ Австралии	18,3
„ Канады	15,4
„ Германии	58,1
„ Австро-Венгрии	583,4
„ Румынии	3,1

Только Румыния и Аргентина сходны в этом отношении с Россией Между тем, вывоз муки вместо зерна представляет для вывозящей страны двойную выгоду: во-1-х, стоимость провоза муки по железной дороге составляет меньший процент к стоимости муки, чем стоимость провоза зерна; во-2-х,—чрезвычайно ценный концентрированный корм-отруби остаются в стране. У нас же, мало того, что весь почти хлеб, который экспортировался, шел в зерне и, следовательно, мы отдавали его за границу с отрубями—мы вывозили туда же и отруби с наших собственных мельниц.

Вывоз отрубей рос систематически следующим образом (в милл. пуд.)

	Всего.	В том числе в Германию.
В 1896—900 г. . . .	22,7	17,1
„ 1901—5 г.	34,5	26,4
„ 1906—10 г. . . .	36,8	29,3

[2]) Таблица взята из книги М. Н. Селихова „Русское мукомолье в борьбе с германской конкурренцией на международном рынке".

В 1911 г.	49,0	41,1
„ 1912 „	51,0	46,1
„ 1913 „	48,7	42,0

Таким образом, удвоившийся за последние годы вывоз отрубей из России шел почти исключительно в Германию. В 1912 г. мы вывозили всего 18 милл. пудов муки и 51 милл. пуд. отрубей.

Кроме малого развития у нас товарного мукомолья и запретительных пошлин на нашу муку в Германии, одной из важных причин слабости нашего мучного экспорта являлось отсутствие организованности мукомолов. Селихов говорит: „В Соединенных Штатах, сумевших ныне сравнять свой мучной экспорт с зерновым, мукомольная промышленность, для развития своих общих интересов, сорганизовалась в ассоциации, действующие единодушно и сплоченно в деле экспорта муки. Равным образом и в потребительных государствах Западной Европы, в которых нашей муке приходится конкурировать не только с американской, но и с местной мукой, также существуют в среде местных мукомолов разного рода ассоциации и союзы, организованные для борьбы с наплывом в эти страны привозной, преимущественно заатлантической, муки. Таким образом, наша мукомольная промышленность встречается на иностранных рынках со сплоченными силами мукомолов, как местных, так и иноземных, а потому бороться с ними иначе как об'единенными, т.-е. организованными усилиями она, очевидно, не в состоянии". Но всякого рода организованность враждебно встречалась старой самодержавной властью, державшейся на распылении народа.

И так, наш довоенный экспорт зерновых хлебов, возрастая в общем, в абсолютных размерах, обнаруживал, при ближайшем рассмотрении, целый ряд ненормальностей, вредных, с точки зрения народно-хозяйственных интересов России. Это—прежде всего, все усиливавшаяся зависимость его от Германии, диктовавшей нам свои условия, заставлявшей нас вывозить те виды хлебов, какие оказывалось ей выгодным, а не те, которые, как, напр., пшеница, или рожь, было бы выгоднее экспортировать нам самим. Далее, также в интересах Германии, а не России, мы экспортировали не муку, а зерно и, сверх того, вывозили в большом количестве отруби от русского помола. Германия сама, производя не более 200 милл. пудов ячменя, получала почти такое же количество из России и кормила свой скот русским ячменем и отрубями, тогда как у нас, как мы видели, скотоводство уже давно находилось в состоянии неустойчивого равновесия и требовало для своего поддержания, целого ряда специальных мероприятий.

Однако, если мы в своем хлебном экспорте попадали в зависимость от Германии, то и Германия, в свою очередь, поскольку это касалось ее интенсивного скотоводства, находилась в большой зависимости от России; и когда началась война, германцам пришлось сразу пожертвовать чуть ли не 10 миллионами свиней, которые были заколоты в одну зиму, т. к. их нечем было кормить. И в настоящее время быстрое восстановление германского скотоводства невозможно без возрождения экспорта концентрированных кормов из России.

Если до войны главная статья нашего экспорта—зерновые хлеба не представляла особенно благоприятной картины, то во время мировой и гражданской войны положение сразу и резко ухудшилось и продолжало ухудшаться с каждым годом, пока мы не превратились окончательно в страну ввозящую хлеб.

Вывоз и ввоз в милл. пудов.

Годы.	Пшеница.		Рожь.		Ячмень.		Овес.	
	Вывоз.	Ввоз.	Вывоз.	Ввоз.	Вывоз.	Ввоз.	Вывоз.	Ввоз.
1914	147	8	23	8	121	1	17	2
1915	12	5	6	—	0,4	0,4	0,3	0,5
1916	14	—	6	—	—	—	—	—
1917	1,5	—	0,3	—	—	—	0,1	—
1918	0,1	—	0,1	—	—	—	0,1	—
1919	—	0,2	—	—	—	—	—	—
1920	0,2	—	—	—	—	—	—	—
1921	—	8,7	—	5,0	—	0,2	—	3,6

Здесь мы не будем вдаваться в анализ причин разгрома нашего внешнего экспорта зерновых хлебов: они для всех и без того очевидны. Но следует еще раз отметить, что *результатом этого разгрома являлось с одной стороны общее падение нашего хлебного производства, с другой его натурализация.* Как видно из VIII главы, наиболее сократилось у нас из зерновых хлебов производство ячменя и пшеницы, составлявших главный предмет нашего экспорта. (ячменя к 1921 г. на 42%, пшеницы-яровой на 52%, тогда как ржи—только на 32%). Между тем сейчас не только Германия, а и Италия готовы пред'явить усиленный спрос именно на эти хлеба.

Б) Вывоз *прочих земледельческих культур и продуктов их переработки.*

Наиболее значительными статьями вывоза технических растений и продуктов их переработки до войны являлись: *лен, пенька, семена, сахар, растительные масла.* На первом месте, по стоимости вывоза, здесь стоит лен.

В XX веке до войны мы вывозили.

	Льна и пакли льняной.		Семян льняных.	
	В тыс. пуд.	В тыс. руб.	Тыс. пуд.	Тыс. руб.
1901—5	13686	62138	5508	8287
1906—10	16211	68024	7388	12514
1911—13	17991	93546	8900	17244

Выгодная мировая конъюнктура спроса на продукты льноводства обнаружившаяся к началу 1910-х г.г. повышением цен, привела к заметному под'ему нашего льняного экспорта, который дошел с 70,4 милл. руб., в 1901—5 г. до 110,8 милл. в 1911—13 г. увеличившись, главным образом, за последнее 3-х летие почти на 60%. Главное место, как видим из таблички, занимал вывоз льняного волокна, $^3/_4$ производства которого экспортировались на мировой рынок, ибо в Европе производилось только около 17%

всего мирового потребления льна. Погодный экспорт льна-волокна колебался довольно заметно с 1905—г. в пределех от *12 милл. пуд. до 19 милл.*

Между Европейскими странами наш лен распределялся довольно равномерно. Так, в отдельные страны мы экспортировали (в тыс. пуд.).

	1906 г.	1910 г.	1913 г.
В Великобританию	3128	4511	4185
„ Бельгию	3332	3383	4882
„ Германию	3104	2549	3900
„ Францию	2699	1248	2284

Больше всего мы вывозили лен в Великобританию и Бельгию—страны льняной мануфактуры. В виду конкуренции хлопка и джута, цены на лен на мировом рынке в начале 1900-х годов упали, что и создало сокращение льняных посевов в этих странах, производивших ценное высокосортное волокно. С другой стороны, успехи техники позволили вырабатывать ценные ткани из более грубых дешевых сортов волокна, каковыми явились русские. Отсюда является усиление спроса на русское волокно, ценившееся вдвое дешевле заграничного. Недостаток нашего волокна—не столько плохие его природные качества, сколько грубая неумелая первичная обработка (мочка, трепанье).

Вывоз льняного волокна за границу во время войны и разрухи держался дольше, чем зерновых хлебов.

Вывоз волокна и пакли (в тыс. пуд.).

1914 г.	14378
1915 „	4851
1916 „	7394
1917 „	6504
1918 „	258
1919 „	—
1920 „	90
1921 „	684

Спрос на лен в Европе, благодаря подводной войне, отрезавшей ее от заокеанского хлопка, был в высшей степени высок и позволял оплачивать дорого стоющую перевозку его кружными путями через Архангельск. Только гражданская война и блокада ограждает нас от всего мира и в 1918—20 г.г. вывоз льна падает до 90—260 тыс. пуд. Но уже в 1921 г. он подымается почти до 700 тыс. пуд., т. к. Европа и после войны, несмотря на расширение собственного льняного производства, продолжает предъявлять усиленный спрос на русский лен, относительно, хорошо его оплачивания, а в России, ввиду разрушения льняной мануфактуры, он обрабатывается главным образом, кустарным способом и ценится очень низко. Сейчас экспортные возможности льняного волокна на 1922 г. определяются приблизительно в 4—5 милл. пуд.

Вывоз пеньки, значительно отставая по своим размерам от льняного экспорта, характеризовался за весь XX век следующими цифрами:

	В тыс. пуд.	В тыс. руб.
1901—5 г.г.	3160	10874
1906—10 „	3485	13500
1911—13 „	4064	19970
1914 г.	2254	12204
1915 „	624	5213
1916 „	1250	16654
1917 „	882	14930
1918 „	97	6426
1919 „	—	—
1920 „	—	—
1921 „	155	—

Экспорт пеньки оказывается, сравнительно, таким же устойчивым, как и вывоз льна. Больше всего пеньки вывозилось в Германию (до войны от $1^1/_2$ до 2 х милл. пудов).

Вывоз конопляных семян был весьма незначителен: в лучшие годы он доходил до 1,3 милл. пуд., главным образом в Великобританию.

Из прочих семян следует отметить подсолнечные, вывоз которых до войны быстро возрастал и начавшись с 700 тыс. пуд. в 1905 г., дошел до 4-х милл. в 1912—13 г.г. преимущественно в Великобританию и Германию; далее довольно много мы вывозили семян рапса и сурепицы (3,6 милл. пуд. в 1913 г.) в Великобританию, и, что особенно интересно—*кормовых трав*, в которых так нуждалось наше травосеяние, находившееся в эмбриональном состоянии. Так в 1912 г. мы вывезли:

Семян клевера	626	тыс. пуд.
„ вики	1956	„ „
„ лупина	696	„ „
Прочих корм. трав	1076	„ „

Больше всего семенами кормовых трав пользовалась от нас Германия. В общем, вывоз всех семян составил:

	Тыс. пуд.	На сумму милл. руб.
В 1901— 5 г.г.	12055	16897
„ 1906—10 г.г.	15565	26504
„ 1911—13 г.г.	21522	43968

Таким образом, и этот вид экспорта у нас быстро развивался, хотя в некоторых отношениях он являлся тормазом для интенсификации нашего земледелия.

Чтобы покончить с этой группой, необходимо сказать несколько слов относительно экспорта растительных масел. По общей сумме он был очень невелик и притом ввоз превосходил вывоз.

	Вывоз.		Ввоз.	
	Тыс. пуд.	Тыс. руб.	Тыс. пуд.	Тыс. руб.
1901— 5 . . .	160	768	1062	5188
1906—10 . . .	262	1232	1043	5772
1911—13 . . .	333	1706	898	5965

Но интересно, что растительное масло шло от нас не на запад а на юг—в Турцию и Румынию.

Если фабрикат—растительные масла мы вывозили в ничтожных количествах, а на запад даже совсем не вывозили, за то отправляли в больших количествах отбросы маслобойного производства—ценные, как корм—*жмыхи*. Вывоз жмыхов составлял:

В 1905 г.	27065 тыс. пуд.
„ 1910 г.	35144 „ „
„ 1913 г.	44868 „ „

На первом месте по приобретению от нас этого ценного корма стояла опять таки Германия, получившая в 1913 г. 19 милл. пудов. На втором—страна интенсивного культурного скотоводства—Дания (15 милл. пуд.).

Покончив с масличными и волокнистыми техническими культурами, переходим к корнеплодам. В сыром виде экспорт корнеплодов был ничтожен: 3—5 милл. пудов на сумму до миллиона рублей. В переработанном виде мы вывозили сахар и спирт.

	Вывоз сахара.		Ввоз.	
	В тыс. пуд.	В тыс. руб.	В тыс. пуд.	В тыс. руб.
1901— 5 г.г.	9590	20231	34	116
1906—10 „	11350	26276	250	574
1911—13 „	19891	50172	121	203
1914 „	7787	27096	9	20
1915 „	5716	31722	5	20
1916 „	3242	18738	89	2440
1917 „	684	6603	313	3351
1918 „	1	14	—	—
1919 „	—	—	157	—
1920 „	—	—	0,1	—
1921 „	11	—	424	—

При производстве в 100—120 милл. пуд. за последние годы, вывоз сахара дошел накануне войны до 20 милл. пуд., при чем в год максимального экспорта—1911 г. он равнялся 27 милл. Сахар отправлялся в противоположные концы. С одной стороны, максимальное количество его шло в Великобританию (в 1911 г.—13 милл. пуд.), с другой—в Персию (4—5 милл.) и Китай (до 1 милл. пуд.). В Германию экспортировалось всего 2—3 милл. пуд., столько же в Финляндию. Согласно Брюссельской конвенции, к которой Россия присоединилась в 1907 г., мы получили право вывезти в течение 8 лет 60 милл. пудов: но в это число не входил экспорт на азиатские

рынки. Во время мировой войны вывоз сахара стал быстро падать, но ввоз его до настоящего времени не достиг сколько-нибудь заметной цифры.

Быстро развивался экспорт продукта одного из крупнейших видов нашей сел.-хоз. индустрии до войны—спирта.

Вывоз спирта в милл. градусов.

В 1904 г.	130
„ 1910 „	345
„ 1912 „	468

Наша водка, отличавшаяся своей чистотой, довольно быстро завоевывала заграничные рынки. Как это ни странно, но главными потребителями русского спирта были во-1-х, Турция, куда, напр., в 1912 г. было вывезено 208 милл. градусов, во-2-х, Германия (173 милл. град.). На 3-ем месте стоял Китай (25 милл. град.). Наш доход от вывезенного спирта достигал 7—8 милл. руб.

Как видно из приведенных данных, вывоз технических культур и продуктов их переработки, в общем, возрастал гораздо быстрее чем зерновых хлебов: этот факт, как мы уже говорили, должен был в значительной степени, усилить тягу земледельческого населения к интенсификации, и не случись мировой и гражданской войны — вероятно уже в настоящее время экспорт зерновых хлебов имел бы для нас меньшее значение, чем только что перечисленные продукты,

Б. Вывоз продуктов скотоводства и рыболовства.

Экспорт скотоводческих продуктов начинает приобретать более или менее крупное значение для нас только в XX веке. На первое место здесь быстро выдвигается масло и яйца. Вывоз масла, развившийся главным образом, благодаря под'ему сибирского маслоделия, растет систематически с каждым годом.

	Вывоз масла в тыс. пуд.
1900 г.	1190
1901 „	1968
1902 „	2311
1903 „	2516
1904 „	2429
1905 „	2408
1906 „	3211
1907 „	3658
1908 „	3123
1909 „	3479
1910 „	3444
1911 „	4672
1912 „	4452
1913 „	4763

Перерыв в росте мы замечаем только в 1904—5 г.г.—во время русско-японской войны и в 1908 г. В 1901—5 г. стоимость вывезенного масла составляла 29,7 милл. руб., 1906—10 г.г. уже 37,7 милл., в 1911—13 г.г.-70,5 милл. В последующие годы масляный экспорт, однако, довольно быстро сошел на нет.

	(Тысяч пудов). Вывоз.	Ввоз.
1914 г.	3295	82
1915 „	3305	72
1916 „	0,6	164
1917 „	1,2	6,5
1918 „	—	1
1919 „	—	—
1920 „	—	—
1921 „	—	—

Теперь, при таком огромном падении нашего скотоводства, нечего расчитывать на быстрое восстановление масляного экспорта, тем более, что и до войны, несмотря на указанные благоприятные симптомы, показывающие, что наше масло на главном английском рынке встречалось довольно радушно — все же его расценка была обычно на 2—3 руза п. ниже, чем конкурирующего с ним датского и австралийского. Наши главные соперники на масляном рынке Европы — датчане не были затронуты войной: количество крупного рогатого скота у них, хотя и убавилось (2463 тыс. гол. в 1914 г. до 2286 тыс. голов в 1920 г.), повидимому, благодаря сокращению привозных кормов, но гораздо меньше, чем в крупных государствах Европы, втянутых в войну. Цены на масло сейчас повсюду высоки и останутся на таком уровне еще долгое время, что будет способствовать дальнейшему развитию маслоделия в Дании. Поэтому, хотя, конечно, и для нас останется место на европейском рынке к тому моменту, когда мы получим возможность снова вывозить его за границу, но необходимо, в виду существующей конкурренции, особенно позаботиться о технике выработки, укупорки и хранения этого деликатного продукта.

Экспорт яиц возрастал не в такой сильной пропорции.

	Вывоз яиц. В тыс. пуд.	В тыс. руб.
1901— 5 г.г.	7011	48077
1906—10 „ . . .	7631	58032
1911—13 „ . . .	10126	87604

Однако, по стоимости, яичный вывоз превосходил масляный. Как для масла, так и для яиц очень большое значение имеет укупорка и хранение— для последних оно еще более важно За границей главную роль в этом деле играют холодильники, у нас — их слишком мало. Вообще, если для экспорта зерновых продуктов очень большое значение имеют элеваторы, то вывоз продуктов животноводства в еще большей степени зависит от правильной

и широкой постановки холодильного дела. При слабом его развитии у нас, яйца, при перевозке по железным дорогам, часто сохнут и даже портятся.

Экспорт яиц, как и масла, оборвался к 1917 г.

	Вывоз яиц. В тыс. пуд.	В тыс руб.
1914 г.	6080	58508
1915 „	1357	14320
1916 „	344	6619
1917 „	18	853

В военное время перевозить такой хрупкий и скоропортящийся товар, как яйца, представлялось чрезвычайно трудным делом. Вплоть до 1921 г. он не возобновился. За последний год птицеводство сильно пострадало от голода и для восстановления нашего яичного экспорта потребуется несколько лет.

На третьем месте, по своему экспортному значению, следует поставить основной продукт нашего экстенсивного скотоводства—мясо и живой скот. В силу низкого качества нашего скота, плохой технической постановки дела и конкурренции заокеанских скотоводческих стран, вывоз мяса и живого скота отличался, сравнительно, небольшими размерами и невысокой ценностью.

	Вывоз скота. В тысяч. штук.				Вывоз масла и сала			
	Лошади.	Кр. рог. скот.	Овцы. Козы.	Свиньи.	Всего. на сумму.	Тыс. пуд.	На сумму тыс. руб.	Всего на сумму (мил.руб.
1901–5 гг.	55,6	5,8	41,6	69,0	8652	578	3259	12,0
1906—10 „	93,6	4,6	26,2	86,0	13299	526	3506	16,8
1911—13 „	102,4	5,7	56,4	99,0	20998	1137	8216	29,2

При этом следует отметить, что ввоз мяса превосходил по своим размерам вывоз.

	Ввезено. Жив. скота. На сумму т. рублей.	Мяса и сала. Тыс. пуд.	На сумму тыс. руб.	Всего на сумму мил. руб.
1901—5 гг. . . .	4273	1627	4784	9,0
1906—10 „ . . .	7289	3245	12388	19,6
1911—13 „ . . .	13187	4447	16479	29,6

Торговый баланс скота и мясных продуктов сводился с дефицитом уже с 1906 года. В виду недостатка животных жиров, нам приходилось ввозить сало из-за границы в довольно большом количестве, что и создавало дефицитность всего мясного оборота. Значительно лучше обстояло дело с вывозом птиц. В 1901—5 г. было вывезено 8 милл. штук живых птиц на сумму 6,6 милл. руб., в 1909 г.—8,6 милл. шт. на сумму 7,5 мил. руб., в 1910 г. около 10 милл. р. штук на сум. 8,5 мил. Битой птицы было вывезено в 1909 г. 818 тыс. п. на 5,2 мил. р., в 1913 г.—808 тыс. п. на 7 мил.

Таким образом, эта статья вывоза дала в 1913 г.—15,5 милл. рублей Яиц в 1913 г. было вывезено на 90,6 милл. рублей, пера и птичьего пуха на 1,8 милл. руб., а всего, следовательно, вывезенные продукты птицеводства оценивались в этом году в 107,9 милл. руб. из 284 милл. руб. стоимости всех экспортированных продуктов животноводства. Такое большое значение продуктов нашего птицеводства в экспорте, при низком качестве продуктов, об'ясняется главным образом их дешевизной: птичье хозяйство составляет у нас побочную отрасль крестьянского хозяйства, которой занимаются женщины и дети. Доход от него крестьяне не считают чем-то важным и предоставляют его своим бабам на украшение. Эта дешевизна и проторила пути нашему птицеводству за границу.

Зато внешний оборот таких значительных для народного хозяйства видов сырья, как *кожа и шерсть* сводился в XX веке уже всегда с дефицитом.

(В миллонах рублей).

	Вывоз Кож.	Шерсти.	Ввоз Кож.	Шерсти.	Дефицит.
1901—5 гг. . . .	2,8	5,8	8,8	33,6	— 33,8
1906—10 „ . . .	33,2	5,9	41,4	55,6	— 17,9
1911—13 „ . . .	57,4	10,0	53,4	73,0	— 58,3

Правда, вывоз кож, по мере роста потребности Европы в кожевенном товаре абсолютно возростал—но это была преимущественно *невыделанная* кожа, тогда как из-за границы к нам поступали выделанные изделия из кожи—последние на 5—6 милл. рублей. Импорт шерсти к нам превышал всегда наш вывоз на крупную цифру: это был результат истребления мериносовых стад, некогда в огромных количествах бродивших по нетронутым целинным степям Новороссии. Теперь нет надежды на восстановление мериносового хозяйства в пределах Европейской России: земледелие раз навсегда вытеснило отсюда крупное промышленное овцеводство. Но оно может еще воскреснуть в степях Азиатской России и к этому необходимо приложить все усилия, чтобы освободить русский народ от тяжелых платежей иностранным овцеводам.

Такова характеристика экспорта скотоводческих продуктов до войны. В общем, несмотря на все отрицательные стороны, зависящие от дефектов производства, хранения и торговли этими продуктами, стоимость нашего вывоза росла быстро и систематически, хотя увеличивалась и ценность импорта.

Общий итог ввоза и вывоза продуктов животноводства в миллионах рублей.

	Вывоз.	Ввоз	Баланс.
1901—5 гг.	115	65	+ 50
1906—10 „	178	124	+ 54
1911—13 „	277	167	+ 110

Как видно отсюда, активность баланса понемногу увеличивалась. С момента войны положение, как и во всех других случаях меняется в обратную сторону.

(В миллионах рублей).

	Вывоз.	Ввоз.	Баланс.
1914 год.	172	145	+ 27
1915 „	103	123	— 20
1916 „	40	170	— 130
1917 „	28	165	— 135

Быстрый рост ввоза этих продуктов к нам вызывался военными потребностями. На военные нужды затрачивалось до 60% выработки нашего кожевенного производства, и все же его не хватало для армии—тем более для населения. Отсюда значительное возрастание ввоза к нам кожи и шерсти. После 1918 г. с момента блокады, торговый оборот продуктами скотоводства замер почти совсем.

Нам осталось сказать несколько слов о внешней торговле продуктами *рыболовства.* В X главе мы уже отмечали тот факт, что будучи первой страной в мире по ценности добываемой рыбы, Россия ввозила к себе рыбных товаров на 23—31 миллион рублей больше, чем вывозила. Некоторый плюс давала только икра. (2—3 милл. рублей). Главную брешь в нашем рыбном балансе производил ввоз сельдей, которых мы никак не могли приучиться изготовлять у себя дома. Кроме сельдей мы привозили к себе маринованной рыбы и консервов около 300 тыс. пуд. на 5—6 мил., и свежей рыбы—до $1^1/_2$ милл. пуд. Вывозили же больше всего *соленую рыбу,* которая шла туда же, куда направлялись наши растительные масла—на Ближний и Дальний Восток—в Румынию, Китай, и особенно в Японию и Корею.

Также печален был баланс пчеловодства и шелководства. За привоз воска из-за границы мы переплачивали 4—5 милл. рублей, за шелк гораздо дороже: от 12 до 18 миллионов.

Каков же в конце концов оказался в нормальный период XX века до войны баланс внешней торговли с. х. продуктами по отдельным группам?

Баланс в миллионах рублей.

	1901—5 гг.	1906—10 гг.	1911—13 гг.
Продукты землед.	+ 416	+ 476	+ 537
„ „ животновод. . .	+ 50	+ 54	+ 110
„ „ рыболовства, пчелов. и шелков.. . .	— 28	+ 8	— 60

Следовательно, благодаря всем указанным выше неустройствам, то громадное количество с.-х. сырья, которое мы выбрасывали на заграничный рынок, приносило нам, в общем итоге, сравнительно небольшой доход—от 438 милл. в 1901—5 гг., до 587 милл. в 1911—13 гг., т.-е. всего лиш-

$^1/_{10}$ долю нашего народного дохода от сельского хозяйства. Но для сведения окончательного баланса нам необходимо вычесть и из этой цифры привоз с.-х. машин и прочих средств производства, некоторых продуктов садоводства, огородничества, виноделия и проч.

Г) Привоз средств с.-х. производсева и некоторых с.-х. продуктов.

На первом месте в группе привоза стоят *с. х. машины*. Ввоз их к нам возрастал убыстренным темпом.

(Привоз на сумму в миллионах рублей).

	1901—5 гг.	1906—10 гг.	1911—13 гг.
Мелких орудий (кос, серпов, лопат.	1,7	2,0	2,4
Простых машин и орудий . .	6,9	13,4	23,3
Сложных	8,7	11,1	22,0
Двигателей	3,5	4,2	6,9
Всего с.-х. орудий и маш. . .	20,8	30,7	54,6

За рассматриваемый период сумма привоза орудий выросла в $2^1/_2$ раза. Быстрее всего возрастал ввоз плугов и других простых машин, за ним шли сложные—сеялки, жнейки, молотилки. Серпы и косы мы получали из Австро-Венгрии, плуги—больше всего из Германии, молотилки, веялки—из Германии и Австро-Венгрии, жнейки, косилки, а за последние годы и сеялки—главным образом из Соед. Штатов, сепараторы для маслоделень из Швеции, двигатели из Англии. По общему количеству пудов ввозимых машин выдавались три страны: Соед. Штаты (в 1912 г. свыше 4,1 милл. пуд.), Германия (3,7 милл. пуд.), Великобритания (1,6 милл. пуд.). Эти три страны давали $^9/_{10}$ всего импорта с.-х. мащин (по весу).

Вслед за с.-х. машинами быстро возрастал также привоз *минеральных* удобрений.

Ввезено тыс. пуд.

	В 1905 г.	1910 г.	1913 г.
Фосфоритов	771	1520	3271
Суперфосфатов	1707	7359	12010
Томас-шлаков.	2653	8023	11380
Стассфуртских солей.	772	3087	4699
Чилийской селитры	1108	1746	2648

Таким образом, ввоз минеральных удобрений к нам всего лишь за 8 лет поднялся с 7 милл. пудов до 34 милл. Здесь опять сказалась наша бедность сельско-хозяйственными капиталами и с. х. индустрией: вместо того, чтобы разрабатывать одни из самых богатых в мире залежей фосфоритов у себя дома, мы ввозим их из-за границы. Но во всяком случае, этот факт свидетельствовал о быстром поступательном ходе применения у нас искусственного удобрения до войны.

Однако, по ценности, ввоз средств земледельческого производства

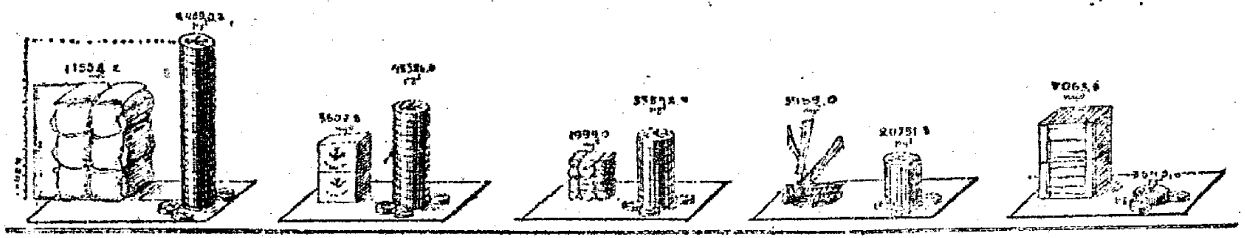
ВВОЗ

сельско-хозяйственных продуктов

(в тысячах пудов и в тысячах рублей)

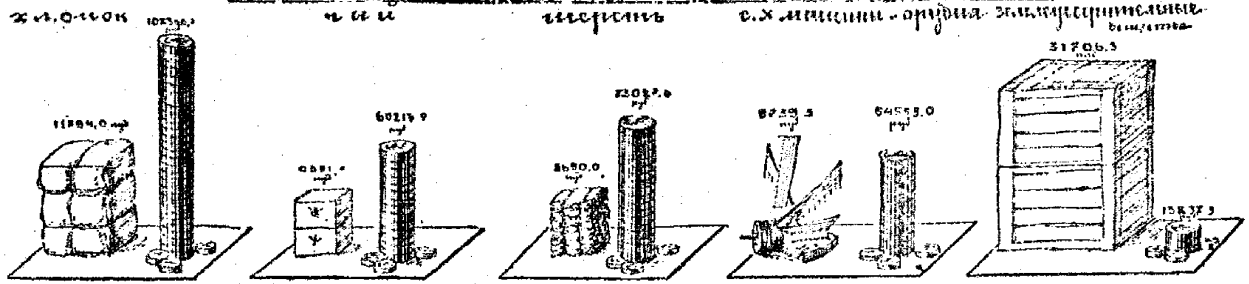
1 9 0 0 — 1 9 0 5

хлопок | чай | шерсть | с.х. машины и орудия | электротехнические вещества



1 9 0 5 — 1 9 1 3

хлопок | чай | шерсть | с.х. машины и орудия | электротехнические вещества



оставался далеко позади импорта хлопка-сырца для нашей мануфактуры и *чая*—излюбленного напитка русского народа.

	Привоз хлопка		Привоз чая.
	мил. пуд.	мил. руб.	(Мил.л руб.)
1901—5 гг.	11,6	84,1	48,4
1906—10 „	11,7	103,4	68,1
1911—13 „	11,8	108,4	60,2

За хлопок и чай мы платили иностранцам от 132 до 168 милл. руб. Правда, с течением времени, благодаря развитию нашего собственного хлопководства, заграничный импорт хлопка остановился на точке замерзания: если бы мы сохранили до настоящего момента тот размах нашего хлопководства, который оно приняло во время мировой войны—мы бы свободно обошлись без американского хлопка в будущем. Теперь же, когда оно сократилось с 18 милл. пудов до 2-х милл. — приходится на первое время снова подумать о восстановлении привоза из-за границы.

Ввоз хлопка и чая в годы войны и блокады равнялся:

	Хлопка.		Чая.
	Мил. пуд.	мил. руб.	(Мил. руб.).
1914 год.	10,6	103,9	64,7
1915 „	8,5	102,0	83,3
1916 „	6,2	117,8	52,5
1917 „	3,0	86,8	43,5
1918 „	0,1	6,3	16,3
			(тыс. пуд.)
1919 „	—	—	—
1920 „	—	—	2
			(тыс. пуд.)
1921 „	0,029	—	38

В 1916 г. мы произвели хлопка до 18 милл. пуд. и 6 милл. ввезли из-за границы. Это был год нашей максимальной самостоятельности в хлопководстве. Для того, чтобы снова вернуть себе эту самостоятельность, необходимо во 1-х, организовать ввоз пшеницы для потребления Туркестанского населения, чтобы оно, освободившись от обязанности прокармливать самих себя, могло снова занять хлопком орошенные поля, находящиеся сейчас под пшеницей; во 2-х, поставить мануфактурную промышленность на прежнюю высоту; в 3-х, отремонтировать старую и расширить новую систему орошения. Все это требует больших капиталов и ряда лет.

Кроме хлопка и чая, мы привозили к себе волокнистые материалы, как джут (на 11 милл. руб. в 1913 г.), затем копру (на 10—15 милл.): это сырье необходимо для мануфактурной и мыловаренной промышленности. Но кроме того, заграница нам доставила в 1913 г. 11 милл. пудов фруктов, ягод и овощей на сумму в 26 милл. рублей, риса—на 13 милл., вин виноградных и ягодных на 13 милл., цветов из Ниццы и живых растений на 1,3 милл., что являлось слишком большой роскошью для нас.

В общем, привоз из-за границы по основным группам с.-х. продуктов и средств производства составил в 1913 г. (на сумму в милл. руб.)

Зерна и муки	25,8 мил.
Риса	13,1 „
Кормов для животн.	0,8 „
Масличных и волокнист. продукт.	125,8 „
Овощей и пряностей	3,4 „
Фруктов, ягод, орехов	33,5 „
Растений	2,2 „
Чай и кофе	71,1 „
Вин	13,1 „
Табак	1,5 „
Каучук	40,2 „
Животных и птиц	17,2 „
Мяса, сала, дичи	17,4 „
Рыбы	38,8 „
Молочных продуктов	4,2 „
Шерсти	79,0 „
Кож и шкур	26,0 „
Воска и меда	6,1 „
Шелка, сырца и коконов	28,8 „
Землеудобр. веществ	15,2 „
С.-х. машин	48,9 „
Всего на сумму	612,1 мил. руб.

Получилась в итоге весьма солидная сумма в 612,1 милл. руб. Большая часть ее уже вошла в представленный выше баланс с.-х. продуктов. Но все же те статьи привоза, которые не вошли туда (каучук и средства производства, вина и нек. др.) понижают его еще на 120 милл. Таким образом, активность нашего с.-х. баланса в момент высшей точки с.-х. эволюции в России в XX веке, не превышала, круглым счетом, 467 милл. руб.

Россия на мировом рынке.

Все указанные выше отрицательные стороны постановки внешней торговли России приводили к тому, что выбрасывая на рынок Европы весьма значительные количества с.-х. продуктов, Россия получала за них дешевле остальных стран. В пятилетие 1909—13 г.г. доля участия Росии в мировом экспорте зерновых продуктов определялась следующими цифрами:

	Вывоз в милл. пудов. Мировой.	Русский.	% русского вывоза к мировому.
Пшеница и мука пшеничная	1189	266	22
Рожь и мука ржан.	116	40	34
Овес	131	66	50
Ячмень	436	227	52
Кукуруза	440	47	11
Итого гл. зерн. хлеб.	2312	646	28%

По вывозу зерновых хлебов Россия стояла на первом месте. Но, благодаря тому, что русский хлеб вывозился почти исключительно в зерне и что это зерно было очень плохо очищено, не сортировано — несмотря на его природные высокие качества, иногда исключительные (подобных нашим, твердых пшениц за границей почти нет), мы получали от своего зернового экспорта на много меньше, чем прочие вывозящие страны — Америка, Австралия и др., хотя эти последние многие зерновые продукты вывозили в меньших размерах, чем Россия. Так, не говоря даже об ячмене и овсе, по вывозу которых Россия далеко оставляла за собой все остальные страны, к которым Германия (с Голландией), монополизировавшая русский экспорт этих зерновых культур, торговала с другими странами Европы—даже экспорт пшеницы и пшеничной муки заокеанских стран отставал от нашего. В то же предвоенное пятилетие, когда мы экспортировали в среднем 266 милл. пуд. пшеницы, Канада вывозила всего 139 милл. пуд., Соед. Штаты — 132 милл., Аргентина—123 милл., Ост-Индия — 84 милл. Правда эти и другие страны подавляли Россию по вывозу кукурузы (Аргентина—187 милл. пуд., Соед. Штаты—78 милл., Румыния—61 милл.), риса (всего 345 милл. пуд. экспорта — из них Ост-Индия — 146 милл.), хлопка (Соед. Штаты — 121 милл. пуд. из 136 милл. пудов всех), но все же мировой *зерновой* рынок мог бы быть в руках России, если бы ее экономическое влияние соответствовало размерам ее экспорта.

Значительно меньшую роль играла Россия в мировом товарообороте *скотоводческих* продуктов.

	Вывоз продукт. скотоводства. Мировой.	Россия.	% экспорта России.
Скот живой (в тыс гол.).			
Крупно-рогатый	1276	4	0,3
Овцы	2087	40	2
Свиньи	650	53	14
Кожи и шкуры (милл. пуд.) .	56	3	5
Шерсть (тоже).	60	1	1,7
Масло	19	4	21
Яйца (мил. штук)	3816	3299	34
„ (мил. пуд.)	12 [1])	—	

Только по вывозу яиц Россия была первой страной на мировом рынке; вслед за ней шла Австро-Венгрия, в некоторые годы даже ее опережавшая. По экспорту масла она была второй, вслед за Данией, вывозившей 5 мил. пудов; затем шли Австро-Венгрия и Голландия, дававшие по 2 милл. пуд. По остальным продуктам скотоводства, как видно из таблицы, Россия заметной роли не играла, хотя, конечно, могла бы играть. По экспорту крупно-рогатого скота первенствующее значение имела Аргентина (218 тыс. штук), Дания (140 тыс.), Соед. Штаты (126 тыс.), Канада (110 тыс.), по вывозу живых овец—Алжир (1058 тыс. штук), свиней—Бельгия (135 тыс.) и Гол-

[1]) Считая в пуде, приблизительно, 500 штук яиц.

ландия (125 тыс.). Много вывозилось скота из балканских стран. Но в мировой торговле живой скот играл второстепенную роль: с развитием холодильного и консервного дела его вытеснило мороженое, соленое и копченое мясо, экспорт которого из главных стран мясного вывоза составил:

Среднее за 1910—14 г.г.

Из Дании	9	милл. пуд.
„ Аргентины	24	„ „
„ Соед. Штатов	32	„ „
„ Австралии и Ново-Зеланд. . .	18	„ „

По вывозу кож и шкур первое место занимала Аргентина (28 милл. пуд.), затем Ост-Индия, Германия и Франция (по 4 милл. пуд.). По вывозу шерсти—Австралия (18 милл. пуд.) и Аргентина (9 милл.).

В общем, заокеанские страны, представлявшие для нас главных конкурентов по экспорту сел.-хоз. продуктов на мировом рынке, стремились в XX веке к замене вывоза сырья экспортом фабрикатов и полуфабрикатов: зерна—мукой, живого скота — изготовленным для далеких перевозок мясом, маслом, салом. Даже кожи и шкуры Соед. Штаты стали интенсивно перерабатывать в обувь на своих огромных обувных фабриках. И этот рост переработки сел.-хоз. сырья на месте в заграничных странах экспорта ставил нас в очень тяжелое положение. В части ети, восстановление и развитие нашего скотоводства были бы возможны лишь в том случае, если и наш мясной экспорт, связанный с холодильным и консервным производством будет поставлен на надлежащую высоту. Иначе эта отрасль нашего сельского хозяйства, от состояния которой, как мы указывали не раз, зависит весь дальнейший поступательный ход нашей сел.-хоз. эволюции, будет, по прежнему, влачить жалкое существование.

Таково было положение мировой внешней торговли сел.-хоз. продуктами накануне войны и такова была в ней роль России. Мировая война переместила в заокеанские страны центр тяжести внешней торговли не только сел.-хоз. продуктами, но и всего торгового оборота вообще. На ряду с заокеанскими странами на Дальнем Востоке выдвигается Япония.

На запад., старая владычица морей — Англия теряет свою доминирующую роль.

Ввоз и вывоз Великобритании в милл. фунт. стерлингов по ценам 1913 г. и по весу равнялись.

	1913 г.	1920 г.
Ввоз (по ценам)	769	675
По весу (мил. тонн)	54	39 (1919г.)
Вывоз (по ценам)	525	359
По весу	91	46 (1919г.)
Реэкспорт.	110	97
(По весу)	1,75	1,5 (1919г.)
Баланс (по ценам)	— 244	(—) 316

Из года в год Англию вытесняла с всемирного рынка республика Соед. Штат. Сев. Америки. До войны она занимала на мировом рынке третье место после Великобритании и Германии; уже в 1915 г. она оставила за собой не только Германию, но и Англию.

Вывоз в миллиардах долларов:

	Из Англии.	Из Соед. Штатов.
1913 г.	3,09	2,57
1914 „	2,55	2,19
1915 „	2,35	3,69
1916 „	2,93	6,59
1917 „	2,90	6,38
1918 „	2,57	6,28
1919 „ [1])	1,44	7,28
1920 „ [1])	1,80	8,11

При сравнении 4-х военных с 4 довоенными годами, американский экспорт оказывается увеличенным с 9,1 миллиардов долларов до 19,4 миллиардов (в общей сумме), при чем выясняется, что американцы, усиливши свой экспорт в Европу более, чем в два раза, значительно сократили импорт к себе европейских товаров и средств производства; зато Соед. Штаты стали стягивать к себе *сырье* со всего света и, прежде всего, из Северной и Южной Америки, которая раньше находилась в экономической власти зап. Европы, в частности Германии: удвоился относительно ввоз сырья в Соед. Штаты из *Азии*. В 1920 г. внешняя торговля Соед. Штатов с Азией достигла 2-х миллиардов долларов. Благодаря колоссальному развитию своего судостроения, Соед. Штаты заменяют Англию в мировой транзитной торговле. Водоизмещение мирового торгового флота составляло:

	(В тыс. тонн).		
	В 1914 г.	1920 г.	1921 г.
Всего	45404	53905	54217
В том числе в Англии.	18892	18111	19288
В Соед. Штатах . .	4287	14525	14433
В Германии.	5135	419	654
В Японии	1708	2996	3063

Как видно из этих цифр, Англия сохранила абсолютно вместимость своих судов, но Соед. Штаты увеличили свой тоннаж в $3^1/_2$ раза (океанский в 6 раз). После 1920 г., благодаря резкому падению фрахтов, они приостанавливают судостроение, а Англия продолжает реставрировать свой флот, потерянный во время войны. Но, во всяком случае, к 1920 г. торговый флот Соед. Штатов оказывается лишь на 20% меньше английского и его наличие дает заокеанской республике точку опоры для стягивания к

[1]) Эти и предыдущие таблицы взяты из книги В. Дитякина „Мировая торговля в эпоху экономич. кризиса", Казань, 1921 г. В последней таблице добавлены цифры вывоза из Англии, принятые по старому курсу 1 ф. стерл.=5 долл. Дальнейшие сведения заимствованы у Деманжона. См. „Экономич. упадок Европы".

себе сырья из Азии, Австралии и Южн. Америки, перерабатывая его на своих фабриках и переотправляя в Европу. Так, напр., один из важнейших технических видов тропической культуры — каучук—доставлялся в Соед. Штаты в 1913 г. в количестве 115 милл. англ. фунтов а в 1918 г.—325 милл.; раньше Англия получала каучук из своих индийских колоний и переотправляла его в Соед. Штат. в количестве 40 милл. фунтов; после войны американцы получают из Англии только 6,6 милл. фунтов, зато из Индии они вывозят вместо прежних 13,5 милл. — уже 26,5 милл. вдвое больше. „Таким образом, говорит Деманжон, Соед. Штаты получают прямо из стран происхождения те товары, которые раньше доставлялись им через посредство европейских рынков. Но еще важнее то, что они получают эти товары в таком количестве, которое превышает их собственные потребности и они реэкспортируют их, начиная, таким образом, играть роль складочного места и рынка-распределителя".

„В Соед. Штаты доставлялись огромные партии сахара, которые подвергались здесь переработке на рафинадных заводах и продавались в Европу. То же происходило с кофе, какао и кожами Южной Америки, с пшеницей и мукой Канады, с селитрой Чили, с пенькой Филиппинских островов, с джутом Индии, с каучуком Южной Америки, с бобами Бразилии, Японии и Китая. Штаты готовы играть роль маклера, посредника и комиссионера, т.-е. ту роль, которая обогатила в свое время Лондон".

И эта роль легко удается Соед. Штатам, ибо необходимый для этого финансовый капитал и золото переплыли через океан из Европы в Америку за время мировой войны. Из должника Европы американцы превращаются в ее кредитора. Выкупив у иностранцев их американские предприятия, заплатив все долги, на что требовалось 10 миллиардов долларов, американцы сами открыли кредит Европе, который достигает в 1919 г. $9^1/_2$ миллиардов долларов: 4,4 миллиарда должна им Великобритания, 2,7 миллиардов—Франция, 1,1 мил. — Италия. Функции мирового банкира, которые выполнял до войны Лондон, переходят теперь к Нью-Йорку.

В итоге, население Соед. Штатов после войны является мировым фермером, промышленником, купцом, банкиром и даже моряком. Это всестороннее превосходство, довершаемое открытием Панамского канала, приводит к господству над морскими путями на Тихом и частью на Атлантическом океане и втягивает в сферу влияния Соед. Штатов ряд стран, лежащих на берегах этих океанов.

Правда, теперь Европа несколько оправляется от последствий войны и дальнейшего кризиса; некоторое освобождение от американской монополии уже чувствуется в 1921 г., когда заметно возрождается европейское земледелие, сокращая тем самым спрос на американские сел.-хоз. продукты и начинается в 1921 г. оживление европейской промышленности, которая возобновляет свой экспорт в колониальные страны. Так, напр., во Франции цифра вывоза удваивается с 1919 по 1921 г. (11,9 и 21,6 м-да франков). Привоз же сокращается с 35,8 м-дов в 1919 г., до 20,5 м-дов в 1921 г., при чем из Соед. Штатов и Англии он сокращается а из Германии он повышается в $2^1/_2$ раза. Германия ввозит во Францию не только

каменный уголь по Версальскому договору, но и химические товары, машины (с 37 милл. до 369 милл. франков), мебель, стекло и т. п. Очень быстро растет также экспорт германских фабрикатов в Англию. Благодаря низкому курсу германской марки, немецкие товары оказываются дешевле американских, английских и французских, и Германия начинает даже давить на индустрию соседних стран.

На Дальнем Востоке, как мы уже говорили, на первое место выдвигается Япония. Внешний торговый оборот Японии вырос с 1,4 м-дов иен в 1913 году до 4,3 м-дов в 1919 г. Япония стремится захватить азиатские рынки, главным образом китайские. Во время Колчака она вела торговлю на несколько сот миллионов иен с Сибирью. Сейчас она не торгует с ней, но стремится путем оккупации и скупки предприятий на Тихоокеанском побережьи превратить Приамурье в свою колонию. Во время войны Япония успела проникнуть со своими товарами даже в Индо-Китай и в Индию. Однако, возрождение Европы и особенно Англии делает позицию Японии в Азии не совсем устойчивой. По крайней мере, торговый баланс Японии, активный в военные годы, уже стал пассивным в 1919 г. Не имея своих металлов, Япония не в состоянии поставить на прочные основания свою промышленность, и техника ее отстает от европейской—тем более от американской.

Таковы, в общих чертах, перемены, происшедшие в мировой торговле за последние 7 лет. В результате их, мировое экономическое значение заокеанских стран — собственно Соед. Штатов и частью Японии — сильно возросло, значение Европейских государств сократилось. Но все же Европейские государства за последний год делают небезуспешные усилия вернуть свое прежнее положение. И для некоторых из них восстановить свой внешний торговый оборот, а следовательно и свой удельный вес в мировом хозяйстве было бы гораздо легче, если бы они завязали вновь торговые сношения с Россией. Особенно нуждается в этом Германия, которой под гнетом огромных военных платежей приходится выбрасывать на внешний рынок все возрастающее количество товаров; для нее выгоднее вести торговлю с такой страной, где денежный курс стоит ниже, а не выше, чем у ней самой, и которая, взамен товаров, может дать Германии нужные ей, вследствие упадка ее собственного сельского хозяйства, продовольственные припасы и техническое сырье. Такой страной, именно, и является Россия, еще до войны производившая свыше 40% всего своего внешнего оборота с Германией. Взаимные выгоды от торговых сношений здесь очевидны для обеих стран—чем и объясняется быстрое заключение рапалльского договора. Но, с одной стороны, финансовый капитал Германии сведен на-нет падением ценности ее денег и она не может дать России нужного ей денежного кредита, с другой—было бы нежелательно подвергнуться монопольному влиянию Германии, которое так сильно отражалось на нашем народном хозяйстве до войны.

Наряду с Германией тяготение к торговым сношениям с нами чувствует и Италия, нуждающаяся в нашей пшенице, которую она перед войной требовала в большем количестве, чем другие страны. Привлекают ее и каменный уголь и нефть и некоторые другие виды сел.-хоз. сырья, которые

получаются из Америки за слишком высокую цену. Но и Италия бедна деньгами, а также и техническими средствами.

Тем и другим богата Англия—остающаяся до сих пор первым потребителем ввозного сел.-хоз. сырья в Европе. Если зерновыми хлебами ее обеспечивает Америка, то некоторыми видами прочего сел.-хоз. сырья (лен, пенька), а также продуктами скотоводства и особенно лесными материалами Англия была бы не прочь воспользоваться от нас. Но сложные политические отношения, в которые попала Англия после войны, в частности ее союз с Францией, мало заинтересованной в русском сел.-хоз. сырье и желающей только получить с русского народа свои долги, задерживают восстановление торговых связей с Россией.

Легче всего могли бы помочь восстановлению нашего народного хоз-ва, посредством предоставления нужного нам кредита, Соед. Штаты. Но эта—самая могущественная сейчас экономически заокеанская республика может быть заинтересована лишь в выгодном приложении своего капитала в крупных предприятиях внутри России (железнодорожные, рудные, лесные и др. концессии), однако, непосредственный спрос на продукты с. х-ва России ее не будет интересовать: в этом отношении, наоборот, Россия является конкурентом Соед. Штатов на мировом рынке.

Отсюда видно, что, восстанавливая свои внешние торговые сношения, для России было бы самым выгодным не монополизировать их наиболее тесными связями с одной какой либо из перечисленных и других стран, а по возможности со всеми ими. И, как ни мал сейчас внешний оборот России, в 1921 году он открывает несколько иные перспективы, чем в довоенный период. По последней сводке, опубликованной в издании „Экономической Жизни"—(народное хоз-во в 3-ю четверть 1921 г.), при общем грузообороте России за 9 месяцев в 41,2 милл. пудов (в том числе 35,6 милл. пудов. импорта на 187 милл. довоенных рублей и 5,6 милл. пуд. экспорта на 10 милл. рублей) наш внешний товарообмен составил (в процентах).

	Ввоз.	Вывоз.
С Англией	32,6	30,6
„ Германией	23,0	18,8
„ Соед. Штат.	19,5	16,4
Итого в %	75,1	65,3

Из прочих государств, которые поступили с нами в товарообмен, следует отметить Швецию (8,3% ввоза) и Латвию с Эстонией (6,8%).

За довоенное 10 летие (1904—1913 гг.) наши торговые сношения с иностранными государствами выражались в несколько иных цифрах.

В % к общему итогу ввоз и вывоз составил:

	Ввоз.	Вывоз.
С Германией	47,5	29,8
„ Голландией	1,6	11,7
„ Англией	17,6	12,6
„ Францией	4,1	6,6
„ Соед. Штат.	5,5	0,9

Сравнительно с довоенным грузооборотом по странам мы можем констатировать в 1921 г. два отличия: 1) Уменьшение роли Германии, захватившей до войны в свои руки (вместе с Голландией) почти половину нашего импорта и 41,5% экспорта. Теперь такой монополизации внешней торговли нет и Англия, ставшая на первое место вместо Германии, сосредоточивает всего около $^1/_3$ общего грузооборота; 2) более равномерное распределение нашей внешней торговли по отдельным странам и большое, относительно, значение которое начинают играть в ней Соед. Штаты.

Конечно, цифры 1921 года еще малы и случайны, и коньюнктура может совершенно измениться в последующие годы. Но было бы желательно, чтобы указанные сейчас тенденции нашей внешней торговли укрепились в будущем.

По последним сведениям наш торговый баланс за 1921—22 г. составил (в мил. золот. рублях).

	Ввоз.	Вывоз.	Пассив.
1921 г.	180	10	— 170
1922 „ (11 мес.) . . .	262	71	— 191

В 1921 г. вывоз равнялся только 5,5% ввоза, в 1922 г. он поднялся до 27%.

На ближайшее время взамен зерновых хлебов, в нашем экспорте должны возобладать лесные материалы, пушнина, лен и скотское сырье (кожи и шкуры). От продуктов и экстенсивного зернового земледелия мы поворачиваем к экспорту, с одной стороны *естественных благ природы* (лес, пушнина), с другой—технических культур (лен) и скотоводства (кожи и шкуры). Расширение этих именно тенденций и представляет задачу внешней торговой политики ближайшего будущего.

Выводы.

Основные выводы из всего вышеизложенного таковы:

1) Развитие внешнего рынка в XX веке, в общем, представляет положительный фактор для народно-хозяйственной эволюции вообще и сельского хозяйства в частности, ибо экспорт продуктов более интенсивных культур и скотоводческих опережал рост вывоза зерновых хлебов, составлявших, однако, еще накануне войны по сумме, около половины всего вывоза с. х. продуктов.

2) Тем не менее довоенная постановка нашей внешней торговли отличалась весьма существенными дефектами, значительно обесценивавшими ту долю собственной с. х. продукции, которую русский народ отчуждал для заграничного вывоза. В экспорте хлебных продуктов у нас замечалось исключительное преобладание вывоза зерна над мукой, тогда как культурные вывозящие страны стремились развить мучной экспорт. Сверх того значительную часть концентрированного корма, в виде отрубей и жмыхов мы вслед за зерном, также выбрасывали на внешний рынок, что очень вредно отражалось на развитии нашего скотоводства. Качество экспортируемых

продуктов, сравнительно с заграничным, было низко, техника хранения, переработки, укупорки и перевозок очень мало развита, почему ряд скоропортящихся продуктов (масло, яйца, мясо, рыба), либо расценивался очень низко в Европе (масло, яйца), либо экспортировался в размерах, далеко не отвечавших хозяйственным возможностям России (мясо, рыба). Только, благодаря плохой технике, импорт этих последних продуктов превышал, по стоимости, экспорт. Наконец, весьма крупным дефектом являлась неорганизованность нашего торгового аппарата.

Отрицательным явлением надо считать также монополизацию нашей внешней торговли в руках одной европейской страны—Германии, значение которой увеличивалось с каждым годом, тем более, что довоенная Германия, ограждая свое земледелие высокими таможенными пошлинами, лишала русских производителей значительной доли их дохода. В общем итоге, отчуждая на рынок относительно весьма крупные количества с. х. продуктов, земледельческое население России получало за них гораздо меньше, чем такое же население других вывозящих стран, особенно заокеанских.

3) Во время войны и революции, достигаемый с большими потерями активный торговый баланс России превратился в пассивный, а затем и вся торговля сошла на нет, главным образом в 1918—19 гг. С конца 1920 г., начинается ее реставрация, в которой наряду с резко отрицательной стороной—глубокой пассивностью баланса, и небольшими размерами можно наблюдать признаки некоторого улучшения, заключающиеся: во 1-х, в относительном усилении торговых связей с богатыми странами—Англией и Соед. Штатами, и вообще—в более равномерном распределении торговых оборотов по странам, во 2-х,—в большем значении вывоза продуктов технических культур, скотоводческих продуктов и естественных благ природы, чем в довоенный период.

ГЛАВА XII.

Внутренняя торговля России с.-х. продуктами.

Характеристика общего развития внутреннего рынка России.

В начале настоящих очерков мы констатировали роль внутреннего рынка, как фактора, дифференцирующего народное и, в частности, сельское хозяйство по районам и областям, подобно тому, как мировая торговля создает разделение труда и специализацию народного хозяйства по отдельным странам связанным паровым транспортом между собой. Чем больше развивается внутренний грузооборот, тем естественно, сильнее влияние рыночных отношений на формацию районных рыночных типов. Поэтому, прежде всего, мы должны посмотреть, насколько быстро развивался у нас внутренний грузооборот с.-х. продуктов, из которых зерновые хлеба выдвигались на первое место гораздо рельефнее, чем во внешней торговле.

В своих трудах[1]) проф. Лященко дает следующие общие цифры внутренних перевозок 6 главных хлебных грузов в конце XIX века.

	В милл. пуд.	В °/₀ (принимая 1876—80 г.г. за 100).
1876—80 г.г.	120,5	100
1881—5 „	171,9	143
1886—90 „	186,3	155
1891—95 „	257,0	214
1896—98 „	291,2	242
1899—1902 гг. . . .	264,0	220

С 1890-х г.г. уже начинается абсолютное преобладание внутреннего грузооборота хлебов над вывозным (за границу). Еще в 1886—90-х г.г. за границу отправлялось 235,5 милл. пуд., тогда как внутрь России только 186,3 мил.; в 1890-х г.г., за границу идет 219—249 милл. пуд., внутрь страны уже 257—291 милл. В XX веке внутренний грузооборот хлебов продолжает развиваться также интенсивно.

Внутренние перевозки по желдорогам в мил. пуд.

1900—3 г.г. . . .	318
1905—9 „ . . .	418
1910—13 „ . . .	778 (по желдор. и водным путям)

В последнем 5-летии взята общая сумма всех внутренних перевозок, как по железным дорогам, так и по водным путям, притом лишь 4-х главных хлебов[2]). В этом 5 летии за границу вывозилось ежегодно (по всем путям) только 598 милл., Таким образом, общее количество товарного хлеба составляло 1376 милл. пуд., т.-е., приблизительно; около третьей части всего зернового производства. Но суммировать железнодорожные перевозки с водными—не совсем точный прием, ибо многие хлебные грузы попадают с железных дорог на воду и наоборот. С другой стороны не все водные перевозки хлеба точно учитываются. Быв. Минис—во путей сообщения утверждало, что „при существующей системе регистрации перевозимых грузов учитывается только более или менее значительная часть товаров, составляющая, вероятно, около ¾ всего количества перевозимых товаров[1])" Поэтому надо полагать, что общие резмеры хлебного грузооборота в 1909—13 г.г. были все же не менее 1,3 миллиардов пудов против 1,0 миллиарда в самом начале 1900-х г.г. (по расчету проф. Лященко).

Не все хлеба имели одинаковое товарное значение. Выше мы конста-

---

[1]) См. П. И. Лященко „Очерки аграрной эволюции России", т. I, СПБ. 1908 г. и „хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России" СПБ., 1912 г.

[2]) По изданию быв. продов. совещания, „Производство, перевозка и потребление хлебов в России", вып. I, П. 1916 г.

[1]) „См. стат. сборн. М-ва Путей Сообщения за 1909 г. цит. по Челинцеву „Области избытков и недостатков с.-х. продуктов в Европейс. Рос.". П. 1914 г.

тировали, что наиболее рыночными была пшеница и ячмень. Это же подтверждает цифрами проф. Лященко.

	% суммы перевозок к чистому сбору.
Пшеницы	57,5
Ячменя	42,1
Овса	28,1
Ржи	76,1

Самым „натуральным" хлебом оказывалась рожь, производство которой в последние годы наиболее сохранилось. Но во внутренних перевозках рожь играла гораздо более заметную роль, чем в вывозе: так в 1905—9 г.г. внутренние перевозки ржи составляли 54 мил. пуд., тогда как вывозные—только 28 мил. Проф. Лященко делает такую характеристику перевозок отдельных хлебов: рожь дает непрерывное и правильное возрастание внутренних перевозок, указывая тем самым, на возростание торгового производства ржи. Наоборот, вывозное сообщение ржи, в общем, быстро падает. Внутренние перевозки пшеницы дают еще более сильное возрастание. Но вместе с тем увеличиваются и вывозные перевозки пшеницы. Внутреннее передвижение овса растет, не меньше, чем ржи; заграничное—чрезвычайно неустойчивое и скорее тендирует к под'ему. В общем, следовательно возрастали внутренние перевозки всех хлебов: но ржи и овса больше, чем вывоз этих хлебов за границу.

Другое отличие внутреннего хлебного грузооборота от внешнего заключается в более быстром развитии перевозок *муки*, чем зерна. Принимая цифры перевозок 1895 г. за 100, получаем:

	Хлеб в зерне.	Мука.
1895 г.	100	100
1900 „	101	133
1905 „	132	159
1909 „	179	215

„Перевозки муки", говорит проф. Лященко, „возрастают значительно более быстро, чем перевозки хлеба в зерне: они обладают и большей устойчивостью". В 1905—9 г.г. общие перевозки муки достигали 236 мил. пуд., тогда как вывоз за границу в этот период не превышал 14 мил. пуд. Следовательно, перевозки муки составляли более половины всех внутренних хлебных перевозок.

Рост мучного грузооборота сравнительно с зерновым, помимо его большей выгодности, вызывался еще увеличением *расстояния*, на которое перевозились хлебные грузы.

Внутренние перевозки хлебных грузов в %%/₀ на расстояние:

Среднее за	до 500 в.	501—1000 в.	1001—1500 в.	1501—2000	Свыше 2000
1895—1900 г.г.	72,3	14,5	8,7	3,6	0,9
1901—7 „	69,5	14,3	9,6	4,2	2,4
1908 г.	63,6	18,3	9,9	4,4	3,8
1909 „	62,5	18,2	9,8	5,4	4,1

„Во внутреннем сообщении,—говорит проф. Лященко,—получали относительное увеличение более *отдаленные* перевозки за счет сокращения ближайших: в вывозном сообщении, наоборот, получали развитие ближайшие перевозки за счет относительного сокращения отдаленных". Последний факт вызван тем обстоятельством, что главные районы, поставляющие основные вывозные хлеба—пшеницу и ячмень—Новороссия и Сев. Кавказ, лежали не на далеком расстоянии от Черного моря. Поскольку из этих районов за последние годы особенно усиленно развивался экспорт ячменя, а также пшеницы, постольку относительно сокращалось вывозное сообщение хлебов на далекое расстояние.

„Увеличение внутреннего рынка и внутренних сообщений,—замечает далее проф. Лященко,—находит себе материал не в ближайших, а в *отдаленных* районах". Рост неземледельческого населения, развитие местного потребления, характер земледельческой культуры в ближайших к внутренним рынкам центрально-земледельческих районах, не могущих уже развить вширь свое экстенсивно-зерновое хоз-во—все это должно привлекать на внутренний рынок большее относительно количество зерна из отдаленных районов. Внутренний рынок конкуррирует, таким образом, с внешним: но конкуррирует только в отдаленных районах, которые начинают изменять направление своих перевозок от за границы во внутрь России.

Изменение внутреннего грузооборота по районам.

Этот факт постепенного *расширения* расстояния, на которое перевозятся грузы, чрезвычайно важен. Он показывает, что в XX веке у нас произошла какая-то перегруппировка районов, *производящих* хлеб в избытке, и районов с недостаточным хлебным производством—потребляющих привозное зерно. Подробный анализ этой перегруппировки дает проф. А. Н. Челинцев в своей работе „перемены в хлебной продукции в России в связи с общим развитием сельского хозяйства", напечатанной в №№ 7—8 „Агрономического журнала" за 1913 г.

В этой работе он сопоставляет по губерниям цифры железнодорожных перевозок, определяющие избытки и недостатки хлебных грузов в 1880—4 г.г. и 1907—10 г.г. Результаты этого сопоставления видны на прилогаемой картограмме.

Если мы подсчитаем приведенные в статье Челинцева цифры избытков и недостатков главных хлебов по нашим районам, то получим такую картину.

Избытки (+) и недостатки (—) 4-х главных хлебов по районам (на территории РСФСР).

РАЙОНЫ.	1880—4 г.г.	1907—10 г.г.	Увеличение или уменьшение в % (принимая 1880—4 г. за 100).
Нечерноземная полоса.			
Белорусский	— 3447	— 15868	402,0
Приозерный	— 33335	— 46287	138,8

Цент.-Промыш.	— 41949	— 76258	181,7
Северный	+ 706	— 7326	—
Приуральский	+ 11562	+ 8157	— 70,5
Всего нечерн. п. .	— 66963	— 137582	205,4
Черноземная полоса.			
Юго-западный	+ 25213	+ 41699	165,4
Малороссийск.	+ 14955	+ 39149	261,8
Центр-Землед.	+ 69183	+ 117563	169,9
Средне-Волжск.	+ 51061	+ 80774	158,2
Новороссийский . . .	+ 76820	+ 354621	401,6
Нижне-Волжск.	+ 31642	+ 98863	312,4
Всего черн. п. . .	+ 268874	+ 732569	272,5
Сев. Кавказ	+ 16184	+ 128286	792,7
Итого Европ. Рос. и сев. Кавказ	+ 218095	+ 723373	331,7

И картограмма и наша таблица дают один и тот же существенный вывод: между 80-ми и 1900 г.г. *дифференциация районов* по отношению к хлебному рынку чрезвычайно усилилась. Нечерноземные потребляющие районы запада и центра, с быстро растущим городским населением, значительно повысили свой спрос на привозный хлеб; северный район, живший собственным хлебом, превратился в потребляющий. В Приуральском бывшем производящем районе, вывоз хлеба сократился; западные и центральные районы *черноземной полосы* увеличили, но сравнительно слабо, свою зерновую продукцию и количество хлебных грузов на вывоз у них поднялось всего от 1,6 до 2 раз. Не то в южных и юго-восточных районах: Новороссийском, Низовом Поволжьи и Сев.-Кавказе. Здесь мы видим колоссальный прирост хлебных избытков (от 3-х до 8 раз). Чтобы еще рельефнее оттенить происшедшие перемены, проф. Челинцев подсчитывает отдельно группы губерний с недостатком (нечерноземные), слабым избытком (северо-черноземные) и с большими избытками (южно-черноземные). В пределах территории старой империи его подсчет даст такие итоги (в милл. пуд.),

	В 1880—4 г.г.	1907—10 г.г.	Увеличение в миллион. пуд.
Губернии с недостат. (нечернозем.)	— 83,8	— 181,2	— 97,4
Со слабыми избытками (северо-черноз.)	+ 142,7	+ 204,1	+ 61,4
С большими избытками (южно-черноз.)	+ 185,2	+ 778,3	+ 593.1
Все области с избытками	+ 356,1	+ 982,4	+ 626,3

В юго-восточных губерниях за эти 25 лет произошло увеличение хлебных избытков в 5,6 и даже в 8 раз. Это те губернии, которые только с 1880-х г г. подверглись усиленной колонизации, в которых еще сохранялись свободные для распашки целины, где под влиянием быстрого развития рыночных отношений в XX веке началось усиленное товарное производство хлебов. В общем, как видно из картограммы, за истекшее 25-летие области с *недостатками хлебов* расширились, а области с крупными избытками хлебов—сократились и сдвинулись все на юго-восток. Но и в этих южно-черноземных губерниях уже на протяжении XX века проф. Челинцев отмечает продолжающееся с'ужение и сдвиг на юго-восток территории с максимальными хлебными избытками. Доказывает он этот факт путем сопоставления прироста посевных площадей за 1906 — 10 г.г. сравнительно с 1901 — 5 г.г.

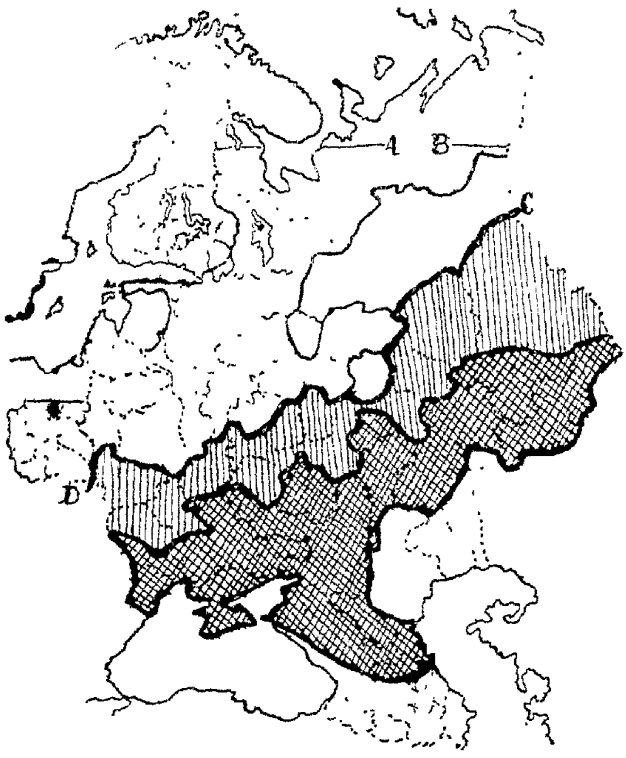
Губернии с приостанавливающимся ростом посевной площади в $^0/_0$.		Губернии с продолжающимся ростом посевной площади в $^0/_0$	
Херсонская . . .	+ 3	Донская	+ 15
Екатеринослав. . .	+ 3	Самарская	+ 11
Таврическая . . .	— 5	Уфимская	+ 16
Саратовская . . .	+ 8	Оренбургская . .	+ 18
Харьковская . . .	— 1	Кубанская . . .	+ 14
		Ставропольс. . .	+ 25
		Терская	+ 23

Следовательно и в западной части южно-черноземных областей уже происходил процесс прекращения безудержной распашки полей, передвигающийся все далее и далее на восток и, как мы видели из VIII главы, перекатившийся в XX веке за Урал, в Сибирь и Степной Край.

Эта с'уженная (до 7 — 8 губерн.) территория юго-востока и становится до войны *хлебной житницей* потребляющих районов России и еще более заграницы. Что же происходит в это время в западных и центральных областях черноземной и нечерноземной полосы? Мы видели из предыдущих глав, что здесь развивался довольно быстро процесс *интенсификации* земледелия, т.-е. развития посевов — кормовых трав, корнеплодов, масличных и других технических растений. Эта перемена в севооборотах отражается естественно и на рыночных отношениях. „Во всей нечерноземной полосе роль денежной выручки от хлеба уменьшилась; то же самое приходится отметить и для некоторых северо-черноземных губерний. Население же здесь выросло: к каждой единице площади пред'являются бо́льшие требования постольку, поскольку труд населения не стал отвлекаться на сторону из своего сельского хозяйства (город, индустрия, неземледельческий отход, кустарничество и т. п.).

Естественно поэтому ожидать, что масса земледельческого населения начинает получать нужную выручку от земли не только в виде зерна, но и в *других* продуктах земледелия и животноводства, или, другими словами, что строй сельского хоз-ва изменился в сторону расширения иных

Изменение хлебных избытков и недостатков с 1884 гг по 1907 гг



В черте A. B. — области недостатков в 1884 гг.
Севернее черты C D — 6 губерний, кроме Ковенской, с недостатками 1907 гг.

Избытки за 1884 – 1907 гг уменьшились или увеличились незначительно (менее чем в 2 раза)

Избытки за 1884 – 1907 гг увеличились значительно в 2 – 11 раз

частей и отраслей сельского хоз-ва на счет зерновой продукции". Недобор зерна в сельском хоз-ве, несомненно, должен компенсироваться увеличением выручки от других с.-х. продуктов.

Что сокращение зерновой продукции и рост за ее счет производства более интенсивных земледельческих культур и более культурного животноводства должны были не уменьшить, а *наоборот увеличить* связь земледельцев западных и центральных районов России с рынком — видно по нижеследующим данным *о доходности* от сельского хоз-ва, взятым из другой работы проф. Челинцева, не получившей большого распространения („Состояние и развитие русского сельского хоз-ва по данным переписи 1916 г. и железнодорожных перевозок". Харьков. 1918 г.)

Черноземная полоса.

ГУБЕРНИИ.	Плотность земл. насел. (на 1 кв. в. с.-х. площ.)	Доход на 1 дес. хоз. площади.	
		От землед.	От животн.
Таврическая	32,4	18,2	4,4
Саратовская	36,6	16,1	5,8
Херсонская	43,3	26,7	6,4
Курская	79,9	30,0	8,0
Полтавская	85,0	30,6	10,1
Подольская	114,8	41,7	17,9

Нечерноземная полоса.

ГУБЕРНИИ.	Плотность земл насел. (на 1 кв. в. с.-х. площ.)	Доход на 1 дес. хоз. площади.	
		От землед.	От животн.
Вологодская	50,0	11,2	6,8
Тверская	67,5	18,5	8,2
Виленская	80,0	20,5	19,9
Московская	113,0	23,8	19,9
Губ., отошедшие к Польше .	117,0	49,1	23,1

Чем ближе к центру и западу, тем плотнее земледельческое население и тем выше доход от земледелия и животноводства, на 1 дес. с.-х. площади. Отсюда ясно, что с.-х. интенсификация как и следовало ожидать, должна не понизить, а *повысить* рыночность крестьянского хоз-ва. Но пока не был произведен детальный анализ статистики перевозок с.-х. грузов — этот факт нельзя было отчетливо прояснить, ибо весьма многие стороны с.-х. интенсификации — особенно развитие огородных культур, бахчеводства и некоторых отраслей животноводства, не учитывались с.-х. статистикой. Учет железнодорожных перевозок обнаружил, какую большую роль во внутреннем грузообороте страны играют картофель, овощи, фрукты, яица, птица и т. д. Поэтому представляется интересным дать здесь в сведенном виде (по областям) погубернские цифры перевозок этих про-

дуктов в 1907—9 г.г., опубликованным в 3-ей работе проф. Челинцева „Области избытков и недостатков с.-х. продуктов в Европ. России“ (оч-ки по с.-х. экономии вып. втор. й).

Приводим оттуда, прежде всего, цифры избытков и недостатков картофеля, продуктов его переработки и свежих овощей (в порайонной сводке в пределах Р.С.Ф.С Р.)

Избытки и недостатки в тыс. пуд.

В 1907—09 г.г.

РАЙОНЫ.	Картофеля.			Овощей (капуста, лук, огурцы и проч.	
	В непереработ. виде.	Крахмал.	Перекур. на спирт.	Капуста, лук и свекла.	Огурцов свежих.
Нечерноземная полоса.					
Белорусский . .	— 18	+ 13	15,1	— 38	— 53
Приозерный . .	+ 3794	— 352	1,9	— 1164	— 1136
Центр.-Пром.. .	— 1960	— 1163	2,3	— 981	+ 647
Северный	— 56	— 16	—	— 8	— 155
Приуральский. .	— 33	— 18	2,1	— 41	— —
Всего нечерн. п.	+ 1727	— 1536	20,5	— 2232	— 697
Черноземная полоса.					
Юго-западный . .	+ 4835	+ 10,0	16,6	+ 187	+ 44
Малороссийский.	+ 2873	+ 79,0	19,0	+ 317	+ 225
Цент.-Землед. . .	+ 8487	+ 1421	28,8	+ 2449	+ 472
Средне-Волж. . .	+ 329	+ 353	17,2	+ 206	+ 2
Новороссийский.	— 3555	— 220	0,1	— 724	— 49
Нижне-Волж. . .	— 11,9	— 12	1,4	— 96	+ 8
Всего черноз. п..	+ 12850	+ 1437	83,1	+ 2339	+ 702
Сев. Кавказ . .	— 477	+ 79	—	+ 271	— —
Итого Европ. Рос. плюс Сев. Кавказ.	+ 14100	+ 20	103,6	+ 378	+ 5

Оказывается, что северо-черноземные губернии и особенно центрально-земледельческий район играли до войны большую роль в поставке картофеля и овощей в столичные центры нечерноземной полосы, которым, несмотря на большое развитие посевов картофеля и широкую огородную культуру в промышленных областях, все же не хватало этих продуктов (кроме огурцов). Юго-западный и малороссийский районы также отличаются избытком картофеля и отчасти овощей, тогда как юго-восточные обнаруживают дефицит. Из нечерноземных губерний по количеству избытков картофеля выделяются Ярославская, частью Костромская.

Однако, в направлении перевозок картофеля в непереработанном виде происходят, с течением времени, большие перемены.

Вывоз избытков картофеля по губерниям (в тыс. пуд.).

ГОДЫ.	Воронежск.	Пензенск.	Нижегор.	Ярославск.	Костромск.	Курская.	Черниг ов.	Киевская.	Подольск	Харьковск	Тульская
1893—4 г.г.	589	37	14	515	13	495	9	325	1347	636	288
1907—9 „	2713	878	292	1429	46	2713	1092	1469	3333	1349	898
1913 „	2367	1042	534	3634	665	419	674	499	910	685	211

В Воронежской, Пензенской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губ. лежащих вокруг Москвы и ее пригородов вывоз сырого картофеля растет, направляясь в столицу. В губерниях юго-запада и Малороссии (Черниговской, Киевской, Подольской, Харьковской,) сбыт картофеля, увеличиваясь к 1907—9 г.г., затем падает к 1913 г. Но это, не означает падения картофельной продукции: здесь, очевидно, начинает развиваться либо непосредственный сбыт внутри губерний в быстро расширяющиеся городские центры (Киев, Харьков), либо переработка картофеля на месте в спирт (в Тульской и Курской губ.). Усиленной переработкой на спирт об'ясняются и слабые избытки вывозимого картофеля из Белоруссии.

В общем итоге, главными поставщиками сырого картофеля и овощей на городские рынки оказываются центрально-черноземные и некоторые из центрально-промышленных губерний.

Но если зерновой юго-восток в отношении сбыта этих продуктов не играет никакой роли, то все же железнодорожные перевозки обнаруживают, что у него есть своя особенная специальность, помимо сбыта зерна: это — поставка продуктов *бахчеводства* — арбузов на русский рынок.

Вывоз арбузов по желдорогам (в тыс. пуд.).

Губернии.	1893—4 г.г.	1906—8 г.г.	1913 г.
Из Саратовской	225	651	2311
„ Астраханской	—	645	2147
„ Донской	164	622	1451
„ Самарской.	80	207	369
„ Терский	5	53	106
„ Херсонской	362	1324	472

„Это огромное арбузное хозяйство, расположившееся вокруг Царицына радиусом в 100—150 вер., уже обслуживает почти всю Европейскую Россию своими продуктами. На тот же путь широкого рыночного сбыта стал и на юго-востоке *табачное* и *помидорное* хозяйства. Но здесь замечается, говорит проф. Рыбников [1]), еще одна весьма важная особенность — это *местная* переработка сырья в более ценные и транспортабельные фабрикаты. На очереди стоит переработка плодов и овощей и экспорт их в консерви-

[1]) См. „Эволюция сельского хозяйства юго-востока".

рованном виде. Этот путь по переработке, при должной организации, сулит раздвинуть рамки местного интенсивного хозяйства значительно шире того, что было до сего времени.

Таким образом, наш юго-восток до войны оказывался не только хлебной житницей: наряду с широким развитием экстенсивного земледелия, в нем начинало формироваться „оазисное", преимущественно, поливное огородничество, бахчеводство, а также садоводство. „Бахчевое хозяйство, по словам А. А. Рыбникова, является, вне сомнения, весьма крупной хозяйственной единицей, органически вошедшей в жизнь сел.-хоз. края. Население само уже сделало не мало в отборе рыночных сортов, в выработке техники ухода за бахчами, а русская наука и опытное дело только еще собираются поставить себе эти задачи". С другой стороны, „поливных садов, огородов, плантаций, ссобенно по Волге от Саратова до Астрахани и тем более — по Ахтубе — многие десятки тысяч". Эта возможность «оазисного» поливного хозяйства вблизи рек, с того момента, как экстенсивное зерновое земледелие стало рискованным делом в засушливых областях юго-востока, благодаря периодическим засухам и страшным неурожаям, является известного рода страховкой от голода в такие годы, как 1891, 1911, 1921 г.г. Поэтому в будущем, на эту совершенно мало исследованную отрасль юго-восточного сел. хоз. необходимо обратить более пристальное внимание.

Следующая группа культур, имеющих большое рыночное значение — волокнистые и масличные.

Статистика перевозок за 1907—9 г.г. дает картину такого порайонного распределения избытков и недостатков волокна, льна и конопли, масличных семян и масла растительного (в тыс. пуд.).

РАЙОНЫ.	Волокно. Лен.	Пенька.	Масличн семена.	Масло растит.	Жмыхи.
Нечерноземная полоса.					
Белорусский	+ 71,2	+ 152	+ 493	+ 742	+ 3037
Приозерный.	+ 2869	— 204	+ 111	— 1129	+ 4375
Центр.-Промыш. . .	+ 2323	— 186	— 1826	— 1867	+ 2110
Северный	+ 441	— 21	— 29	— 10	+ 195
Приуральский . .	+ 168	+ 4	+ 1728	— 38	— 21
Всего нечерн. п. . .	+ 6513	— 255	+ 477	— 2302	+ 9696
Черноземная полоса.					
Юго-Западн.	+ 114	+ 9	+ 1911	— 815	+ 1153
Малороссийск. . . .	— 34	+ 518	+ 933	— 257	+ 1895
Центр.-Землед. . . .	+ 6	+ 1999	+ 4666	+ 3187	+ 7147
Средне-Волж. . . .	+ 256	+ 248	+ 697	+ 384	+ 1686
Новороссийский . .	+ 2	+ 5	+ 453	+ 1568	+ 3157
Нижне-Волж. . . .	— 3	— 1	+ 1260	— 89	+ 349
Всего черн. п. . . .	+ 341	+ 2778	+ 9921	+ 842	+ 15387

Сев. Кавказ	—	—	2	+ 3530	+2668	+ 8337
Итого Европ. Рос. + Сев. Кавк.	+6854	+2521	+13928	+1208	+33420	

Центр льняных избытков — северо-западный и промышленный районы. Здесь в 190 —9 г.г. избыток волокна достигал 6,2 милл. пуд. Остальные районы нечерноземной полосы, давая очень мало на вывоз, в привозном волокне совсем не нуждались. Железнодорожные перевозки, повидимому, однако, не охватывали всех избытков льняного волокна, отправлявшихся за границу водными путями. Но нужно иметь в виду, что до войны одна Лифляндская губерния давала 4 милл. пуд. избытка. Прибалтийский край в приведенную сейчас таблицу не вошел. В позднейших работах проф. Челинцева (см. состояние и развитие русского сельского хозяйства) выясняется картина заметного сдвига районов с избытками льняного волокна с запада на восток.

	Губ. Прибалт. и Белорусские. 1893—94 Принимая		Приозерный. 1893—94 Принимая		Пром. и Волог. 1893—94 Принимая		Сев.-Восточн. 1893—94 Принимая	
	Абсол.	за 100.	Абсол.	за 100.	Абсол.	за 100.	Абсол.	за 100.
1893—4 г.г.	5,9	100	3,1	100	2,8	100	0,2	100
1907—9 „	7,4	125,4	4,8	154,8	3,6	128,5	0,5	250,0
1913 „	6,1	103,4	6,6	212,9	5,6	200,0	1,1	550,0

„Районы Прибалтийский и Литовский, говорит проф. Н. Д. Кондратьев, сделали очень большой шаг к интенсификации хозяйства, обнаруживая сдвиг к скотоводческому направлению хозяйства с плодосменной системой по еводства. Естественно, что льноводство там сокращается, принимая более скромные размеры [1]). Таким образом, при переходе к плодосмену и продуктивному скотоводству, широкому льноводству, как будто, нет места. Но оно, однако, продолжало развиваться, что констатирует и проф. Кондратьев в приозерном крае и промышленном центре, где в XX веке также происходила довольно быстрая интенсификация земледелия, хотя не столько в сторону *плодосменного* севооборота, сколько в сторону развития полевого травосеяния, которое, очевидно, не являлось препятствием для расширения льноводства. "Лен по клеверищу хорошо родит", как уже давно заметили крестьяне. В Вятской губ. молодое промышленное льноводство стало быстро увеличиваться, возможно, также в связи с некоторой эволюцией травосеяния. Одним словом, производство льняного волокна на вывоз накануне войны выказывало определенную тенденцию к расширению своей территории. Во время войны и революции, этот процесс расширения, хотя, конечно, не для торгового сбыта, а для собственного потребления, охватил, повидимому, не только всю нечерноземную Европейскую Россию, но и перекинулся в Сибирь. Статистика плохо учитывала этот процесс, ибо мелкие

[1]) Н. Д. Кондратьев „Производство и сбыт масличных семян в связи с интересами крестьянского хозяйства".

полоски льна, частью на полях, частью в усадьбах, очень часто не регистрировались при переписях. Но в виду падения нашей мануфактурной промышленности и необходимости, вследствие этого, для крестьян перейти на домашнее производство тканей, надо предполагать, что потребительское льноводство приняло довольно широкие размеры и, в случае выгодной экономической конъюнктуры в ближайшем будущем, может и закрепиться, превратившись по местам из потребительского в промышленное льноводство. Тогда сдвиг на восток производства на сбыт льняного волокна станет еще ощутительнее.

Производство на сбыт пеньки, почти все целиком сконцентрировалось на конопляниках центрально-земледельческого района, где чистый вывоз пеньки достигал 2-х милл. пудов из 2,8 милл. избытков всей черноземной полосы. Нечерноземная же полоса повсюду (кроме Белоруссии) отличалась таким слабым развитием конопляных посевов, что поглощала привозную пеньку в городских центрах в сотнях тыс. пудов. Однако, с течением времени и здесь мы наблюдаем падение экспорта пеньки из Украины и Земледельческого центра и возрастание его в среднем Поволожьи, т.-е. некоторый сдвиг на восток.

Еще более отчетливо сдвиг на восток и на юг проявляется в производстве и сбыте семенного льна и подсолнуха. И к тому и к другому одинаково применим вывод Н. Д. Кондратьева, относящиися только к льносеменным посевам, о которых он говорит следующее: „Они катятся, подобно невысокой волне, с запада на восток из районов старой с. х. культуры к районам более молодым, от районов более интенсивного хозяйства к районам экстенсивным. В то время, как в первых они начинают итти на убыль и затем как бы замирают на известной точке в стационарном состоянии, во вторых их значение наростает. Они используют первый ряд районов экстенсивного хоз-ва и, идя на убыль в них, продвигаются непрерывно далее во второй ряд экстенсивных районов, но обладающих пока не использованными почвами, чтобы здесь пережить ту же историю".

Итак, если основные районы рыночного производства зерновых хлебов на протяжении XX века сужываются до территории 7—8 губерний юго-востока, районы сбыта некоторых интенсивных культур, в частности овощей, льна, конопли и масличных семян, *расплываются* по направлению на восток. Этот факт указывает, во-первых, на сравнительно большую подвижность производства этих культур, во-вторых, на распространение земледельческой эволюции в XX веке по направлению к востоку. Анализ железнодорожных перевозок вскрывает перед нами факт постепенного *усложнения* сельского хозяйства даже в таких, казалось бы, однотонных районах, как юго-восточные, где, на ряду со сплошными посевами пшеницы и ячменя, покрывающими однообразным ковром безбрежные степи, мы находим быстро растущее „арбузное" хозяйство в оазисах речных долин. И несомненно, чем дальше будет расти связь каждого районного х-ва с рынком, тем больше разнообразия в земледельческий тип каждого района будут вносить прихотливые требования рынка. А в этом разнообразии и заключается *суть земледельческого прогресса*, использующего одну за другой многогранные

возможности, которые в большинстве районов природа представляет для хозяйствующей деятельности человека.

Приведенные выше цифры грузооборота продуктов земледелия и огородничества показывают, что, в общем, потребляющие р йоны Европейской России не только обслуживались районами, производящими избытки на вывоз, но, по большей части, оказывался остаток для вывоза за границу. Гораздо хуже обстоит дело с продуктами скотоводства.

(Избытки и недостатки в тыс. пуд.)

РАЙОНЫ.	*)Скот живой и мясо.	Свиньи и свинина	Масло	Молоко и прочие молочн. пр.	Сало	Шерсть
Белорусский . . .	+ 709	+ 105	+ 50,9	+ 30,1	— 48	+ 5
Приозерный . . .	—5109	— 882	— 653,5	— 1630,9	—1075	+ 60
Центр.-Промыш. .	—4105	— 866	+ 634,0	+ 371,0	— 935	— 950
Северный	+ 85	— 5	+ 395,9	+ 10,5	+ 3	+ 1
Приуральский . .	— 142	+ 59	+ 34,5	— 4,1	— 106	— 250
Всего нечерн. п.	—8562	— 1589	+ 461,8	— 1255,2	—2160	—1134
Юго-западный . .	+ 1476	+ 355	+ 45,7	— 30,7	— 16	— 31
Малороссийский. .	+ 1656	+ 358	— 46,5	— 35,0	— 25	— 386
Цент.-Землед . .	+ 491	+ 502	— 2,4	+ 229,3	— 138	— 579
Средне-Волж. . .	+ 1691	+ 862	+ 97,6	— 22,3	— 345	— 334
Новороссийс. . .	+ 645	— 275	— 118.9	— 112,5	— 181	+ 728
Нижне-Волжс. . .	+ 2131	+ 170	+ 79,8	— 5,3	+ 250	+ 258
Всего черноз. п.	+ 8090	+ 1972	+ 55,3	+ 23,4	— 455	— 345
Сев. Кавказ . . .	+ 459	+ 67	+ 1.3	+ 4,6	+ 24	+ 1085
Европ. Рос. с Сев. Кавказом . . .	— 13	+ 450	+ 518,4	—1187,1	— 2591	— 394

Рыночная мясная продукция, которая сосредоточивается на Украине и в юго-восточных районах, оказывается столь незначительной, что ее еле хватает на покрытие потребностей в мясе двух подстоличных районов. Еще хуже обстоит дело с салом и шерстью: рыночный баланс этих продуктов дает определенный дефицит, и, если мясо, благодаря Сибири, мы все же вывозим в некотором количестве за границу, то сало и шерсть, наоборот, мы импортировали из-за границы к себе. Районы с крупными избытками шерсти—только Новороссия и Сев. Кавказ.

Значительно лучше балансируется масло; здесь, независимо от Сибирского масла, которое, большею частью, шло транзитом через Европ. Рос. прямо в ближайшие порты, северный и центрально-промышленный районы оказывались настолько высокомолочными, что с избытком покрывали внутреннюю нужду городских центров. И на сей раз нечерноземная полоса,

*) Скот живой переведен на мясо, считая вес круп. рогатого скота—10 пуд. свиней—4 пуда.

питающаяся, как мы видим, в большинстве случаев, избыточными с.х. продуктами черноземной, сама дает избытки, направляющиеся отчасти на юг и заграницу.

Впрочем, если мы возьмем перевозки скота и мяса в динамическом разрезе, то нам может и послужить утешением факт некоторого количественного под'ема вывоза из губерний с мясными избытками. Переведя мясо на скот и сложив полученные цифры с количеством вывезенного скота, проф. Челинцев получил такие итоги (в тыс. голов скота).

	1893—4 г.	1906—9 г.	1913 г.	Прирост 1893—1913 г.
Черноземн. интенсив. губ. . .	174,5	322,5	383,5	199
Черноземные экстенсивные .	372,7	514,2	548,3	175
Нечерноземные	52,7	96,9	154,9	102

Более интенсивные районы, как черноземные, так и нечерноземные, расширяют свою мясную продукцию относительнее быстрее, чем черноземные экстенсивные. Но все же, если принять во внимание, что приведенные итоги относятся к 27 губерниям — станет очевидным, какое небольшое место в сельском хоз-ве России имело до войны мясное производство скота на рынок. В этих 27 губ. отчуждался всего лишь 1,1 милл. голов. В Германии, в которой мясная продукция крупно-рогатого скота была мало развита, тем не менее отчуждалось на рынок в 1909—12 г.г. 1,5 миллиона взрослых животных, 1, 4мил. голов телят и около 6 милл. свиней. [1]) Однако, как видно из последней таблицы, рост городов, пред'являющих повышенный спрос на мясо, форсировал и у нас мясной рынок, и за 20 лет сбыт скота и мяса почти удвоился. Еще быстрее возрастал сбыт свиней и свинины, главным образом, из Украины (Полтавская губ.) и земледельческого центра (Тамбовская губ.). С 1893 по 1913 г.г. вывоз (в переводе на свиней) поднялся из этих районов с 50 до 280 т. шт.

Определенно падал сбыт шерсти из юго-восточных губерний.

Отправление шерсти из Новороссии и низового Поволжья в тыс. пуд.

В 1893—4 г.г.	2580 тыс. пуд.
„ 1907—9 „	1779 „ „
„ 1913 „	1045 „ „

За 20 лет. избытки шерсти на вывоз в этих районах сократились в $2^1/_2$ раза что является результатом падения шерстного овцеводства под влиянием широких распашек.

Рынок продуктов птицеводства, в особенности яиц, возрастал непрерывно Так избытки яиц эволюционировали следующим образом (в тысяч пудов):

---

[1]) См. „Die deutsche Landwirstchaft.“ Berl. 1913.

ОБЛАСТИ.	1893—4 г.г.	1907—9 г.г.	1912—13 г.г.	Прирост за 1893—1913 г.г.
Западн. север. черноз. .	1930	4311	5818	3888
Восточ. север. ч рноз. .	712	2824	2981	2263
Южные черноземные .	214	1442	2262	2048
Вост. и юго-восточные .	11	603	601	590

Наоборот, экспорт птичьего мяса падал в большинстве районов 23-х вывозящих губ. с 1910-х г.г. (1567 тыс. пуд. в 1893—4 г.г., 2392 т. п. в 1909—10 г.г. и 1609 т. п. в 1913 г.).

Пора онное распределение избытков и недостатков продуктов птицеводства в 1907—9 г.г. представлялось в следующем виде (в тыс. пуд.)

НЕЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА.	Яйца.	Птица живая и битая.
Белорусский	+ 96	+ 312
Приозерный	— 1543	— 367
Цент.-Промышлен	+ 164	— 218
Северный	+ 5	— 1
Приуральский	+ 302	+ 12
Всего нечерн.	— 978	— 261

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА.	Яйца.	Птица живая и битая.
Юго-западный	+ 1824	+ 244
Малороссийс.	+ 784	+ 530
Цент-Землед.	+ 2409	+ 783
Средне-Волж.	+ 2286	+ 86
Новороссийск.	+ 1056	+ 193
Нижне-Волж.	+ 283	+ 12
Всего черн. пол.	+ 8642	+ 1850
Сев. Кавказ	+ 280	— 40
Итого Евр. Рос. с С. Кавказом.	+ 7944	+ 1629

Как и в других случаях черноземная полоса снабжает продуктами своего птицеводства города нечернозем ой полосы. В черноземной полосе избытки этих продуктов со редот чиваются преимущественно в западных и центральных районах, т. е. в более интенсив ых.

Рассмотревши по отдельным продуктам статику и динамику внутреннего грузооборота, мы мож м дать теперь общую картину районов с более крупными избытками и недоста ками тех или ных продуктов.

Начнем с районов *нечерноземной* полосы. Западный — Белорусский район, благодаря сравнительно высокой с.-х. культуре и отсутствию крупных городских центров, способных поглотить все м стные избытки, вывозит, хотя и в небольшом количестве, ряд продуктов технич ских культур и скотоводства. Это, как мы уже ук зывали, ранее, преимущественно *картофельный* район; но в сыром виде картофель не вывозился, а экспортиров ался преимущественно в переработке на спирт. Экспортировалось отсюда

и масло растительное, и лен (волокно), и масличные семена, и жмыхи, пенька; только огородничество, повидимому было слабо развито. Отправлялось в Россию и за границу мясо, свинина, масло коровье, творог, сметана, яйца и птица, но все это в относительно малых размерах. Таким образом, Белорусский район является слабо *экспортным*, но отличающимся чрезвычайным разнообразием сбываемых на рынок с.-х. продуктов.

Следующие два подстоличные района — Приозерный и Центрально-промышленный естественно, являются районами с максимальным потреблением как зерновых продуктов, так и почти всех остальных. Интересно просуммировать, в округлении, размеры потребления этими районами привезенных извне с.-х. продуктов:

Зерновых хлебов (в зерне и муке) . .	123	мил. пуд.
Сала	2	„ „
Мяса скотского и свиного	11	„ „
Шерсти	900	т. „
Масла коровьего (только Приозерн.) .	650	„ „
Молочных продуктов (тоже)	1,6	м. „
Овощей	2,1	„ „
Яиц (только Приозерный)	1,5	„ „
Птиц	500	тыс. пуд.

Отсюда очевидно, что большая часть нужных для городского и сельского потребляющего населения продуктов этих районов получается из других районов, главным образом, из черноземных. Сюда они стягивались из всей России—здесь и сосредоточивался в двух фокусах внутренний рынок сбыта. Это сосредоточение рынка особенно в центре Приозерного края, — Петербурге, было, отчасти искусственным результатом тенденции старой экономической политики самодержавия к концентрации не только политической, а и экономической власти. С освобождением России от этой власти, с неизбежным, вследствие этого, падением экономической роли Петрограда на долгое время, с *рассеянием* промышленности из центра на окраины, поближе к источникам топлива и сырья, необходимо предвидеть и процесс *децентрализации* внутренних рыночных отношений. Этот процесс будет, несомненно, более благоприятным для с.-х. эволюции-ибо образование, взамен центрального, ряда крупных *местных рынков* приблизит эти рынки к районам с. х. продукции, сократит расходы на лишние перевозки многих из этих продуктов и сделает их производство более выгодным. К сожалению, железнодорожная статистика последних лет не позволяет нам уловить в цифрах этот процесс децентрализации,

Были, однако, некоторые продукты, по которым либо оба столичные районы, либо один из них оказывались в категории избыточных. Это, льняное *волокно*, избыток которого на вывоз в этих районах в 1907—9 г.г. доходил до 5,2 милл. пудов. От производства растительного масла из льняных семян экспортировалось $6^1/_2$ милл. пудов жмыхов, которые впрочем везде оказывались в избытке и отовсюду стягивались к путям, ведущим за границу. Далее центрально-промышленном районе развитое маслоделие, покры-

вая целиком столичный спрос, давало 640 тыс. пуд. избытка, на вывоз в Петроград: отправлялось также в Петроград из Московского района—около 400 тыс. пуд. молока и проч. молочных продуктов.

Ярославская и частью Костромская губ. производили избытки некоторых овощей, в частности огурцов, и затем довольно много (Ярославск. губ. 613 тыс. пуд.) яиц на сбыт. Таким образом, центрально-промышленный район выявлял гораздо больше способностей к развитию специальных рыночных отраслей с. хоз.-ва—льноводства, огородничества, молочного хоз-ва и птицеводства, которые не только покрывали Московский спрос, но и отправлялись дальше для удовлетворения нужды Петрограда. Отсюда ясно, что перевод столицы в Москву подводит под нее гораздо более прочную с. х. *базу*. С другой стороны, не дополучая многие продукты из России, в силу своей удаленности от производящих районов, Петроград питался, да и сейчас питается, привозными из-за границы, что наносит ущерб народно-хозяйственным интересам, в их целом.

Следующий—Северный район был самым бедным почти во всех отношениях; даже льна и коровьего масла он доставлял на рынок только 400—450 тыс. пуд. Кроме этих продуктов отсюда отправлялось 2—3 милл. пудов рыбы. Между тем, он обладает большим пространством лугов и пастбищ и, в будущем, надо ожидать здесь более или менее широкого развития скотоводства.

Связи последнего нечерноземного района—Приуральского с с.-х. рынком также очень слабы до сих пор. Единственный вид продуктов, дающих экспортные избытки—масличные семена (1,7 милл. пуд.). Несмотря на редкость населения, несмотря на сравнительную близость Приуралья к потребляющим центрам России, рыночное с. хоз-во здесь совсем не развито: с одной стороны, благодаря бедности и некультурности инородцев—земледельцев, с другой—вследствие отхода массы крестьян на горнозаводские промыслы, при которых собственное с. хоз-во являлось побочным занятием.

Переходим к черноземной полосе. Западная часть этой полосы—Украина (Юго-западный и Малоросс. районы), по разнообразию и отчасти по размерам отчуждаемых на рынок продуктов более интенсивного с. хоз-ва стояла на первом месте. Свыше $^3/_4$ поступающего на рынок сахара получалось от свекловичных плантаций Украины и перерабатывалось на ее заводах. Откорм мясного скота позволял отчуждать до 4-х милл. пудов мяса—количество большее, чем где-либо в других районах Европейской России. В то же время отсюда вывозилось 7,7 милл. пуд. сырого картофеля, 95 тыс. п. крахмала и 35,6 т. п. спирта, 750 тыс. пуд. овощей (с огурцами), около 3-х мил. пуд. масличных семян, 2,6 милл. пуд. яиц и до 700 тыс. пуд. птицы живой и битой. Следовательно, наряду с интенсивным земледелием и животноводством здесь оказывались сравнительно развитыми огородничество и птицеводство; и при всем этом, Украина экспортирует до 80 милл. пуд. зерновых продуктов. Таким образом, на Украине мы отчетливо видим тесную связь, существующую между *интенсивностью и рыночностью* с. х. производства.

Земледельческий центр в XX веке стал выходить из состояния земледельческого кризиса и это отразилось усилением рыночного производства не только зерновых хлебов (118 милл. пудов) но также картофеля и его продуктов—крахмала и спирта даже в больших размерах, чем на Украине (вывоз картофеля—8,5 милл. пуд., крахмала—1421 т. п.). Этот раион опередил Украину также по сбыту масличных семян и растительного масла (4,7 милл. пуд. и 3,2 милл.), и особенно по сбыту пеньки (2 милл. пуд.). Это главный рынок России по маслобойному и пеньковому производству. Весьма заметно развито здесь и рыночное производство овощей (2,6 милл. пуд.), яиц (2,4 милл. пуд.), птицы (около 800 тыс. пуд.) Одним словом, как и на Украине, мелкое крестьянское хозяйство, при развитии рыночных отношений, начинает выявлять свои способности к развитию некоторых интенсивных земледельческих культур и птицеводства. Но поставка мяса, в силу пережитого аграрного кризиса, подкосившего крестьянское скотоводство, очень невелика.

Она вырастает в соседнем Средне-Волжском районе, откуда по направлению к юго-востоку начинается область преимущественно мясного экстенсивного скотоводства. Однако, овцеводство здесь еще весьма слабо за отсутствием свободных пастбищ и вместо сбыта шерсти и сала мы видим, что железные дороги привозят сюда эти продукты с юга, т. к. местное производство их оказывается недостаточным. Как более экстенсивный, средне-волжк. район, собств нно южная и восточная его часть—Саратовская и Уфимская губ.—дает на вывоз большое количество зерновых хлебов (81 мил. пудов). Зато рыночное производство овощей почти совсем не развито; взамен его, как было уже указано опять таки в южной части, получает большое значение промышенное бахчеводство.

В общем картина рыночного сбыта с.-х. продуктов в среднем Поволжьи—однобразнее, чем в земледельческом центре.

Еще однообразнее она в трех южных и юго-восточных районах—Новороссии, в Низовом Поволжьи, на Сев. Кавказе, где заслоняя все остальные отрасли, на первый план выступает колоссальный сбыт зерно выхлебов, достигающий 583 милл. пудов в 1907—10 г г. Овощи, масло коровье, даже свиньи, лен, пенька, хотя и в небольшом количестве, привозятся извне. Кроме зерна, эти районы экспортируют, (хотя далеко не так много, как можно бы было ожидать), мясо скотское (свыше 3-х милл. пуд.). Юго-восток—единственный угол в Европейской России, в котором, хотя уже в небольших размерах, еще сохранилось до войны шерстное овцеводство. Но производство степных курдючных овец здесь, повидимому, упало, ибо только из нижнего Поволжья экспортировалось сала 250 тыс. пуд.: Новороссия ж давала дефицит.

Итак, наш беглый анализ рыночных отношений в сельском хозяйстве по районам, поскольку он улавливается данными о железнодорожных перевозках, показывает нам: 1) что в общем рыночный сбыт с.-х. продуктов *разнообразнее*, чем можно бы было судить по данным о непосредственном *производстве* этих продуктов: ряд продуктов, совершенно почти неулавливаемых статистикой с.-х. производства или являющихся в нем

третьестепенными, в грузообороте тех или иных районов, оказывается, играют далеко не маловажную роль, 2) что это разнообразие *сбыта растет* по направлению с востока на запад, т-е. от районов экстенсивного сельского хозяйства к более интенсивным. Даже такой бедный природным богатством почв и климата район, как Белоруссия, оказывается, отчуждает на рынок пестрый сортимент самых различных с.-х. продуктов, тогда как богатый природными благами юго-восток выбрасывает на рынок почти одно зерно.

Это одна ненормальность, которую мы наблюдаем в географии рыночного сбыта с.-х. продуктов. Другая заключается в том, что *потребление* продуктов, сбываемых во всей России, благодаря концентрации городов и промышленной жизни в двух столичных районах, сосредоточивается, как в фокусе, в этих районах, вследствие чего, по трудности перевозки на далекие расстояния, природные возможности многих районов не могли быть использованы для развития более интенсивных и рыночных отраслей сельского хозяйства.

Рассеяние промышленности и городов из центра на окраины, которое должно явиться последствием революции и перестроения хозяйственно-административной жизни России на федеративных началах, несомненно, устранит эти неправильности, сблизив рынки сбыта тех или иных продуктов с районами их производства.

Хозяйство различных типов по отношению к рынку.

Но кроме географического момента в развитии рыночных отношений в сельском хозяйстве играет весьма важную роль и другой момент—социальный. Крупное частно-владельческое хозяйство естественно является более рыночным, чем крестьянское. Однако, если мы обратимся к историческим фактам, то увидим, что русское помещичье хозяйство далеко не играло такой важной роли в с.-х. рыночных отношениях, какую ему многие склонны приписывать. Эпоха максимального расцвета крупных частновладельческих хозяйств падает у нас на 40-е—50-е г.г. XIX века—накануне уничтожения крепостного права. Тогда, по исчислениям некоторых дореформенных писателей, от крестьян поступало на внутренний и внешний рынок не более 10% общего количества, 90% поступало от *помещичьего* производства, которое и являлось, таким образом, главным представителем товарного производства и работы на рынок *).

Но *рыночность* зернового производства хлебов в эту эпоху была развита очень слабо. При производстве зерна в 200—220 милл. четвертей, т.-е. около 1600—1800 милл. пуд., тогдашние писатели-экономисты высчитывали размеры внутренней торговли хлебом, по величине городского и фабричного населения, по требованиям на армию и винокурение и по недобору хлебов в потребляющих районах—в 40—50 милл. четвертей. На внешний рынок отчуждалось в 1840-х г.г. $5^1/_2$ милл. четвертей, а всего поступало на рынок, следовательно, около 45—50 милл. четв. или 20—

*) Лященко. Очерки аграрной эволюции России т. I стр. 199—200.

25% всего зернового производства. В 1901—5 г.г., по расчетам проф. Лященко, при 2,1 миллиардов пуд. производства зерновых хлебов в Европейской России, на рынок поступал 1 миллиард или 47½%. Из них, как высчитывает тот же проф. Лященко, помещики доставляли 477 милл. пудов или 47,6%, а крестьяне уже 523 милл. больше половины. Но по нашему мнению (см. Закономерность аграрной эволюции, Т. II, стр. 467—9), доля рыночных поступлений, упадающих на крестьян, преуменьшена проф. Лященко, т. к. он недостаточно учитывал крестьянское производство на арендованных и купчих землях. Внося соответствующие поправки, мы повысили долю крестьянских отчуждений до 67,4%, т.-е. до *двух третей*. Накануне революции, в 1916 г., по подсчетам В. Г. Громана, крестьяне доставляли уже ¾—более 900 милл. из 1200 милл. пудов всех рыночных поступлений, частные владельцы—только около 300 милл.—¼. Таким образом в XX веке даже в рыночном зерновом производстве хлебов, наиболее соответствующем типу крупно-владельческого хозяйства, которое у нас, как и всюду, в общем, было экстенсивнее крестьянского, центр тяжести его переместился от частных владельцев к крестьянам. Иначе и быть не могло: ибо, как мы видели выше, к 1916 г. в руках у частных владельцев оставалось только 10% всей посевной площади Европейской России.

Но само крестьянское хозяйство, по отношению к рынку, представляет из себя далеко не однородную массу. Так, напр., по данным крестьянских бюджетов Харьковской губ. (Старобельского уезда), денежный приход и расход на одно хозяйство в различных посевных группах определялся (в целых рублях).

Группы.	ПРИХОД от продажи.			РАСХОД на покупку.			БАЛАНС.
	Растит. продукт.	Продукт. скотовод.	Всего.	Растит. продукт.	Продукт. скотовод. и птицев.	Всего.	
Беспосевные .	—	4	4	67	7	74	— 70
С пос. до 3-х д.	9	4	13	11	8	19	— 6
3×7,5 дес. .	58	15	73	17	6	23	+ 50
7,5—15 дес. .	167	36	203	22	6	28	+175
Свыше 15 дес.	358	45	403	15	4	19	+384

Беспосевные и малопосевные (до 3-х дес.) сводят свой баланс сел.-хоз. продуктов с дефицитом, который они покрывают сторонними заработками. Это—не продавцы, а *покупатели* с.-х. продуктов и большое их количество до войны показывало, что и внутри самой крестьянской массы мы имели довольно развитые рыночные отношения, не только между крестьянами черноземной и нечерноземной полос, которые улавливались данными о грузообороте хлебов, но и в пределах черноземной полосы внутри одних и тех же губерний, уездов и даже селений, где беспосевные и малопосевные постоянно покупали хлеб у богатых. Этот последний рыночный оборот

---

[1]) См. „Бюджеты крестьян Старобельского уезда".

с.-х. отношений не улавливался никаким аппаратом и только данные бюджетной статистики и то лишь, в последнее время вскрывают перед нами существование и довольно значительные размеры этого внутри-крестьянского рынка.

Из приведенных цифр крестьянских бюджетов, а также из бюджетных материалов по любой губернии видно, что те $^2/_3$ или $^3/_4$ зерновых продуктов, которые поступали на рынок, отчуждались не всей крестьянской массой, *а преимущественно, более зажиточными, многопосевными и многоскотными ее группами.* Эти группы не только снабжали города и за-границу избытками своих продуктов, но и малоземельные, бесхозяйные полупролетарские массы крестьян.

Число многопосевных и многоскотных хозяйств в центральных и западных районах было сравнительно весьма невелико: оно увеличивалось параллельно с увеличением средней обеспеченности тем или иным элементом сел.-хоз. по направлению от запада и центра к юго-востоку. По данным земско-статистических переписей можно твердо установить, что чем более в данной местности приходится, в среднем, десятин посева на один двор, тем больше в ней процент верхних многопосевных слоев и тем меньше процент нижних малопосевных и безпосевных.

Уезды, в которых на 1 двор приходится в среднем дес. посева.	Процент хозяйств. Безпосевных.	С недостаточным посевом (до 3-х—5 дес.)	Средне обеспечен. (от 3—5 до 9—10 дес.).	Выше среднего от 9—10 дес. до 12—15 дес.).	С наивысш. посевом (свыше 12—15 дес.).
До 3-х дес. .	21,5	49,7	27,0	1,0	0,8
3—6	9,9	38,4	38,0	8,4	5,3
6—9	6,9	33,6	42,8	10,9	5,8
9—12 . . .	7,6	27,5	30,9	15,7	18,3
Св. 12 дес. .	7,5	11,7	21,0	19,6	40,2

Последние переписи 1917 и 1919 г. г. показывают, что даже после революции и стихийной волны уравнительных переделов верхние многопосевные группы, игравшие на юго-востоке весьма значительную роль, сохранились там больше, чем в остальных районах.

	РАЙОНЫ.		Процент хозяйств. Безпосевных.	С посевом до 2-х дес.	От 2-х до 4-х.	От 4-х до 8-ми.	От 8-ми до 13.	От 13 до 19 дес.	Свыше 19 дес.
Нечерноземная полоса.	Северный . .	1917	9,0	47,1	35,3	8,3	1,2	—	—
	„ .	1919	4,8	63,5	27,5	3,9	0,3	—	—
	Приозерный.	1917	15,7	50,5	24,1	8,5	0,8	0,1	—
	„ .	1919	11,8	71,0	14,7	2,4	0,1	—	—
	Цен.-Пром. .	1917	13,9	52,8	26,2	6,8	0,3	—	—
	„ .	1919	6,4	71,0	20,4	2,2	—	—	—
	Приуральск..	1917	3,3	8,7	24,6	44,0	16,2	2,7	0,5
	„ .	1919	1,9	16,8	36,0	36,7	7,5	1,0	0,1

Черноземная полоса.	Цен.-Зем. . .	1917	6,5	20,4	23,3	31,5	10,5	2,1	0,7
	„ . .	1919	1,8	19,9	39,0	34,9	5,0	0,3	—
	Ср.-Волж. .	1917	7,7	23,2	26,6	28,1	10,6	2,8	1,0
	„ .	1919	3,8	24,6	35,2	30,9	4,9	0,3	—
	Н.-Волж. . .	1917	10,2	11,7	14,8	26,9	18,8	9,7	7,8
	„ . .	1919	5,3	18,5	21,6	32,2	16,0	4,9	1,5

(См. ст. Хрящева в № 5—8 Вестника статист.: „К характеристике крестьянск. хоз-ва революционного времени").

Эта таблица в высшей степени характерна. Она отчетливо показывает, как в нечерноземной и черноземной полосах до революции число многопосевных хозяйств увеличивалось по направлению от центра на восток. В черноземной полосе, где средние размеры посевных площадей на один двор были больше—там и число многопосевных дворов оказывалось более значительным. В центральных нечерноземных районах, после революции совсем почти не осталось дворов с посевом более 8 десятин; в Приуральском и во всех черноземных районах они сохранились, хотя в количестве вдвое меньшем, чем в 1919 г., а в Нижне-Волжском районе сохранилось даже 6,4% дворов с посевом свыше 13 дес., тех самых, которые, согласно приведенным выше бюджетам крестьян Старобельского уезда, отчуждали на рынок почти 40% с.-х. продуктов.

Революционная тенденция к полной уравнительности в нечерноземных районах привела к тому, что в этих районах увеличились главным образом малопосевные группы (до 2-х дес.), а все остальные сократились, и в черноземных же хотя и немного увеличились наряду с малопосевными и среднепосевные (от 4-х до 8 дес.). Безпосевные же повсюду сократились.

Отсюда мы можем сделать два важных вывода: 1) до войны и революции главными поставщиками на рынок преимущественно *зерновых* продуктов являлись более зажиточные многопосевные группы крестьян. Эти группы были наиболее распространены на юго-востоке. На них, а не на крупнопоместном хозяйстве держалось значение юго-востока, как хлебной житницы остальной России и Западной Европы. 2) Хотя революция на юго-востоке как и в других районах, благодаря уравнительному распределению, чрезвычайно сильно сократила количество многопосевных хозяйств, но все же здесь они сохранились в значительно больших размерах, чем в центральных, густо-населенных губерниях, где нужда в земле у крестьян была гораздо острее и где поэтому, черный передел был произведен с гораздо большей тщательностью.

Поэтому можно ожидать, что с развитием вновь рыночных отношений возрождение относительно многопосевных крестьянских хозяйств на юго-востоке пойдет быстрыми шагами вперед, тем более, что обилие пустующих сейчас удобных земель (особенно в бывших владельческих поместьях), вполне допускает такое расширение. Другой вопрос—следует ли поощрять устремление этих хозяйств в сторону увеличения зерновой, а не скотоводческой продукции? В интересах народного хоз-ва России, необходимо бы было направить их энергию скорее в эту последнюю сторону, тем более, что

положение мирового рынка, как мы уже указывали, наиболее благоприятное для сбыта именно скотоводческих продуктов. В центральных и западных районах, где в силу густоты земледельческого населения крупно-крестьянские хоз-ва ни при каких условиях не будут играть большой роли, их место могут занять крестьяне-середняки, если интенсификация сельского хозяйства в этих районах будет развиваться более или менее убыстренным темпом. Ибо те же земские данные крестьянских бюджетов показывают, что если денежные доходы от продажи продуктов полеводства (а также и скотоводства) повсюду в верхних группах больше, чем в средних в несколько раз, то относительно продуктов огородничества, садоводства, птицеводства по центральным губерниям можно отметить довольно частые случаи, когда даже денежный доход на 1 хоз-во от этих продуктов в средних группах оказывается большим, чем в верхних. Например: в Воронежской губернии доходы от огородничества в группе с наделом 5—15 дес. составляют 4,6 руб., с наделом от 15 до 25 дес.—8 руб. и свыше 25 дес.—только 3,4 руб. В Вологодском уезде в средней группе (от огорода и птицы)—1,5 руб., а в верхней—1,4 руб. и т. д.

Приведенные данные земской статистики относятся к концу XIX и самому началу XX века и поэтому сильно устарели для разрешения данного вопроса. Но в каком направлении должна у нас пойти эволюция в центральных и западных районах—в этом отношении можно судить по данным, относящимся к Западной Европе. Так напр., под огородами, садами и виноградниками оказывается в % по всей площади:

В Германии. (1895 г.).		Во Франции. (1892 г.).	
Хоз-ва до 2-х гект.	5,6	До 1 гект.	17,0
„ 2— 5 „	2,2	1—10 „	7,5
„ 5—20 „	0,9	—	—
„ 20—100 „	0,5	10—40 „	4,5
„ свыше 100 „	0,4	Свыше 40 гект.	3,6

Количество скота на 100 гектаров пашни в Германии:

	Крупн. рог. скота.	Свиней.
Хоз-ва до 2-х гект.	78,3	191,7
„ 2— 5 „	85,3	71,2
„ 5—20 „	64,1	48,3
„ 20—100 „	47,1	26,9
„ свыше 100 гект.	25,0	11,3

Эта закономерность проявляется повсюду в культурных странах Западной Европы и поэтому мы можем, с достаточной степенью уверенности, предполагать, что при развитии интенсивного сельского хозяйства и у нас, несмотря на преобладание в центральных и западных районах средних групп в крестьянской массе, хоз-ва середняков окажутся способными поставлять на рынок значительно большее количество продуктов более высокого каче-

ства, чем поставляли до войны. И, таким образом происшедшее территориальное дробление, хотя и нанесло, несомненно, значительный ущерб рыночности крестьянского хоз-ва, но этот ущерб может быть с прибылью возмещен при дальнейшей интенсификации земледелия и скотоводства. Для развития же рыночных отношений на экстенсивном юго-востоке восстановление крупно-крестьянских хозяйств является необходимым условием.

Заключение.

Заканчивая на этом первую часть настоящих очерков, позволяем себе высказать в заключение несколько соображений общего характера по вопросу о роли и значении экономической географии, как не только научной, но отчасти и практической дисциплины.

Как уже было сказано во введении, экономическая география должна ставить себе задачей изучение структуры мирового и народного хозяйства. Мировое и народное хозяйство складываются под влиянием двоякого рода факторов: мало изменяющихся во времени—естественно исторических и постоянно меняющихся факторов воздействия человека на природу с целью хозяйственного использования природных благ. Хозяйственная деятельность человека слагается либо в результате влияния *стихийных* процессов возрастания плотности населения и образования рынка, из которых первый фактор влияет главным образом на сельское хозяйство, либо в зависимости от *организованных* попыток воли и разума тех или иных руководящих организаций и групп населения перестроить стихийный ход народно-хозяйственной эволюции по тому плану, какой представляется им наиболее целесообразным. Три вида организаций—государственные, муниципальные и общественные воздействуют на мировое и народное хозяйство: но детальный анализ их деятельности входит в круг ведения другой дисциплины—именно *экономической политики;* экономическая же география затрагивает их лишь постольку, поскольку результаты сознательной человеческой воли уже успели сказаться на той или иной отрасли народного хозяйства.

Итак, экономическая география изучает структуру мирового и народно-хозяйственного организмов, как они слагаются под влиянием физико-географических факторов и хозяйственной деятельности человека, обусловленной отчасти стихийными процессами наростания и перемещения населения и средств производства из деревень в города, из густо населенных стран в редко населенные,—отчасти сознательной волей человеческих организаций. Так как эти стихийные факторы воздействия человека на природу изменчивы—для выяснения их результатов недостаточно изучить современную структуру мирового и народного хоз-ва, необходимо выяснить, под влиянием каких *исторических* условий она слагалась, ибо только тогда мы поймем причины, по которым народно-хозяйственный организм складывался так или иначе, а также установим степень *устойчивости* того или иного народно-хозяйственного явления. Вот почему мы в настоящих очерках повсюду применяли метод историко-географического анализа.

Мы отлично сознаем, что законченная нами 1-ая часть очерков весьма

далека от совершенства, отчасти по причинам, от нас независящим, на которые мы уже указывали в их начале. *) Мировая война, а в России и революция, произвели огромные сдвиги в структуре народно-хозяйственных организмов всего мира: хотя эти сдвиги соответствуют до известной степени, тем *эволюционным* тенденциям, которые намечались в развитии народного хозяйства и поскольку они им соответствуют—надо думать, они и закрепятся в дальнейшей эволюции—однако, во 1-х, это соответствие существует далеко не во всех наблюдаемых сейчас явлениях народно-хозяйственной жизни, во 2-х, вообще, как всегда бывает, политические факторы, игравшие первенствующую роль за истекшее семилетие, слишком резко повернули колесо хозяйственной истории и более медленная по темпу, экономическая эволюция начинает его поворачивать назад. Так, наприм., мировая война слишком сильно передвинула центр тяжести мирового хоз-ва из старой Европы в Соед. Штаты Америки. В сборнике „Междун. проблемы", в статье Я. М. Букшпана приводится такой итог экономической роли Соед. Штатов сейчас: „В общей сумме Соед. Штаты производят теперь 25% мирового производства с.-х. продуктов, 40% минералов, 34% промышленных изделий. При этом население С. Шт. составляет только 5% населения земного шара". Конечно, экономическая роль остальных 95% населения земного шара еще далеко не сыграна и, по мере восстановления нормальных хозяйственных отношений, она снова станет усиливаться, а значение С. Шт. соответственно уменьшится.

В частности должно возрасти экономическое значение *России* в мировом хоз-ве. Ибо наличие и природных благ, и количество трудоспособного населения у нас достаточто велики, чтобы при происшедшем, благодаря войне, истреблении массы накопленных культурным человечеством хозяйственных благ, втуне лежащие богатства России остались неиспользованными. Вовлечение России в мировое хоз-во, можно надеяться, пойдем быстрее, чем раньше, и это—одна из основных причин, долженствующая выдвинуть у нас в ближайшем будущем на первый план роль *рыночных* отношений в той отрасли народного хоз-ва, которой посвящена первая часть наших очерков—в сельском хозяйстве.

Совершенно правильно проф. П. Э. Ден в только что вышедшей работе „положение России в мировом хоз-ве" указывает на *натурально-хозяйственный* уклад русской экономической жизни, как на одно из главных препятствий к вовлечению России в мировое хоз-во. „Вытекая из глубоких основ нашей народной жизни, из географического положения страны и ее исторических судеб, эти натурально-хозяйственные элементы до сих пор тяготеют над нашим хозяйственным развитием, выражаясь в малой плотности населения, в слабом оборудовании страны путями сообщения и в общей хозяйственной отсталости. Они являются причиной слабого развития нашей горной, горнозаводской и обрабатывающей промышленности, а равно и господствующей у нас низкой производительности труда, характеризующей все сферы на-

*) В виду того, что она печаталась в течение 7 месяцев, фактической материала наших очерков успел уже отчасти устареть.

шего народного хозяйства и особенно резко выступающей в низкой урожайности земли. Натуральное хоз-во, в силу присущих ему основных особенностей, всегда бывает связано с низкой производительностью народного труда, слабым развитием потребностей и общей хозяйственной косностью".

В одном отношении изложенный сейчас вывод проф. Дена определенно неправилен в том, что, по его мнению, *плотность* населения у нас была слишком мала до сих пор. Наш предыдущий анализ показал, наоборот, что плотность сельского населения к удобной земле во многих центральных и западных районах была слишком велика—она то и служила основной причиной наступившего в конце XIX века в Европейской России аграрного кризиса со всеми его последствиями, вплоть до революции. Она была слишком велика при отсутствии *рынка*, ибо только образование серьезного внешнего и внутреннего рынка дает возможность земледельцам перейти на интенсивное хозяйство, гармонически увеличивающее производительность земли одновременно с подъемом производительности человеческого труда и тем самым освобождающее земледельцев от аграрного кризиса, в который вовлекло их экстенсивное зерновое трехполье. С другой стороны на экстенсивном юго-востоке, где рыночное земледельческое хоз-во было гораздо более развито, чем в остальной России, силу именно относительной *редкости* населения и наличия большого числа крупных крестьянских хозяйств, быстрое уплотнение, посредством напр. перемещения *сюда сразу* нескольких миллионов переселенцев, уничтожив рыночные крестьянские хоз-ва, вовлекло бы и эти районы в состояние длительного аграрного кризиса. Поэтому, относительно большая плотность населения далеко невсегда и не везде является стимулом к развитию рыночных отношений. Наприм., в Австралии, где большая часть европейских насельщиков сосре доточилась в городах, крайная редкость сельского населения не препятствует развитию рыночности экстенстивного сельского хоз-ва.

Во всем остальном проф. Ден безусловно прав: и для наступающей сейчас эры реорганизации народного и, в особенности, сельского хозяйства России развитие рынка не только внешнего, а еще более, пожалуй, *внутреннего* является непременным постулатом для дальнейшего сельско-хозяйственного прогресса, ибо огромность территории нашей страны и разнообразие естественно-исторических и экономических условий в отдельных районах, сами по себе, при наличности хороших путей сообщения должны вызвать весьма большей внутренний товарообмен. Уже до войны, С. Н. Прокопович определял размеры нашей внутренней торговли в 7,9 миллиардов рублей, тогда как внешний торговый оборот в 1913 г. расценивался в 2,8 миллиардов, т.-е. втрое меньше. Рассеяние черезчур сконцентрированной при самодержавии индустрии и городского населения от нечерноземных центров к южным и восточным окраинам должно стимулировать развитие внутреннего рынка.

Из наших очерков мы видим, что сползание населения на юг и восток-процесс, который начался в России с конца XVI века и который особенно усилился в пореформенную эпоху. Этот естественный процесс приводит к тому, что в XX веке наш юго-восток становится житницей Европы

и России. Вслед за передвижением людей, как и во всем мировом хозяйстве в собственном народном хозяйстве России начинает развиваться передвижении „вещей"—внутренний товарообмен. Отсюда можно полагать, что мы стоим на пороге третьего фазиса—передвижения *капиталов*, столь необходимых на наших окраинах, богатых природными благами, для широкого развития горнозаводского дела, индустрии и, как разультат, взаимодействия индустрии и сельского хозяйства—для эволюции рыночного земледелия, а особенно—скотоводства. Отсюда основной вывод: *децентрализация* торговли и индустрии особенно сельско-хозяйственной—вот один из важнейших рычагов для под'ема сельско-хозяйственных производительных сил в России.

Только такая децентрализация и, как ее следствие—двустороннее развитие на окраинах одновременно сельского хозяйства и индустрии, спасет наши редко населенные окраины от аграрного кризиса, уже пережитого центральными районами. Этот кризис вызывался односторонней гипертрофией экстенсивного зернового земледелия, вытесняющего пастбищное скотоводство, что и приводило к периодическим, все учащающимся неурожаям и голодовкам, в роде только что пережитой нами на юго-востоке. Отсюда вывод—что и сельское хозяйство окраин должно в будущем стремиться к двустороннему характеру эволюции—одновременному развитию земледелия и скотоводства, благодаря применению которого близко подходящая по своим природным условиям к нашим окраинам молодая заокеанская республика Соед. Штаты—с'умела перескочить через стадию аграрного кризиса, который уже начал надвигаться на нее в конце XIX столетия.

Таковы главные выводы индуктивного экономико-географического анализа, произведенного в настоящих очерках, которые имеют большое значение для построения рациональных систем экономической политики. До революции фокусом, на котором сосредоточивалось общественное внимание являлись *земельные* отношения. Для последующей эры XX века основной осью экономической политики должно стать развитие *рыночных* отношений, как внешних, так особенно внутренних, достигаемое в значительной степени, посредством децентрализации индустрии и городской жизни, приближающей промышленность к источникам топлива и сырья и рыночных потребителей к массивам с. х. продукции. „Органический" процесс такой децентрализации происходил в России, как и во всем мире, на протяжении многих десятилетий последней эпохи—эпохи мирового экономического прогресса. Но старая политика—политика це трализации экономической власти препятствовала до революции развернуться этому процессу во всю ширь. Теперь этого препятствия нет, и чем шире он развернется—тем быстрее будут залечены раны, нанесенные народному хозяйству России событиями последних лет и тем скорее Россия займет в мировом хозяйстве подобающее ей место.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
ВВЕДЕНИЕ.	Предмет и задачи экономической географии	3
ГЛАВА I.	Мировое хозяйство.	6
ГЛАВА II.	Народное хозяйство России. Проблема районирования.	12
ГЛАВА III.	Физико-географические области России. Значение природных факторов. Происхождение почвенно-ботанических зон России. Характеристика зон (тундровая, таежно болотистая, смешанных лесов, лесо-степная, северных черноземных степей, южно-степная, горно-лесные области). Заключение.	23
ГЛАВА IV.	**Население.** Влияние плотности населения и рынка на сельское хозяйство. Соотношение основных категорий населения за границей и в России до мировой войны. Рост и уплотнение населения России по районам. Движение населения за границей и в России во время войны и революции	34
ГЛАВА V.	**Колонизация. Переселенческое движение в России.** Факторы колонизации. Переселенческое движение в Европе и России. Результаты переселенческого движения в Сибирь	51
ГЛАВА VI.	**Формы хозяйства. Землевладение и землепользование.** Общая тенденция сельско-хозяйственной эволюции. Роль политических факторов в земельных отношениях. Краткая история земельных отношений в России. Распределение земли после революции. Формы крестьянского землепользования	64
ГЛАВА VII.	**Сельское хозяйство. Общий ход с.-х. эволюции за границей и в России** Основные тенденции с.-х. эволюции. С.-х. эволюция за границей и в России в XX веке до войны. Мировое и русское сельское хоз-во за 1913—1921 г.г.	90
ГЛАВА VIII.	**Земледелие** Эволюция земледения в России по поясам и районам Пропорция культур по районам. Динамика посевов, урожаев и сборов отдельных культур	106
ГЛАВА IX.	**Скотоводство.** Общее движение скотоводства. Характеристика скотоводства по районам	138
ГЛАВА X.	**Второстепенные сельско-хозяйственные промыслы** Рыболовство. Пушной промысел. Оленеводство. Садоводство, огородничество, бахчеводство и прочие мелкие культуры. Птицеводство, пчеловодство и шелководство	159
ГЛАВА XI.	**Внешняя торговля.** Внешний рынок, как фактор, организующий сельское хоз-во. Внешняя торговля в России в XIX и XX столетиях. Экспорт и импорт отдельных продуктов и средств производства. Россия на мировом рынке	175
ГЛАВА XII.	**Внутренняя торговля России сельско-хозяйственными продуктами.** Характеристика общего развития внутреннего рынка России. Изменение внутреннего грузооборота по районам. Хозяйства различных типов по отношению к рынку . . .	211
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	. . . . .	235